

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 17

Выпуск 1

Екатеринбург – 2017

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Заместители главного редактора

Философия, политическая наука: **Виктор МАРТЬЯНОВ**, заместитель директора по научной работе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.

Право: **Валентина ЭМИХ**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук

Международный редакционный совет

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Хоакин Х. АЛАРКОН**, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Армандо С. ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Ольга МАЛИНОВА**, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Редакционная коллегия

Философия: **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук.

Политическая наука: **Олег ПОДВИНЦЕВ**, зав. Отделом политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.

Право: **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, профессор Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. н., проф.; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); **ISSN 2312-5128** (Online)

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

**INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

**RESEARCH YEARBOOK
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

Volume 17

Issue 1

Ekaterinburg 2017

Editor-in-chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Deputy Editor-in-chief

Viktor MARTYANOV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Valentina EMIKH – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

International Editorial Council

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia);

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain);

Armando S. DURAN – University of San Pablo (San Pablo, Spain);

Alexander KOKOTOV – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia);

Vladislav LEKTORSKY – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia);

Mikhail MALYSHEV – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico);

Yuri PIVOVAROV – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Thomas REMINGTON – Emory University (Atlanta, USA);

Cameron ROSS – University of Dundee (Dundee, UK);

Richard SAKWA – University of Kent (Kent, UK);

Saskia SASSEN – Columbia University (New York, USA);

Carole SIGMAN – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Editorial Board

Vladimir DIYEV – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);

Yuri ERSHOV – Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia);

Elena STEPANOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Elena TRUBINA – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Oleg PODVINTSEV – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia);

Olga POPOVA – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Sergey POCELUEV – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Olga RUSAKOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Oleg ZAZNAEV – Kazan Federal University (Kazan, Russia);

Mikhail KAZANTSEV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Sergey KODAN – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

Pavel KRASHENINNIKOV – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Natalia FILIPPOVA – Surgut State University (Surgut, Russia).

The journal is recommended by the Russian Ministry of Education and Science for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS; it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Сейерс Ш.* Идея коммунизма 7
Коряковцев А.А. Социальные проекты Нового времени
сквозь призму методологии классического марксизма 21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Ротштейн Б.* Коррупция и общественное доверие:
почему рыба гниет с головы 37
Мартьянов В.С. Доверие в современной России:
между поздним Модерном и новой сословностью? 61

ПРАВО

- Семитко А.П.* О приоритете прав и свобод человека
как правовом принципе либерализма
в российской и зарубежной литературе.....83
Ильиных А.В. Проблемы определения правового статуса
внутригородских районов 106

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- S. Sayers.** Idea of Communism 7
- A. Koryakovtsev.** Social projects of New time through the prism
of classical Marxist methodology 21

POLITICAL SCIENCE

- B. Rothstein.** Corruption and social trust:
why the fish rots from head down 37
- V. Martianov.** Trust in contemporary Russia:
between late modernity and new estate order? 61

LAW

- A. Semitko.** On Priority of rights and freedoms of a person
as legal principle of liberalism
in Russian and foreign sources 83
- A. Ilyinykh.** Problems of definition of intacity areas' legal status 106

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Сейерс, Ш. Идея коммунизма // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 7–20.

УДК 141.82

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.720

ИДЕЯ КОММУНИЗМА

Шон Сейерс¹

доктор философии,
Университет Кента, Великобритания.
E-mail: S.P.Sayers@kent.ac.uk

Материал поступил в редколлегию 18.11.2016 г.

Современный марксистский подход к анализу коммунистической альтернативы глобальному капитализму не является утопическим, но в то же время выходит за рамки традиции «научного коммунизма». С точки зрения Маркса, коммунизм представляет собой исторический этап будущего, который не возникает *ex nihil*, а является закономерным продуктом эволюционных (количественных) и революционных (качественных) трансформаций капитализма, обусловленных социальными

¹ Шон Сейерс (Sean Sayers) – известный английский философ, проповедующий идеи гегельянского марксизма. Прежде всего он известен своими трудами в области истории марксистской философии, социальной философии, философской антропологии, философии истории, этики, теории познания, метафизики и логики. Учился в университетах Кембриджа и Оксфорда, докторскую степень получил в университете Кента (Кентербери), где работает с 1969 г. по настоящее время. Наиболее известные книги Ш. Сейерса: *Marx and Alienation: Essays on Hegelian Themes* (2011); *Plato's Republic: An Introduction* (1999); *Marxism and Human Nature* (1998). Сейерс является членом редакционных советов таких журналов, как «*Radical Philosophy*», «*The Marx and Philosophy*» и «*Marx and Philosophy Review of Books*».

Редакция журнала «Научный ежегодник ИФиП УрО РАН» благодарит профессора Ш. Сейерса за любезно предоставленный текст.

и экономическими противоречиями. Современные же марксисты (А. Бадью, Л. Альтюссер, Д. Бенсайд), напротив, считают, что коммунизм является абсолютным «разрывом», «внезапным событием», которое не имеет никаких причин в прошлом. Более того, само коммунистическое будущее не выступает у них закономерным итогом имманентного развития капитализма, а представляет собой только лишь некий «горизонт». Автор показывает, что качественные – революционные – изменения не являются абсолютными, тотальными, внезапными и самопроизвольными разрывами, как представляют их Бадью, Альтюссер и др. Вслед за Марксом он утверждает, что эти изменения не возникают из ниоткуда. Напротив, есть сущностная связь между последовательной, количественной фазой развития и революционным, качественным прорывом, который и является ее итогом. Имеют место как непрерывность, так и дискретность. Революционный перелом может вполне казаться внезапным и непредсказуемым, но он никогда не случается совершенно неожиданно. Хотя капитализм находится в кризисной ситуации, сейчас нет никаких признаков наличия тех сил, которые, согласно теории Маркса, привели бы к его свержению и создали бы новое общество. Капиталистический мир продолжают раскалывать противоречия, описанные Марксом, что, несомненно, обусловит в итоге появление сил, которые его упразднят и создадут социалистическую форму общества. Автор не может *доказать* или *продемонстрировать* это, поскольку сейчас нельзя указать силы, которые необходимы для того, чтобы эта альтернатива была создана. С учетом вышесказанного, по существу, это дело *веры*: веры в коммунизм. Но здесь не просто слепая вера, проявляющая себя в понятии внезапного революционного *события* Бадью и его дематериализованной *идеи коммунизма*. Вера, присущая марксизму, сильно отличается от такой веры. Марксистская вера в коммунизм – это убеждение, что коммунизм не чистая *идея*, но действительная тенденция самой истории. Это убеждение основывается на марксистской теории истории и соответствующем анализе сил, действующих в капитализме.

Ключевые слова: марксизм, коммунизм, капитализм, история, разрыв, событие, детерминация, вера, А. Бадью.

С момента крушения «реального коммунизма» в СССР и Восточной Европе и с начала триумфа неолиберализма нам говорят, что коммунизм мертв. Но в настоящее время капитализм претерпевает затяжной кризис, и идея его альтернативы – коммунизм – вновь выходит на повестку дня. Идея коммунизма имеет очень давнюю историю. Ее можно отследить уже в «Государстве» Платона. В наши же дни она ассоциируется, прежде всего, с марксизмом. Недавно к ней привлекли особое внимание постмарксисты, такие как Ален Бадью, Славой Жижек и другие философы [Douzinas, Žižek 2010; Badiou 2010; Žižek 2013; Bosteels 2005; Dean 2012; Badiou, Engelmann 2015].

В предлагаемой статье я собираюсь сфокусировать внимание на Бадью и Альтюссере, с которым Бадью (мы рассмотрим это далее) разделяет некоторые позиции. Как известно, марксисты традиционно различают два вида коммунистической идеи: утопическую и научную [Энгельс 1961b]. Я планирую продемонстрировать, что идеи мыслителей, подобных А. Бадью, к счастью, не попадают ни в одну из этих категорий. Утопическая форма коммунизма представляет собой видение будущего общества, основанное на морально-политической концепции того, каким общество *должно быть* в идеале. Достаточно обратиться к «Государству» Платона, трудам таких со-

циалистов XIX в., как Оуэн, Фурье, Каабе, и некоторых современных анархистов и зеленых, чтобы составить себе адекватное представление об *утопичности* их версий коммунизма. Марксизм же, напротив, заявляет о себе как о *научной* теории в широком смысле этого термина. Марксистское понятие коммунизма основывается на социально-экономической теории (исторический материализм) капиталистического общества, объясняющей, как оно в действительности существует и как исторически развивается.

Марксистская идея коммунизма. Для Маркса капитализм – это специфический и ограниченный во времени этап истории человеческого общества. Капитализм порождает неустранимые противоречия, которые в итоге приведут к его смене, а коммунизм и есть следующий этап общественного развития. Коммунизм осуществится не в качестве желанной цели и не потому, что к нему целеустремленно стремятся как к некоему идеалу, но из-за материальных – социальных и экономических – сил, действующих в капиталистическом обществе. В течение десятилетий нам постоянно повторяли, что эти идеи устарели и несостоятельны. Свободный рынок – это самоорганизующийся механизм, который автоматически ведет к росту и процветанию. Коммунизм же мертв, а капитализм – единственная возможность развития человечества в глобальном масштабе. *Альтернативы этому нет.* Но подобная философия сегодня основательно дискредитирована. Современный кризис со всей очевидностью продемонстрировал, что капитализм подвержен дисфункциональным и кризисным состояниям. Свободный рынок – это отнюдь не благотворная саморегулирующаяся система, как утверждает неолиберальная философия. Напротив, это чуждая человеку структура, живущая собственной жизнью. Это неконтролируемый и по своему существу нестабильный механизм, работа которого приносит нежелательные и разрушительные последствия. В период рецессии, такой как, например, мы сейчас переживаем, огромные массы людей становятся безработными и их жизнь подвергается тотальному разрушению.

Согласно Марксу, подобные экономические кризисы свидетельствуют, что капиталистическая система больше не способна освоить и развить те производительные силы, которые она сама создала. «Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями» [Маркс, Энгельс 1955а: 429]. В соответствии с теорией Маркса, в капитализме производительные силы приобретают все больший масштаб и становятся общественными, при этом все менее и менее они способны находиться исключительно в рамках капиталистической системы частной собственности. Капитализм растет через последовательную череду подъемов и кризисов. Для того чтобы экономика была способна развиваться менее деструктивным способом, необходима в большей степени социализированная система социально-экономических отношений. В этом аспекте, утверждал Маркс, коммунизм представляет собой не идею и не идеал, а ту форму общественного устройства, к которой

стремятся действительные тенденции развития капиталистической экономики.

Таков экономический аспект Марксова анализа капитализма. По большому счету, последние события подтверждают его. Тем не менее современная ситуация наглядно показывает, что, как и признавал это и сам Маркс, одного только экономического кризиса не достаточно для того, чтобы произошло изменение системы. У этого процесса должно быть и политическое измерение. Здесь мы подходим к более проблематичным аспектам в теории Маркса. Согласно Марксу, развитие капитализма приведет также и к росту нового, сознательного, организованного и воинствующего рабочего класса. Это та *политическая* сила, которая в конечном итоге свергнет капитализм и создаст новое общество.

Идея коммунизма у А. Бадью. По крайней мере, такова *теория* Маркса. Главная проблема для нее состоит в том, что революционный рабочий класс, как нам представляется, до сих пор не развился ни в этой стране, ни где бы то ни было в мире. Мыслители, подобные Алену Бадью, пытаются дать ответ с учетом сложившейся ситуации, и их работы следует рассматривать именно в этом контексте. За последние годы Бадью своими публикациями и выступлениями сделал много в деле распространения идеи коммунизма. Он настойчиво провозглашает себя коммунистом, однако не так-то легко вписывается в традиционную марксистскую парадигму. Безусловно, Бадью не «утопист» и не говорит о том, каким с точки зрения идеала может быть общество будущего; несмотря на то что он часто ссылается на Маркса, его вряд ли можно отнести к ортодоксальным марксистам. Иногда его называют «постмарксистом». Он отрицает теорию истории Маркса, но делает это не для защиты утопического идеала. Вместо этого он предлагает другую теорию истории, и это ведет к другому виду политической деятельности. Я говорю «другую теорию истории», хотя, наверное, было бы точнее сказать, что Бадью скептически относится к любым теориям истории в целом, ибо он отвергает идею какой-либо модели или логики в истории, считая признание такой логики гегельянским искажением марксизма. История, как утверждает Бадью, пунктирно пронизана серией произвольных и непредсказуемых разрывов.

Подобная точка зрения доминирует особенно во французской философии: она выдвигается в авангард в той или иной форме не только Бадью, но и Фуко, Делезом, Лиотаром, а в ее отношении к марксизму – в частности Альтюссером. Все эти философы отрицают идею, что история следует какому-то необходимому курсу; они настаивают: история содержит в себе разрывы (*ruptures*) и прерывания постепенности (*discontinuities*). Согласно Альтюссеру, например, история – это «алеаторный» процесс (*aleatory* – случайный), зависящий от флуктуаций [Althusser 2006]; Бадью подчеркивает роль «события» как непредсказуемого происшествия, которое задает курс развития по новому, другому пути.

Для Бадью любимый пример внезапного, по всеобщему мнению, «события» – это майские демонстрации 1968 года в Париже; он часто также ссылается на культурную революцию в Китае. Эти события как будто бы возникли случайно. Они были неожиданными даже для их участников.

Но, конечно же, это не говорит о том, что они действительно возникли из ничего. Напротив, данные события были логическим продолжением предшествующих путей развития и результатом действия фундаментальных движущих сил, на тот момент латентных для участников этих событий. Указанная закономерность становится более очевидной, когда появляется возможность рассмотреть события в более широком историческом контексте. Например, майские события 1968 г. во Франции были лишь частью большого количества движений за перемены в течение всех 60-х гг. XX в. Эти движения включали в себя движение за гражданские права в США, борьбу против империализма в различных местах планеты, будучи в особенности сфокусированными на протесте против войны во Вьетнаме, а также другие протестные акции, в том числе и выступления студентов.

В итоге все это в качестве кульминации и вылилось в протесты, которые имели место не только в Париже: они проявились в общественном волнении, достигшем своей критической точки в тот год, в прокатившихся волной студенческих и других массовых демонстрациях по всему капиталистическому миру, произошедших массовых беспорядках и в некапиталистическом секторе (культурная революция в Китае, Пражская весна и т.д.). Конечно же, увидеть более широкий контекст, в котором произошли майские события 68-го года во Франции, – не значит объяснить их. Тем не менее все это свидетельствует, что понять их можно только через рассмотрение более широких исторических условий, которые к ним привели. Это единственно возможный рациональный способ найти причины этих событий. Более того, Д. Бенсаид, например, приводит свои контраргументы, рассматривая некоторые упомянутые Бадью предполагаемые *события*: «... штурм Бастилии можно понять только в контексте Старого порядка (*Ancien Régime*); конфронтацию в июне 1848 г. можно понять исключительно в контексте урбанизации и индустриализации; мятеж Парижской коммуны можно понять только в контексте волнений европейских наций и падения Второй империи; Октябрьскую революцию можно понять только в конкретном контексте “капиталистического развития в России” и судорожного исхода Первой мировой войны» [Bensaïd 2004].

Несомненно, Бадью будет настаивать, что он и не отрицает всего этого. Он признает, что *событие* всегда «находится в контексте» и связано с теми обстоятельствами, в которых оно возникает. Так, например, он говорит: «Событие сразу и *ситуативно* – оно является событием в той или иной ситуации, – и *дополнительно*, а стало быть, *абсолютно* оторвано, или освобождено, от всех правил данной ситуации... Тогда возникает вопрос: что же осуществляет связь события с тем, “для чего” оно является событием? Эта связь есть *пустота в предшествующей ситуации*» [Бадью 2006: 44–45] (курсив мой. – Ш.С.). Однако сама «пустота» предшествующей ситуации не позволяет установить эту связь, поскольку она оказывается полностью неопределимой. Таким образом, хотя Бадью пытается поместить событие в «ситуацию», он тут же отрицает это своим утверждением, что событие также «абсолютно оторвано» от данной ситуации; это очевидное противоречие между данными двумя позициями остается неразрешенным. Тем не менее

акцент в большинстве его работ очень жестко сделан на этом аспекте оторванности [см.: Bensaïd 2004].

Изменение и непрерывность. Отношение между изменением и непрерывностью является важной темой в марксистской философии. На формирование идей марксистской философии, на ее подходы к этой проблеме оказала сильное влияние философия Гегеля. Несмотря на то что Маркс рассматривает историю как прогресс, он не считает, что она протекает всегда равномерным и постепенным образом. Подобно Гегелю, он воспринимает историю как процесс, разделенный на серию отдельных этапов. На каждом этапе изменения протекают постепенно, но затем происходит внезапное радикальное прерывание постепенности – *революционный разрыв* – и начинается новая стадия. Именно этот подход лежит в основе оценки Марксом революционных изменений при рассмотрении им исторического материализма в его «Предисловии» 1859 г. [Маркс 1959: 6-8]. Тем не менее и Маркс, и Гегель отвергают идею, что подобные прерывания случайны или непредсказуемы (ключевой тезис теории Бадью о *событиях*, которые возникают неожиданно, как будто бы из ниоткуда). То есть эти мыслители отвергают идею о том, что революционные события являются *лишь* разрывами (*discontinuities*), совершенно ничем не обусловленными. Здесь Гегель и Маркс придерживаются кантианской точки зрения, утверждая, что в данном случае мы имеем дело с «регулятивным принципом» – фундаментальным принципом рационалистической мысли, согласно которому каждое событие имеет причину, даже если такая причина неизвестна или недоступна пониманию.

Идея того, что события происходят *ex nihil*, ничем не детерминированы и внезапны, противоречит этому; данная идея равносильна идее «мирского чуда» Д. Бенсаида [Bensaïd 2004; ср.: Landa 2013]. Согласно марксистскому и гегельянскому – диалектическому – мнению, постепенные, постоянно нарастающие *количественные* изменения, в конечном счете, приводят впоследствии к радикальным и революционным – *качественным* – трансформациям. «Изменения бытия, – пишет Г.В.Ф. Гегель, – суть не только переход одной величины в другую, но и переход качественного в количественное и наоборот, иностановление, которое есть перерыв постепенного и качественно иное по сравнению с предшествующим существованием» [Гегель 1970: 466]. Но эти качественные – революционные – изменения не являются абсолютными, тотальными, внезапными и самопроизвольными разрывами, как представляют их Бадью, Альтюссер и др. Они не возникают из ниоткуда. Напротив, есть онтологическая связь между последовательной, количественной фазой развития и революционным, качественным прорывом, который и становится ее итогом. Существуют как непрерывность (преемственность, *continuity*), так и дискретность (отсутствие непрерывности, *discontinuity*). Революционный перелом может вполне казаться внезапным и непредсказуемым, но он никогда не является абсолютно неожиданным, поскольку всегда имеются признаки надвигающегося революционного события в период, ведущий к нему.

Гегель дает прекрасное описание таких предвестников, относящихся к Великой французской революции 1789 г.: «Но как у младенца при рождении после длительного спокойного питания первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста – совершается качественный скачок, – и ребенок появился на свет, так образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой; о неустойчивости последнего свидетельствуют лишь отдельные симптомы. Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопределенное предчувствие чего-то неведомого – все это предвестники того, что приближается нечто иное. Это постепенное измельчение, не изменившее облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира» [Гегель 2000: 12].

Для Гегеля переход от качественного изменения к количественному представляет собой универсальный логический (онтологический) принцип. Энгельс рассматривает его таким же образом, когда провозглашает, что «переход количества в качество и обратно» есть один из трех фундаментальных «законов» диалектики [Энгельс 1961а: 387–388]. Не обязательно быть приверженцем этой глубокой онтологической теории для того, чтобы признать, что она дает продуктивную концептуальную схему для понимания исторического изменения.

Детерминизм. Идея того, что существует подобного рода (диалектическая) логика в рассмотрении истории, что историческое развитие возникает из серии необходимых этапов, представляет собой форму детерминизма. Будучи таковой, эта идея постоянно навлекает на себя критику, требующую исключить какую-либо роль политической жизни или свободной воли. Философия *события* Бадью и его *идея коммунизма*, напротив, основываются на мысли, что будущее неопределенно и открыто. По словам Альтюссера, этот способ мышления предполагает, что «история наличествует ... живет ... открыта будущему ... неопределенна, непредсказуема, но тем не менее свершается» [Althusser 2006: 264]. Эти философы не уверяют, что коммунизм *действительно* последует за капитализмом, но полагают, что у капитализма есть «коммунистический горизонт» [Dean 2012], что коммунистическая альтернатива *возможна* [Badion 2010: 13]. Все это звучит вполне разумно, но в отношении коммунизма просто не работает. Сама по себе неопределенность будущего ничего конкретного в отношении коммунизма не проясняет. Если нам неизвестно, что находится за горизонтом, мы не можем занять никакой позиции, из перспективы которой мы могли бы говорить, что это будет коммунизм: с одинаковой вероятностью это может быть более развитый капитализм, или фашизм, или что-либо еще.

Марксизм тоже утверждает, что у капитализма есть «горизонт», но не в такой абстрактной и чисто формальной манере. Фундаментальной для мировоззрения Маркса является теория о наличии действующих в рамках капитализма определенных и объективных факторов (экономических, социальных и исторических), создающих противоречия, которые и приведут к его гибели и формированию социалистического общества в будущем.

И вовсе не значит, что здесь действует простой детерминизм или же что система автоматически придет к коллапсу под действием своих внутренних противоречий и это стихийно приведет к возникновению нового порядка. Политическое волевое действие и деятельность должны быть также вовлечены; впрочем, влияние таких факторов ограничено. «Люди сами делают свою историю, – писал Маркс, – но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [Маркс 1957: 119]. Эти обстоятельства очерчивают пределы того, что может быть сделано, и того, что может быть достигнуто. В определенных заданных условиях возможны только определенные вещи; представлять, что может быть иначе, означает испытывать иллюзию.

Социальные изменения осуществляются исключительно в необходимых для этого материальных условиях. Это материалистическая точка зрения, это марксистское воззрение. «Если нет налицо этих материальных элементов всеобщего переворота, – а именно: с одной стороны, определенных производительных сил, а с другой – формирования революционной массы... то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась *идея* этого переворота» [Маркс, Энгельс 1955b: 38]. Итогом рассмотрения истории как стихийного и непредсказуемого процесса является как раз отрицание этого. Это именно *иллюзорное представление* о том, что коммунизм может быть результатом исключительно чистой свободы воли и лишь одного намерения, вне их связи с историческими условиями. Таким образом, данная философия отвергает марксистскую теорию истории и превращает коммунизм в исключительно волюнтаристскую и целиком политическую идею.

В силу вышесказанного прав Бостилз в своем парадоксально звучащем предположении, что Бадью – это «философ, который в первую очередь является коммунистом, возможно, даже не будучи марксистом» [Bosteels 2005: 751]. Марксистская идея коммунизма – это отнюдь не политическая идея такого (ницшеанского) рода. Как я уже подчеркивал, марксизм – это историческая и материалистическая теория. Она дает основание полагать, что будущее *не целиком и полностью* «открыто». Это вовсе не означает, что марксизм отрицает свободу или политическую деятельность. Было бы неправильно представлять, что свобода и детерминизм несовместимы. Свобода не требует от нас, чтобы мы превзошли наши материальные условия, – это невозможно. Свобода состоит не в отсутствии детерминизма, но в способности к *самоопределению*. Она зависит, стало быть, от развития наших умений и способностей, которые, в свою очередь, и совершенствуются с ростом наших материальных сил, в ходе социального и исторического прогресса.

Словом, марксизм *есть* форма детерминизма, но не жесткого или механистического характера. В истории нет подобного рода четкости (*precision*) или простоты (*simplicity*). Несмотря на то что марксизм остается верен своей позиции, согласно которой общества при обычных условиях проходят

серию этапов (феодализм, капитализм, социализм), не стоит рассматривать этот процесс как предопределенный и неотвратимый. Маркс, как известно, не был догматиком и непредвзято подходил к рассмотрению данного вопроса. Ближе к концу своей жизни он всерьез допускал, что сохранение традиционных общинных форм собственности в России XIX в. может создать основу для коммунизма в России и дать ей возможность пропустить капиталистическую стадию. Некоторые ухватились за это как за доказательство того, что Маркс всецело распространился с теорией исторических этапов и занял более открытую и недетерминистскую точку зрения на историческое развитие [de Paula 2015; White 1996, Zarembka 2001]. Впрочем, имеется мало оснований для такого вывода. Маркс, конечно же, понимал, что сохранность докапиталистических социальных форм в капиталистический период является аномалией и составляет проблему для теории прогрессивного поэтапного развития; он признавал вероятность различных путей развития. Однако это не дает повод утверждать, что он усомнился в объективной основе исторического материализма в целом. Существует огромная разница между высказыванием о том, что Маркс осознавал проблемы и трудности, связанные с его теорией истории, и утверждением, что он отказался от этой теории полностью. Нет никаких веских доказательств полагать, что он это сделал [Sayers 1999; Sayers 2001].

Текущая ситуация. Давайте вернемся к ситуации настоящего времени. Капитализм переживает как раз такой кризис, какой и описывал Маркс в своих работах, вот почему идея коммунизма действительно поставлена вновь на повестку дня. Однако революционные силы, необходимые, по Марксу, для его свершения, не материализовались. Сегодня рабочий класс не является той революционной силой, которой, согласно Марксу и ранним социалистам, он должен был стать, а также нет и какой-либо другой группы, претендующей на это место. Коммунизм представляется отдаленной перспективой. Вот та проблема, с которой столкнулись марксисты и другие радикальные оппоненты сегодняшней системе, и именно на диктуемые этой проблемой вопросы и пытаются дать ответы те философы, которых я сейчас обсуждаю. Иногда можно столкнуться с аргументом, что традиционный марксизм ищет действующие силы (*agents*) социальных перемен не в том месте. Сегодня уже нет того промышленного рабочего класса, в который так верил Маркс. Скорее всего, будет существовать то, что Хардт и Негри называют «множеством» (*multitude*), – огромная масса обездоленных и угнетаемых людей [Хардт, Негри 2004]. Однако это «множество» разрозненно (*scattered*) и не организовано; оно не составляет действенную политическую и тем более революционную силу. Оно может внезапно взбунтоваться, подобно студентам в мае 1968 г., но у него может также быстро и погаснуть революционный пыл.

Для подлинной же революционной силы требуется что-то более сплоченное и жизнестойкое. Откуда это может прийти? Я считаю, что Маркс был прав, утверждая, что класс является основной единицей (*dimension*) социального разделения в капиталистическом обществе, и это соответствует действительному положению дел сегодня. Капитализм

все еще представляет собой систему с классовым разделением; классы, ее составляющие, остались со времен Маркса неизменными: буржуазия и рабочие. Тем не менее Маркс описывает капитализм, каким тот был 150 лет назад, а по прошествии этих лет он претерпел множество различных изменений. Капитализм сейчас стал глобальной системой. И буржуазия, и рабочий класс сегодня другие. Промышленный пролетариат образца девятнадцатого века, описанный Марксом, серьезно сократился и представлен, главным образом, в Китае, Индии и в других подобных странах. Рабочий класс, существующий сегодня, в частности, в западных обществах, значительно более разнообразен, фрагментирован и рассеян. Его можно найти не только на фабриках и шахтах, но и в офисах, магазинах, в больницах и домах престарелых, в дистрибьюторских центрах и колл-центрах.

Но все это не отменяет релевантности и применимости марксистской теории. Это означает, что для того чтобы учесть эти изменения, необходимо коренным образом переосмыслить марксистский социально-политический анализ. У меня нет ясных и простых теорий на данный момент, которые я бы мог предложить. Я не знаю, откуда могут появиться политические силы, способные свергнуть капитализм, и как они будут зарождаться. Действительно, некоторые и вправду говорят, что теория Маркса была несостоятельна и что капитализм является заключительным этапом исторического развития, «концом истории». Если не появятся силы, которые бы поставили капитализм под вопрос и могли бы создать новый мир, тогда идея коммунизма, бесспорно, будет опровергнута и марксизм будет дискредитирован.

Но нет никаких оснований полагать, что будет так. Маркс, безусловно, был прав, ставя под сомнение утверждение, что капитализм олицетворяет собой «конец истории», характеризуя его как имеющий пределы исторический этап. Капиталистический мир продолжают раскалывать противоречия, описанные Марксом, которые, несомненно, приведут в итоге к появлению сил, способных его упразднить и создать социалистическую (*more socialist*) форму общества. Я не могу *доказать* или *продемонстрировать* это, поскольку я не в состоянии указать силы, которые необходимы, если данная альтернатива будет создана.

В силу вышесказанного, по существу, это дело *веры*: веры в коммунизм. Подобным языком выражается также и Бадью. Он говорит о сохранении «верности событию» коммунизма и заключает «пари Паскаля» со ставкой на коммунистическую идею. И действительно, следуя за Люсьеном Гольдманом [Гольдман 2001], Бадью прибегает к Паскалю. Д. Бенсаид пишет: «Делать ставку необходимо! Бадью заимствует предписание Паскаля: мы должны “делать ставку на коммунистическую политику” поскольку “мы никогда не сможем вывести ее из капитала”» [Bensaïd 2004]. Из иной политической перспективы Пол Блэкледж приходит к поразительно похожей позиции: «Марксизм предполагает не детерминистическое предсказывание социалистического будущего человечества, но скорее ставку на революционный потенциал пролетариата» [Blackledge 2012: 142].

Надо сказать, что есть веские причины описывать вещи именно таким образом. Как мы уже видели в последние годы, один лишь экономический кризис не в состоянии вызвать фундаментальные изменения в самой системе. Должны существовать силы, которые низвергнут старую и создадут новую форму общественного устройства, но никаких признаков таких сил нет. Для того чтобы продолжать твердо держаться идеи революционного изменения, в этих условиях необходим элемент веры. Но это не просто слепая вера, проявляющая себя в понятии внезапного революционного *события* Бадью и его дематериализованной *идеи коммунизма*. Вера, присущая марксизму, сильно отличается от такой слепой веры.

Марксистская вера в коммунизм – это убеждение, что коммунизм не чистая *идея*, но действительная тенденция самой истории. Это убеждение основывается на марксистской теории истории и соответствующем анализе сил, действующих в капитализме. Мы должны придерживаться этого убеждения и пытаться искать понимания современной ситуации и того, к чему она ведет, через призму самой этой ситуации – в этом суть того, что представляется ценным в марксизме.

Перевод, научная редакция перевода и примечания – Д.Е. Сергеева¹, П.Н. Кондрашова², Е.А. Вахрушевой³.

Translated from English by D.E. Sergeev⁴, academic editing by Kondrashov P.⁵ and E.A. Vakhrusheva⁶.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадью А. 2006. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб. : Machina. 126 с.
Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики : в 3. т. Т. 1. М. : Мысль. 501 с.
Гегель Г.В.Ф. 2000. Феноменология духа. М. : Наука. 495 с.
Гольдман Л. 2001. Сокровенный Бог. М. : Логос. 480 с.
Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 8. С. 115-217.
Маркс К. 1959. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 13. С. 1-167.
Маркс К., Энгельс Ф. 1955а. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 4. С. 419-459.
Маркс К., Энгельс Ф. 1955б. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 3. С. 7-544.
Хардт М., Негри А. 2004. Империя. М. : Праксис. 440 с.

---

¹ Сергеев Дмитрий Евгеньевич, фрилансер. E-mail: sergeev.de@yandex.ru

² Кондрашов Петр Николаевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. E-mail: stif.lo@rambler.ru

³ Вахрушева Евгения Александровна, младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

⁴ Sergeev Dmitry, freelancer. E-mail: sergeev.de@yandex.ru

⁵ Kondrashov Pyotr, Candidate of Philosophy, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: stif.lo@rambler.ru

⁶ Vakhrusheva Evgenia, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

Энгельс Ф. 1961а. Дialeктика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 20. С. 344-626.

Энгельс Ф. 1961b. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 19. С. 185-230.

Althusser L. 2006. *Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978–1987*. London ; New York : Verso. 347 p.

Badiou A. 2010. *The Idea of Communism* // *The Idea of Communism* / ed. by Costas Douzinas and Slavoj Žižek. London : Verso. P. 1-15.

Badiou A., Engelmann P. 2015. *Philosophy and the Idea of Communism: Alain Badiou in Conversation with Peter Engelmann* / transl. by Susan Spitzer. Cambridge ; Malden, MA : Polity. 120 p.

Bensaïd D. 2004. *Alain Badiou and the Miracle of the Event* // *Think Again: Alan Badiou and the future of Philosophy* / ed. P. Hallward. London ; New York : Continuum. P. 94-105.

Blackledge P. 2012. *Marxism and Ethics: Freedom, Desire and Revolution*. Albany : State Univ. of New York Press. X, 239 p.

Bosteels B. 2005. *The Speculative Left* // *The South Atlantic Quarterly*. Vol. 104, iss. 4. P. 751-767.

De Paula P.G. 2015. *Main Interpretations of Marx's Notion of Development: A Critical Review* // *Science & Society*. Vol. 79, iss. 4. P. 582-609.

Dean J. 2012. *The Communist Horizon*. London ; New York : Verso. 250 p.

Douzinas C., Žižek S. (eds.) 2010. *The Idea of Communism* / eds. C. Douzinas, S. Žižek. London ; New York : Verso. 240 p.

Landa I. 2013. *True Requirements or the Requirements of Truth? The Nietzschean Communism of Alain Badiou* // *International Critical Thought*. Vol. 3, iss. 4. P. 424-443.

Sayers S. 1999. *Review of James D. White, Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism* // *Historical Materialism*. № 5. P. 359-366.

Sayers S. 2001. *The Importance of Hegel for Marx: Reply to Zarembka* // *Historical Materialism*. № 8. P. 367-372.

White J.D. 1996. *Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Macmillan ; New York : St. Martin's Press. X, 416 p.

Zarembka P. 2001. *The Declining Importance of Hegel for Marx: James D. White's Provocative Work* // *Historical Materialism*. № 8. P. 355-365.

Žižek S. (ed.) 2013. *The Idea of Communism 2: The New York Conference* / ed. by Slavoj Žižek. London ; New York : Verso. 192 p.

S. Sayers. *Ideya kommunizma* [Idea of Communism] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 7-20. (in Russ.).

Sean Sayers, Doctor of Philosophy, Professor Emeritus, University of Kent, UK.
E-mail: S.P.Sayers@kent.ac.uk

Article recived 18.11.2016, accepted 27.12.2016, available online 01.04.2017

IDEA OF COMMUNISM

Abstract: The modern Marxist approach toward the analysis of the Communist alternative to global capitalism is not utopian, but at the same time goes beyond the tradition of

“scientific communism”. From the point of view of Marx, communism is a historical stage of the future, which does not arise *ex nihil*; it is a natural product of evolutionary (quantitative) and revolutionary (qualitative) transformations of capitalism due to the social and economic contradictions. In contrast, modern Marxists (A. Badiou, L. Althusser, D. Bensaid) believe that communism is the absolute “break” (“rupture”), a sudden “event” which has no causes in the past. Moreover, for them the future of communism is not a natural result of the immanent development of capitalism representing just a “Communist horizon”. The author shows that the qualitative – revolutionary – changes are not absolute, total, sudden, and spontaneous ruptures, as they are represented by Badiou, Althusser, and others. They do not arise out of nowhere. On the contrary, there is an essential connection between consistent, quantitative phase of the revolutionary, high-quality breakthrough, which is its outcome. There is continuity, as well as discontinuity. A revolutionary break may well seem to be sudden and unexpected, but it is never entirely unheralded. Although capitalism is in crisis, there is no sign of the forces, which as Marx believed would bring about its overthrow, and create a new society. The capitalist world is still riven by the contradictions that Marx describes, and it will eventually lead to the emergence of forces that will abolish it, and create a more socialist form of society. The author cannot prove or demonstrate it, because today is not the time to point out the forces that are necessary if the alternative is created. Therefore, it is ultimately a matter of *faith*: faith in communism. But, this is not the mere blind faith implied by Badiou’s notion of a sudden revolutionary “event”, and his dematerialised “idea of communism”. The faith involved in Marxism is very different. It is the belief that communism is not a mere “idea” but an actual tendency of history itself. This belief is grounded in the Marxist theory of history and its analysis of the forces at work in capitalism.

Keywords: Marxism, communism, capitalism, history, rupture, event, determination, faith, A. Badiou.

References

- Althusser L. *Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978–1987*, London, New York, Verso, 2006, 347 p.
- Badiou A. *Etika: Oчерk o soznanii Zla* [Ethics : An Essay on the Understanding of Evil], St. Petersburg, Machina, 2006, 126 p. (in Russ.).
- Badiou A. The Idea of Communism, C. Douzinas, S. Žižek (eds.) *The Idea of Communism*, London, Verso, 2010, pp. 1-15.
- Badiou A., Engelmann P. *Philosophy and the Idea of Communism: Alain Badiou in Conversation with Peter Engelmann*, Cambridge, Malden, MA, Polity, 2015, 120 p.
- Bensaid D. Alain Badiou and the Miracle of the Event, P. Hallward (ed.) *Think Again: Alan Badiou and the future of Philosophy*, London, New York, Continuum, 2004, pp. 94-105.
- Blackledge P. *Marxism and Ethics: Freedom, Desire, and Revolution*, Albany, State Univ. of New York Press, 2012, x, 239 p.
- Bosteels B. The Speculative Left, *The South Atlantic Quarterly*, 2005, vol. 104, iss. 4, pp. 751-767.
- de Paula P.G. Main Interpretations of Marx’s Notion of Development: A Critical Review, *Science & Society*, 2015, vol. 79, iss. 4, pp. 582-609.
- Dean J. *The Communist Horizon*, London, New York, Verso, 2012, 250 p.
- Douzinas C., Žižek S. (eds.) *The Idea of Communism*, London, New York, Verso, 2010, 240 p.
- Engels F. *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature], K. Marks, F. Engel’s, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, vol. 20, 1961, pp. 344-626. (in Russ.).

Engels F. *Razvitie sotsializma ot utopii k nauke* [Socialism: Utopian and Scientific], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1961, vol. 19, pp. 185-230. (in Russ.).

Goldmann L. *Sokrovennyy Bog* [The Hidden God], Moscow, Logos, 2001, 480 p. (in Russ.).

Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire], Moscow, Praksis, 2004, 440 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit], Moscow, Nauka, 2000, 495 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Nauka logiki. V 3. t. T. 1* [Wissenschaft der Logik, in 3 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1970, 501 p. (in Russ.).

Landa I. True Requirements or the Requirements of Truth? The Nietzschean Communism of Alain Badiou, *International Critical Thought*, 2013, vol. 3, iss. 4, pp. 424-443.

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1959, vol. 13, pp. 1-167. (in Russ.).

Marx K. *Vosemnadsatoe bryumera Lui Bonaparta* [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1957, vol. 8, pp. 115-217. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 419-459. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 7-544. (in Russ.).

Sayers S. Review of James D. White, Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism, *Historical Materialism*, 1999, no. 5, pp. 359-366.

Sayers S. The Importance of Hegel for Marx: Reply to Zarembka, *Historical Materialism*, 2001, no. 8, pp. 367-372.

White J.D. *Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism*, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, Macmillan, New York, St. Martin's Press, 1996, x, 416 p.

Zarembka P. The Declining Importance of Hegel for Marx: James D. White's Provocative Work, *Historical Materialism*, 2001, no. 8, pp. 355-365.

Žižek S. (ed.) *The Idea of Communism 2: The New York Conference*, London, New York, Verso, 2013, 192 p.

Коряковцев, А. А. Социальные проекты Нового времени сквозь призму методологии классического марксизма // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 21–36.

УДК 1.091.101.8

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.2136

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИИ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Андрей Александрович Коряковцев

кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии и политологии Уральского

государственного педагогического университета, г. Екатеринбург.

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Материал поступил в редколлегию 25.04.2016 г.

Ключевой марксистской категорией является категория общественно-исторической деятельности (практики). При рассмотрении марксистского представления о ней автор выделяет такое ее свойство, как *проективность* – мысленную, осознанную ориентацию на будущее. Успех человеческой деятельности зависит от того, насколько соответствуют целям и замыслам человека условия его деятельности, свойства его как субъекта и свойства используемых им средств. *Утопизм*, несбыточность, нереализуемость или, наоборот, реалистичность – все это является характеристикой *степени* данного соответствия. Следовательно, необходимо различать проективность и утопичность. Немарксистские концепции социальных утопий основаны на их смешении, что приводит либо к апологетике утопического сознания, либо к осуждению преобразовательных социальных проектов как таковых. В обоих случаях это зависит от политических предпочтений и не коррелирует с научной объективностью. Утопичность социальных проектов Нового времени Энгельс связывает с особым «способом понимания» общественного развития. В данной статье уточняется, что этот «способ понимания» состоит в методологической эклектике. На основе марксистских подходов автор формулирует три критерия утопичности. Первый имеет место, когда мыслитель пытается до мелочей предугадать будущее общественное состояние. Согласно второму утопизм заключается в несостоятельности средств, в их несоответствии исходному замыслу радикального преобразования общества. Третий критерий состоит в несоответствии объективных результатов воплощения социальных проектов их исходным замыслам притом, что проект сам по себе признается практически возможным. С учетом всего вышеперечисленного автор анализирует социальные проекты Нового времени, особо останавливаясь на учениях Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и Дж. Локка. Он приходит к выводу о воплощенной в них методологической и идеологической полифонии. В каждом из этих учений одновременно можно обнаружить черты как буржуазно-демократического (либерального), так и *антибуржуазного* (коммунистического/социалистического) направлений. Поэтому их недопустимо причислять к какой-либо одной идеологической доктрине.

Ключевые слова: социальные утопии, социальный проектизм, человеческая деятельность, Маркс, Энгельс, Мор, Кампанелла, Бэкон, Локк, утопический социализм, методологическая полифония, идеологическая полифония, либерализм, коммунизм.

Согласно Марксу, человеческая деятельность включает в себя целеполагание, происходящее в человеческой голове и противостоящее окружающему миру как *пока еще* не реализованный замысел [Маркс 1960: 189]. Рассмотренная с учетом изначального замысла, деятельность может характеризоваться моментом *еще* не состоявшегося, для осуществления которого просто не хватает времени и зрелости исторических условий. Речь идет о *временно не реализованном плане*, основанном на таком свойстве любой человеческой деятельности, как *проективность* – на мысленной, осознанной ориентации на будущее. Любая практическая деятельность является воплощением, реализацией, становлением во времени некоего *проекта*, обладающего определенным объективным результатом и осуществляемого посредством человеческих усилий, связанных с использованием конкретных орудий. Этот результат может совпадать с изначальным проектом-замыслом, а может и не совпадать или совпадать частично.

Таким образом, будущее содержится в практической деятельности человека, подобно тому как его прошлое обретается в его памяти, а настоящее – в его переживании. Будущее здесь является результатом применения мысленной проективности к процессу человеческой практики в чувственном мире. Когда говорят об устремленности человеческой деятельности за пределы наличного состояния вещей в будущее или, выражаясь кантовским языком, о ее трансцендентности, то имеют в виду такое ее свойство, как *проективность*, мысленную устремленность в *будущее*. Превращение проективности из мысленной установки в фактор практической деятельности «взрывает» (выражение К. Мангейма) в определенных пространственных и временных пределах окружающий мир, оставляя его иным, измененным после свершения конкретной деятельности. Так происходит *очеловечивание* мира, преобразование природы и общества в соответствии с целями и намерениями человека, какими бы они ни были. В этом изменении окружающего мира и состоит смысл человеческой деятельности. Ж.-П. Сартр, определяя человека как его собственный «проект» [Сартр 1989: 343-344], был прав: в *проективности* и в способности ее практического воплощения выражается сущность человеческой деятельности, то есть того, в чем находит выражение общественная природа человека.

Насколько сопоставим изначальный замысел с объективным результатом деятельности, насколько проективность как предвосхищение будущего результата деятельности *реалистична* или *утопична* – это зависит от степени соответствия целям и замыслам человека условий его деятельности, его свойств как субъекта и свойств используемых им средств (это обстоятельство подчеркивает Маркс при критике проектов Бакунина, Прудона и сенсимонистов). Утопизм, несбыточность, нереализуемость или, наоборот, реалистичность – все это является характеристикой не проективности как таковой, а именно *степени* указанного соответствия.

В плане соответствия средств и условий провозглашенным целям и замыслам проективность человеческой деятельности *противостоит* утопизму. Когда возникает разрыв между ними, то рождается *противоречие* между замыслом и целью человеческой деятельности, с одной стороны, и ее объективным результатом – с другой. Тогда можно сказать, что замыслы и цели деятельности относятся к сфере *утопий*, в принципе несбыточным проектам.

Таким образом, в марксистской концепции человеческой деятельности заложено понимание различия социального проектизма и утопизма. Смысл человеческой деятельности – в преодолении несбыточности, прожектерства, в практическом осуществлении планов и замыслов. С этой точки зрения говорить об «осуществимости утопий» или отождествлять утопизм и проективность (это стали делать особенно часто в XX в.) – значит впасть в логическое противоречие. Обиходное употребление понятия «утопия», господствующее в современной науке, насквозь пронизано этим противоречием. Например, В.А. Гуторов пишет, что «независимо от большого числа словообразований, общепотребительный смысл понятия “утопия” остается достаточно ясным и полностью сохраняет свое значение как описание вымышленной страны, образца совершенного государственного и общественного устройства, противопоставленного действительности в целях социальной критики и обоснования счастливой жизни» [Гуторов 1989: 10]. На самом деле ясности в этом определении нет, ибо непонятно, как может служить альтернативой критикующей реальности заведомо несбыточное желание?

Следовательно, необходимо различать два значения слова «утопия», имеющиеся в устоявшемся бытовом и даже научном словоупотреблении. В первом оно фиксирует момент проективности, мысленной ориентации на будущее, *временную* неосуществленность или отложенную реализацию. В этом случае, однако, точнее говорить не об утопии, а именно о временно не реализованном (или отложенном) проекте. Во втором – оно предстает как собственно утопия, как синоним заведомой несостоятельности.

Немарксистские концепции социальных утопий основаны на смешении явлений *проективности* и *утопизма*. Они игнорируют то обстоятельство, что *всякая* человеческая деятельность *проективна*, даже если совершается на бытовом уровне и даже если она успешна (не утопична). Преобразующая общество (революционная) деятельность сама по себе трактуется ими как источник утопий именно потому, что она включает в себя проективный момент. Подобный ход мысли приводит либо к апологетике утопического сознания, либо к осуждению преобразовательных социальных проектов как таковых. В обоих случаях это зависит от политических предпочтений мыслителя.

Многочисленный провал политических революций, особенно в XX в., привел к отождествлению утопического сознания (понимаемого негативно) и социально-критического мышления. Диссиденты советской эпохи, особенно правого толка, третировали коммунизм (а с ним вместе – любое социальное преобразование капиталистического общества) как утопию. Однако в то же время они называли советскую действительность «коммунизмом» и связывали ее становление с «коммунистической революцией». В данном словоупотреблении коммунизм предстал как «осуществленная

утопия», то есть как противоречивое понятие. А понятие утопии оказывалось в чужом смысловом облики как свершившийся или могущий свершиться социальный проект, только с отрицательным знаком. Но чем здесь утопия (заведомо невыполнимое предприятие) отличается от реальности (хотя бы находящейся в стадии становления) – не понятно. В данном случае ссылки на насилие (в результате которого осуществилась заведомая утопия) мало что объясняют, ибо «не поддается насилию то, что не надломлено в самом себе» (Гегель). Если общество позволило осуществиться так называемой «утопии», значит, скорее, попытки ей препятствовать оказались утопичными. Так, более утопичными, чем социальные программы большевиков – начиная с ленинских декретов и кончая нэпом, оказались все старания продлить существование российского самодержавия. Очевидно, что в данной ситуации мы имеем дело с произвольным смешением понятий, чуждым строгости научного мышления. Подобным образом рассуждал и Н.А. Бердяев [Бердяев 1990: 150-151]. В советское время указанный подход был воплощен, например, в историческом исследовании М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти».

Социальные утопии Энгельс связывал с особым «способом понимания» общественной реальности: «Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления. Поэтому при столкновении подобных абсолютных истин разрешение конфликта возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий» [Энгельс 1961с: 201].

В другом месте классик поясняет: «Утописты ...были вынуждены конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо в самом старом обществе эти элементы еще не выступали так, чтобы быть для всех очевидными; набрасывая свой общий план нового здания, они вынуждены были ограничиваться апелляцией к разуму именно потому, что не могли еще апеллировать к современной им истории» [Энгельс 1961d: 276].

Эти рассуждения Энгельса дают достаточный материал, чтобы увидеть в «способе понимания», воплотившемся в социальных проектах Нового времени, результат противоборства разных мыслительных приемов. Источником некоего всеобщего содержания служат «субъективный рассудок, жизненные условия, объем познаний и степень развития мышления» того или иного «основателя школы», но затем все же обнаруживается необходимость внешнего обоснования «открытых» им абсолютных истин (только неясно, какого именно обоснования). Таким образом, возникающая эклектика, или «смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе» [Энгельс 1961d: 276] свидетельствует, прежде всего, о нерешенных методологических проблемах данного «способа понимания».

Реже, нежели понятие «утопический социализм/коммунизм», введенное в научный обиход Энгельсом, употребляют название, данное Марксом радикальным общественным проектам Нового времени в рукописях 1844 г.: «грубый коммунизм». Знаменательно, что у Маркса нет и намек на невыполнимость этих проектов. Описывая «грубый коммунизм», классик вообще не обращает внимания на его несбыточность. Скорее, наоборот, он прогнозирует его осуществимость, например когда пишет о том, что первые политические формы практического воплощения коммунизма будут иметь «демократический или деспотический» характер [Маркс 1974: 116]. Как мы увидим далее, многое из подобных предсказаний Маркса воплотилось в реальность с ужасающей последовательностью, а это никак не свидетельствует о невыполнимости «грубого коммунизма». Точно так же он рассуждает, рассматривая планы социальных преобразований сенсимонистов [Маркс 2010: 364–365] и экономическое прожектерство Прудона: он ни слова не говорит об их неосуществимости, но в то же время беспощадно критикует, предупреждая о несовпадении, в случае их практической реализации, объективных результатов с исходными замыслами авторов этих проектов.

Тем не менее Маркс, видимо, согласился с оценкой части этих учений как утопий, данной Энгельсом в Анти-Дюринге. Из этого следует, по крайней мере, что их утопичность (то есть неосуществимость) для Маркса не являлась исчерпывающей характеристикой. Очевидно, что подобные проекты он считал несостоятельными (утопиями) по той лишь причине, что их практическое воплощение в тех исторических условиях неизбежно привело бы к извращению гуманистических идей, лежащих в их основе. Подобный мотив присутствует и в оценке Энгельсом раннего христианства [Энгельс 1962: 465–492]. Классики как бы говорят: да, все эти замыслы практически осуществимы, но не с теми результатами, на которые рассчитывают их авторы. Свою утопичность они обнаруживают, только будучи соотнесены со своими целями и объективными результатами, возникшими после попыток эти замыслы реализовать.

Таким образом, можно выделить три дополняющих друг друга критерия, по которым классики оценивали те или иные социальные проекты как утопические. Согласно первому их утопизм заключается в той *форме*, «в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу» [Энгельс 1961a: 277]. Это происходит, когда мыслитель (например, Вейтлинг или Дезами) пытается до мелочей предугадать будущее общественное состояние. В соответствии со вторым утопизм обнаруживается в несостоятельности средств, в их расхождении с исходным замыслом радикального преобразования общества. Так было, например, у Сен-Симона и Фурье, надеявшихся на филантропический энтузиазм власть и собственность имущих. Третий критерий состоит в несоответствии объективных результатов воплощения социальных проектов их исходным замыслам, притом что проект сам по себе признается практически возможным.

Хотя в классическом марксизме подчеркивалась историческая важность утопического социализма/коммунизма [Энгельс 1961b: 498–499], в целом классиками он оценивался негативно как то, чье содержание нуждается в «преодолении», в критическом переосмыслении. С их точки зрения, говорить

о какой-то прогрессивности социальной утопии как именно *утопии*, то есть чего-то в принципе неосуществимого или извращающего гуманистические цели общественного прогресса, – значит впадать в противоречие с самой сутью последнего.

Для советского «марксизма-ленинизма» под влиянием концепций Энгельса и Ленина социальный утопизм ассоциировался, прежде всего, с так называемым утопическим социализмом. Мы должны дополнить эту точку зрения. Ошибочным здесь является не то, что этот вид социально ориентированной проективной литературы считался утопическим; не то, что эти утопии связывались с первыми шагами социализма/коммунизма. Все это верно. Ошибочным было естественным образом сложившееся в советскую эпоху закрепление в обиходном научном, в частности философском, словоупотреблении предиката «утопический» только по отношению к *социалистическим* проектам радикального преобразования общества. Таким образом, получалось, что проектизм, свойственный всем остальным социальным учениям Нового времени, будто бы обладал большей реалистичностью. Однако это не так.

Предикат «утопический» может характеризовать *всю* социально-проективную литературу той эпохи, вне зависимости от политико-идеологических предпочтений авторов тех или иных социальных учений – условно говоря, социалистических, буржуазно-демократических (либеральных) или консервативных. Например, на фоне политических реалий современной формальной демократии индустриально развитых стран выглядит именно *утопическим* желание Ш. Монтескье, Дж. Локка и Т. Джефферсона с помощью разделения властей создать политический строй, соответствующий их гуманистическим убеждениям. И приписывание частной собственности способности гуманизировать человеческое общение, свойственное Локку и всей так называемой раннелиберальной традиции, и стремление А. Смита увидеть разумное начало в «невидимой руке рынка» безжалостно разоблачены развитием капитализма как наивная мечта.

Отчего бы поэтому, с учетом объективно трагических или противоречивых результатов буржуазно-демократических революций и реформ Нового, да и Новейшего времени, не назвать совокупность социальных проектов, вдохновлявших своей гуманистической и морализаторской начинкой, начиная с трудов Бэкона, Локка и Монтескье и вплоть до программ Ф. фон Хайека, К. Поппера и Е.Т. Гайдара, – отчего бы не назвать их утопическим капитализмом или утопической буржуазной демократией? (Капитализм и буржуазная демократия сами по себе, конечно, не являются утопиями. Очевидной утопией является капитализм «с человеческим лицом», обещанный его идеологами [Ойзерман 2003: 93-95] – без кризисов, без антагонистических противоречий, без войн, социальных патологий, коррупции и т.д.) Удивительно, что эти понятия не появились или не прижились даже в марксистской традиции (исключением является только П. Розанваллон), несмотря на то что марксистами всегда (вслед за Марксом и Энгельсом) подчеркивалось несоответствие замыслов авторов подобных проектов и объективных результатов их практической реализации, иначе говоря, подчеркивался их *утопизм*.

С другой стороны, по своему содержанию утопический социализм/коммунизм не сводится к утопии, то есть к тому, что в принципе невозможно воплотить в жизнь. Многие из впервые сформулированного в качестве цели так называемыми утопическими социалистами/коммунистами, наоборот, утопией как раз назвать нельзя. Сокращение рабочего дня в проектах Мора и Кампанеллы, индивидуальное жилье, детально разработанное Дедами, принципы охраны труда и кооперации Р. Оуэна и многое другое – все это уже наша с вами реальность, к которой мы привыкли. Следовательно, все эти идеи были не утопиями, а *проективными прогнозами*, хотя и сделанными, скорее, на основе *желаемого*, нежели благодаря научной методологии прогнозирования.

Однако *общая* характеристика этих учений как утопий, конечно, является верной: в них либо нет и мысли о том, как практически реализовать эти проекты (у Мора и Кампанеллы), либо они содержат несостоятельные средства реализации (теории Оуэна, Сен-Симона и Фурье).

Образцом подобной противоречивости является и «Новая Атлантида» Бэкона, обычно относимая к противоположной – либеральной – политической традиции. Нельзя сказать, что утопичными, несбыточными оказались конкретные научно-технические предсказания, содержащиеся в ней (о подводных лодках и летательных аппаратах, о создании человеком новых видов животных и растений и т.д.). Но самое важное – то, что Бэкон не является «чистым» представителем научно-технического направления в духе поздних технократических утопий. Его социальный проект не лишен идеи социального переустройства, и в этом смысле неверно противопоставлять его проект «Утопии» Мора, как это делалось в советское время [Воробьев 1971: 21-23]. В ином варианте данную точку зрения повторяет Ойзерман, приписывая Бэкону предвосхищение «капиталистического прогресса и его благодетельных последствий» [Ойзерман 2003: 65]. Это явная модернизация взглядов Веруламца. Дело в том, что источником позитивных изменений в проекте Бэкона является отнюдь не частная собственность, не свободный рынок, а *государство*, которому приписано выражение *общественного* интереса. Изображая в «Новой Атлантиде» идеальное общественное устройство, он упоминает участие именно государства в жизни общества, описывает широкую государственную филантропию и подчеркивает ведущую роль государства в развитии науки и техники [Бэкон 1978: 501-502]. Здесь достаточно вспомнить реалии индустриально развитых стран второй половины XX в. – как западных, переживших «кейнсианские» реформы, которые ограничили влияние рынка со стороны социально ориентированного государства, так и тех, которые принято относить к так называемому советскому блоку. Конечно, не стоит впадать в другую крайность и модернизировать социальный проект Бэкона, изображая его в качестве кейнсианца или даже социалиста XVI в. Но тем более нет оснований приписывать ему непосредственную апологию капитализма, как это сделал Ойзерман.

В то же время восходящая к философии Бэкона просветительская вера в научно-технический прогресс как основу и причину прогресса морально-нравственного и социального также совершенно обоснованно оказалась в разряде утопий в эпоху мировых войн и ядерного оружия.

Одним словом, почти у любого представителя социально-проективного жанра Нового времени, хоть у того, кого обычно записывают в буржуазно-демократические прогрессисты, хоть у того, кого принято называть утопическими социалистами/коммунистами, можно без труда найти сбывшиеся прогнозы и одновременно, в тех же самых текстах, – более чем завиральные идеи. В каждом из этих учений содержится противоречие между *проективностью и утопичностью*.

Таким образом, утопизм как «способ понимания» (Энгельс) общественной реальности действительно воплотился в той или иной степени во *всей* социально-проективной литературе домарковского периода, но он отнюдь не исчерпывает ее содержание. Социальный проектизм той эпохи не имел ничего общего с мистическими видениями религиозных адептов, хотя нередко был мотивирован теми же морально-нравственными идеалами. Он был все же гораздо больше, чем фантазия: часто он включал в себя *негативный символ реальности*, отражающий социальную действительность критически, со стороны ее недостатков, но так, как если бы эти недостатки были уже преодолены. Почему в «Утопии» Мора или в «Городе Солнца» Кампанеллы все трудятся? Потому что и Мору, и Кампанелле очевиден вред, в том числе моральный, от праздности господствующих классов – а это является констатацией объективного положения вещей, лишь спустя нескольких веков социологически точно описанного Т. Вебленом в его «Теории праздного класса». Но если в утопии проступают черты реального общества, правда, как в негативе, односторонне, то сводится ли она к *утопии*? Вопрос риторический. Любая утопия, сколько бы она ни соответствовала критериям утопии, тем не менее не противостоит реальности абсолютно, а укоренена в ней и является лишь превратным ее отражением. Насколько несбыточным ни представлялся бы тот или иной социальный проект, он порожден реальностью и, хотя бы косвенно, отражает ее. Поэтому утопию можно назвать реальностью, усомнившейся самой в себе, в собственной разумности и действительности и оцененной с точки зрения *другой* разумности.

Таким образом, в любой социальной утопии – идет ли речь о «буржуазно-демократических» проектах просветителей или о радикальных проектах, ставящих под сомнение разумность частной собственности («утопический социализм/коммунизм»), – надо выделить *социально-генетический* элемент, связывающий ее с общественной реальностью. Методологически этот элемент соотносим с процедурой *debutantum*, свойственной декартову рационализму. Он так или иначе, в той или иной форме означает конфликт с конкретным обществом и содержит его критику с точки зрения наделенного разумом индивида.

Вместе с ним в социальных проектах Нового времени имеет место другой элемент – фантастический, сформулированный по принципу *социально-желаемого*. Он состоит либо в смутно сформулированной цели, либо в несостоятельности средств ее достижения и выглядит как своего рода «конструкторский чертеж», принятый без достаточного основания, в качестве позитивной программы социального мифа, предполагающей иррациональную *веру*. Ранние проекты радикального социального преобразования

прямо апеллировали к Библии. Таковы, к примеру, взгляды представителей хилиазма, Т. Мюнцера, Дж. Уинстэнли и т.д. Поздние утопии освобождаются от ссылок на религиозное Откровение, но сохраняют в качестве обоснования ссылки на сверхличную мораль.

Следовательно, социальные проекты Нового времени представляют собой не просто выражение определенного «способа понимания» (Энгельс) общественных проблем, но сложное переплетение разных способов рационального мышления. Их эклектика проявилась в непоследовательности мировоззренческих выводов мыслителей из исходных посылок. Мы должны говорить не об однородности мыслительных приемов авторов в области социальной проблематики и, стало быть, не об однозначности их политико-идеологического выбора, а о свойственной им мыслительной *полифонии*. Она-то и приводила к противоречивым идейным результатам.

Это полностью игнорирует телеологический подход современных учебников по истории политических учений Нового времени, рассматривающих содержание социальных проектов не только как лишенное противоречий, но и сквозь призму современной идеологии. Бэкон оказывается певцом капитализма, Локк и Джефферсон выступают предтечами буржуазно-либеральной традиции, а Мор и Кампанелла – коммунистами, как будто все они *сознательно* проводили в своих сочинениях буржуазно-либеральную или пролетарско-коммунистическую идеологию в их различном отношении к обществу, основанном на частной собственности. (Этот подход был подвергнут критике также Л. Фишманом [Фишман 2002: 39].)

Но совершенно не имеет смысла искать у представителей социального проектизма Нового времени современное понимание отношений собственности. Покажем это на примере Мора, Кампанеллы и Локка.

Отрицательное отношение к частной собственности, которое мы обнаруживаем в учениях двух первых мыслителей, нередко, вслед за К. Каутским, которому возражал Энгельс, увязывают с коммунизмом. Верно ли это?

В ходе рассуждений Мор и Кампанелла сталкиваются с противоречием между единичным и общим. Они пытаются его разрешить трактовкой общего как равного, а равного как *одинакового* и *однообразного*: общее сохраняет в себе единичное в качестве общей черты, общей потребности и общего свойства. Тем самым они приходят в противоречие со своими исходными посылками, с индивидуалистическим пафосом Возрождения. Платоновское *Единое* предстает как общее, как уравнивающая горизонтальная связь между многими, между индивидами-тождествами, различие между которыми представляется малозначимым или незначимым вообще. В таком качестве *Единое* является источником блага и принимает вид общей собственности или, точнее, отсутствия собственности как таковой. Мор имеет в виду именно последний случай: «...у утопийцев нет никакой собственности. Да и самые дома меняют они раз в десять лет по жребию» [Мор 1978: 179]. Действительно, какая разница, где жить, если у всех потребности и интересы одинаковы; единая мера для всех является здесь условием равенства и общности и, следовательно, отсутствия нищеты и прочих социальных бед. У граждан Утопии «всего доволь» [Мор 1978: 190], и это выглядит как реализация принципа «каждому –

по потребности». Однако не нужно обманываться: на той же странице подчеркивается однообразие потребностей утопийцев.

Схожее рассуждение мы находим у Кампанеллы в описании нравов жителей Города Солнца [Кампанелла 1971: 149]. И здесь так же, в духе платоновского холизма, *Единое*, понимаемое как общее, как уравнивающая горизонтальная связь, поглощает всякую индивидуальность, всякое различие и любую частность вплоть до индивидуальной любви, собственных детей и личного жилища. Это устраняет любое основание собственности. А коль скоро нет собственности, то и нет себялюбия – причины воровства и прочих пороков [Кампанелла 1971: 149-150]. С одной стороны, в Городе Солнца никто из его граждан «не терпит недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах» [Кампанелла 1971: 160]. С другой – отсутствие индивидуальной семьи и личного жилища говорит о том, насколько ограничены эти утехы.

Далее, что нужно особо отметить, Кампанелла упоминает спор по поводу себялюбия между Аристотелем и Платоном, однозначно становясь на сторону последнего.

Впрочем, этот уравнивательный эгалитаризм ни у Мора, ни у Кампанеллы не оказывается последовательным. Социальная иерархия в обществах, сконструированных ими, сохраняется. Так, в «Утопии» фигурируют рабы, применяемые в деревенском хозяйстве [Мор 1978: 174]. В «Городе Солнца» «рабов, развращающих нравы», нет [Кампанелла 1971: 161], но там царит гендерное и возрастное неравенство: равноправие предусмотрено лишь для взрослых мужчин [Кампанелла 1971: 149]. Однако все это на самом деле не нарушает общей логики платоновского холизма, свойственной данным авторам. Социальное неравенство они выводят не из разницы в отношениях собственности. Мор обосновывает его психологическими и антропологическими (возрастными) свойствами индивидов [Мор 1978: 191, 230]. К этим свойствам Кампанелла добавляет гендерные. Иначе говоря, общественная иерархия в их социальных системах имеет своей предпосылкой не общественное устройство само по себе, ибо с точки зрения платоновской методологии *Единое*, представленное в качестве общего, уравнивающей горизонтальной связи, равенства, ничем иным, кроме как источником благ, быть не способно. Источником распада и всяческих бед здесь выступают (в соответствии с христианской установкой) особенности индивидов, *едиличное*, представленное не как связь, а как изолированное тождество. Платоновский холизм в данном случае проведен достаточно последовательно.

Однако платоновский холизм не исчерпывает методологическое основание учений Мора и Кампанеллы. Суть дела именно в том, что в них мы находим совмещение холизма и номинализма, причем так, что первый обосновывается вторым. Часть, посвященную описанию идеального общества, которое лишено собственности и связанных с ней пороков, предваряет критическое описание нравов и порядков современной автору Англии эпохи огораживания. Устами своего героя – с точки зрения гуманистического разума отдельно взятого мыслящего индивида – Мор подвергает критике, сомнению общественные порядки, при которых одни люди позволяют овцам поедать других людей [Мор 1978: 132-133]. И, как много позже для Декарта, это сомнение для него оказывает-

ся плодотворным. Только оно приводит его не к метафизической субстанции *cogito*, а к осознанию потребности в ином общественном устройстве, образ которого он рисует во втором разделе своей книги.

Можно сказать, что уникальная судьба Кампанеллы исполнила ту методологическую роль, которую у Мора сыграла первая часть его произведения: участие в борьбе против захватчиков, потом – 27 лет тюрьмы, включившие в себя пытки и заключение в кандалы. Приобретенный опыт, пропущенный сквозь гуманистическое мироощущение, стал у него толчком к поиску нового мира, хотя бы только в воображении.

Итак, в произведениях Мора и Кампанеллы конструируется общественный мир, в котором, может быть, и нет социальных антагонизмов, но в котором очень неуютно ощущал бы себя наш современник, помешанный на своей индивидуальности, но не замечающий, насколько она стерта индустрией массового потребления. Однако, не соглашаясь с Мором и Кампанеллой, в чем-то он, безусловно, окажется прав: в принудительных сельхозработах у первого и в общности жен и детей у второго трудно найти что-либо привлекательное с точки зрения социальных стандартов и моральных норм индустриально развитого общества. Но эта уравнивательность – не столько воплощение коммунистических убеждений вышеупомянутых мыслителей, сколько прямой результат *холизма* их мышления, унаследованного ими от античного платонизма.

Казалось бы, методологически однородным является учение Локка. Английский мыслитель ясно высказывался в пользу частной собственности и постулировал ее сакральное происхождение: «...бог, приказав покорять землю, давал тем самым основание для *присвоения*, а условия человеческой жизни, которые требуют труда и материалов для работы, по необходимости вводят *частную собственность*» [Локк 1988: 281]. Однако подобной декларации для идеологической идентификации философа не достаточно уже в силу его заявления, что для него важно имеющее божественное происхождение и *объединяющее* людей начало: «...бог отдал мир всем людям сообща» [Локк 1988: 280].

Как понять это противоречие?

Дело в том, что Локк далек от того, чтобы трактовать частную собственность в качестве безличного общественного отношения, как это имеет место, например, у Маркса. В полном согласии с методологией сенсуалистического *номинализма* Локк превращает собственность в предикат *cogito*, мыслящей личности [Локк 1988: 277; 283]. Но собственность, в его понимании, не дана личности непосредственно, а является опосредованной *личным трудом*. Иначе говоря, подлинным может быть только то, что причастно индивиду (что выступает как очевидное начало для его *cogito*, его самосознания), а собственность становится ему доступной только посредством его личного труда [Локк 1988: 277-278]. Труд «...является неоспоримой собственностью трудящегося» [Локк 1988: 277].

В понимании Локка собственность неразрывно связана с правом трудящегося индивида на обладание плодами и условиями своей трудовой деятельности. И поскольку «*труд* создал различие» между тем, что принадлежит индивиду (как средство его физического выживания), и *общим*, установленным богом [Локк 1988: 277], или, иначе говоря, поскольку «*труд* создает

различия в стоимости всех вещей» [Локк 1988: 285], то в системе Локка труд выступает и мерой самой собственности как результата и условия труда [Локк 1988: 281]. В индивидуальном присвоении природного-общего посредством личного труда состоит закон разума [Локк 1988: 278].

Мы видим: в системе Локка частная и личная собственность отождествлены или, иначе говоря, первая превращена во вторую. Философ выводит собственность и стоимость из труда, который также становится предикатом *cogito*. Общее (богом данная природа) в системе Локка является лишь абстрактной предпосылкой труда. Труд порождает различие, но сам он становится общим, то есть, можно сказать, второй природой человека. В условиях созданного богом избытка он выступает как уравнивающее начало, как основание горизонтальной связи между индивидами: они равны друг другу, коль скоро трудятся [Локк 1988: 282]. Этот эгалитаризм, это равенство всеобщего труда выступает как «...правило собственности (частной собственности, по терминологии самого Дж. Локка. – А.К.), согласно которому каждый человек должен иметь столько, сколько он может использовать» [Локк 1988: 282].

Маркс резюмирует эти рассуждения философа: «Итак, одним пределом собственности является предел личного труда, другой состоит в том, чтобы человек не накапливал предметов больше, чем он может использовать» [Маркс 1962: 370]. Равенство в труде дополняется равенством в потреблении, и это представляется философу (изображаемому в роли основателя либерализма!) выражением разумного закона!

Очевидно влияние социологического номинализма Локка на трудовую теорию стоимости классиков английской политической экономии – У. Петти, А. Смита и Д. Риккардо, у которых понятие собственности, по сути, мало чем отличается от локковской.

И лишь вызванное накоплением *портящихся* излишков, которые требуют обмена, «изобретение денег и молчаливое согласие людей о придании им ценности» «ввело (по соглашению) большие владения и право на них» [Локк 1988: 282]. То есть «ввело» социальную иерархию, уничтожающую равенство и справедливость строя, основанного на собственности по труду. Все это породило «...желание иметь больше, чем нужно человеку, изменило внутреннюю ценность вещей, которая зависит только от их полезности для жизни человека» [Локк 1988: 282].

Однако, как отмечает Маркс, комментируя это место, и в данных условиях «...та мера, которая состоит в личном труде, остается в силе» [Маркс 1962: 370]. Аутентичный Локк способен огорчить современных либералов: накапливающиеся в капиталы деньги не способны отменить «закон разума», воплощенный в трудовой собственности, они выступают по отношению к нему как его *извращение*, как *неразумное* начало.

Общество, таким образом, из-за денег переживает состояние распада: над каждым индивидом довлеет *должное* в виде «закона разума» трудовой собственности и в то же время желание иметь больше заставляет людей нарушать этот закон при первой возможности. Это приводит к столкновению интересов. Чтобы предотвратить окончательный общественный распад (за несколько лет до Локка описанный Гоббсом в «Левиафане»), враждебные

индивиды должны прибегнуть к взаимному контролю в виде *разделения властей*. В рамках данной формы правления свобода людей «...заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью» [Локк 1988: 274]. Выходит, свобода индивида сводится к тому, чтобы *подчиняться* общей воле, воплощенной в политико-юридической форме. (Что это, как не абсурд, описанный Дж. Оруэллом: «Свобода есть рабство»?) Таким образом, общее, сакральное, природное, утраченное из-за трудовой деятельности, породившей собственность, восстанавливается. А с ним вместе восстанавливается и *холизм платоновского типа*, в котором общее поглощает единичное, индивидуальное, частное и личное. Номинализм Локка оказывается непоследовательным и отступает в сфере социального проектирования перед реалиями раннекапиталистического общества, требующими подчинения индивидов законам буржуазного государства.

Мы видим, что во взглядах английского мыслителя заключены идеи, которые стали *элементами* идеологических конструкций, родившихся намного позже, причем противоположных друг другу: социализма и либерализма. Размышления философа о труде как источнике собственности и о том, что, согласно «закону разума» собственность не должна быть источником социального неравенства, исключают из его системы типичное для либеральных доктрин противоречие между декларацией правового и политического эгалитаризма и апологией неравного распределения собственности. Все эти мысли философа в исторической перспективе оказываются ближе социализму, нежели современному (нео)либерализму и, без всякого сомнения, далеки от того, чтобы служить оправданию капитализма. С другой стороны, как справедливо заметил Маркс, Локк «является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному» [Маркс 1962: 371]. Это верно, если иметь в виду его правовую концепцию разделения властей. Таким образом, методологическая полифония в социальном учении Локка приводит к своеобразной идеологической полифонии.

Итак. Являются ли социальные проекты Нового времени *идеологиями*? Иначе говоря, задают ли они какое-либо отношение к существующему социальному порядку? Да, безусловно. Трудно найти менее наполненные идеологическим содержанием произведения, нежели «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы или «Два трактата о правлении» Локка. Однако если рассмотреть их с точки зрения современных идеологий, то в каждом из них одновременно можно обнаружить черты как буржуазно-демократического (либерального), так и *антибуржуазного* (коммунистического/социалистического) направлений. Мор, Кампанелла и их эпигоны, как показывает Маркс, *буржуазны и реакционны* [Маркс, Энгельс 1955: 455] в своей уравнительности, Локк рассуждает *антибуржуазно*, сводя частную собственность к личной (а именно личная, или индивидуальная, собственность, основанная на кооперации и общем владении трудовыми ресурсами, должна сменить частно-капиталистическую собственность [Маркс 1960: 773]), признавая неразумным социальное неравенство, обусловленное собственностью, а разумным – контроль трудящихся за условиями и результатами своего

труда. Вместе с тем легко можно найти у них черты и противоположных идеологических систем. Подобная эклектика не случайна. Их отношение к действительности определялось не заимствованными, уже сложившимися и готовыми, идеологиями, известными нам как «либерализм» и «коммунизм/социализм», а иными идейными факторами. Прежде всего – общей *гуманистической* установкой, унаследованной от эпохи Возрождения, а затем – *полифонией* не познанных философских методов, условно говоря, номинализма и холизма, над которыми они сами еще были не властны в силу их неотрефлексированности. Именно эта полифония определяла конечные, идеологические, выводы того или иного мыслителя.

Таким образом, социальные проекты Нового времени, рассмотренные сквозь призму классического марксизма, являют собой примеры не только утопического, но и проективного сознания. Эта их внутренняя противоречивость связана с воплощенным в них «способом понимания» (Энгельс), который характеризуется методологической эклектикой. Тем же объясняется и их идеологическая неоднородность.

Хотя мы обозначили рационалистические приемы, воплощенные в социальных проектах Нового времени, как социологический номинализм и холизм платоновского типа, это всего лишь предварительное замечание. Требуется отдельное исследование, чтобы определить их более конкретно, связав с проблематикой западноевропейского рационализма в целом. Но это уже дело отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердяев Н. 1990. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука. 224 с.
- Бэкон Ф. 1978. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль. Т. 2. С. 483-518.
- Воробьев Л. 1971. Утопии и действительность // Утопический роман XVI–XVII веков. М. : Худож. лит. С. 5-38.
- Гуторов В.А. 1989. Античная социальная утопия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 288 с.
- Кампанелла Т. 1971. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М. : Худож. лит. С. 143-190.
- Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. Кн. 2 // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль. Т. 3. С. 262-405.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполитиздат. Т. 4. С. 419-459.
- Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполитиздат. Т. 23. 907 с.
- Маркс К. 1962. Капитал. Т. 4. Теории прибавочной стоимости. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполитиздат. Т. 26. 476 с.
- Маркс К. 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 42. С. 41-174.
- Маркс К. 2010. Заметки по поводу книги Джемса Милля // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние работы. М. : Акад. проект. С. 359-384.
- Мор Т. 1978. Утопия. М. : Наука. 416 с.
- Ойзерман Т.И. 2003. Марксизм и утопизм. М. : Прогресс-Традиция. 568 с.
- Сартр Ж.-П. 1989. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. А.А. Яковлев. М. : Политиздат. С. 319-344.

Фишман Л. 2002. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург : УрО РАН. 236 с.

Энгельс Ф. 1961а. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполиздат. Т. 18. С. 203-284.

Энгельс Ф. 1961b. Добавление к предисловию «К крестьянской войне в Германии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполиздат. Т. 18. С. 494-500.

Энгельс Ф. 1961с. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполиздат. Т. 19. С. 185-230.

Энгельс Ф. 1961d. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполиздат. Т. 20. С. 5-338.

Энгельс Ф. 1962. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполиздат. Т. 22. С. 465-492.

A. Koryakovtsev. *Sotcial'nie proekti Novogo vremeni skvoz' prizmu klassitseskoj marksistskoj metodologii* [Social projects of New time through the prism of classical Marxist methodology] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 21-36. (in Russ.).

Andrey A. Koryakovtsev, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Chair of Sociology and Political Science, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Article recived 25.04.2016, accepted 28.05.2016, available online 01.04.2017.

SOCIAL PROJECTS OF NEW TIME THROUGH THE PRISM OF CLASSICAL MARXIST METHODOLOGY

Abstract: Key Marxist category is the socio-historical activity (practice). In considering Marxist view, the author identifies such a feature as projectivity – mental, conscious orientation towards the future. The success of human activity depends on the extent of consistency of purposes and conceptions with human conditions of activity, properties of its subject, and the quality of used means. The utopianism, an idealistic nature, parameters and characteristics, or, on the contrary, realism, – these are characteristics of the degree of compliance. Therefore, it is necessary to distinguish between proactivity and utopia. Non-Marxist concepts of social utopias are based on their mix. This leads either to apologetics utopian consciousness, or to condemnation of transformative social projects. In both cases, it depends on political preferences and does not correlate to the scientific objectivity. Engels links utopian social projects of the New Time to special “way of understanding” of social development. The article clarifies that this “way of understanding” consists of methodological eclecticism. Based on Marxist approach, the article formulates three criteria of utopian quality. The first takes place when the thinker tries to detail to predict future social status. According to the second one, utopianism consists of the insufficiency of the means with the original idea of radical transformation of society. The third criterion is the discrepancy of the objective results of implementation of social projects and their original intentions, despite the fact that the project itself is practically possible. In the light of these criteria, the author analyzes social projects of the New Time, particularly focusing on the teachings of T. More, T. Campanella, F. Bacon, and J. Lock. He concludes that they embodies methodological and ideological polyphony. In each of them one can detect both features

of bourgeois-democratic (liberal), and anti-bourgeois (communist/socialist) approach. Therefore, it is not correct to assign them to particular ideological doctrine.

Keyword: social utopia; social projection; human activity; Marx; Engels; More; Campanella; Bacon; Lock; utopian socialism; methodological polyphony; ideological polyphony; liberalism; communism.

References

- Bacon F. *Novaya Atlantida* [New Atlantis], F. Bekon, *Sochineniya*, Moscow, Mysl', 1978, vol. 2, pp. 483-518. (in Russ.).
- Berdyaev N. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism], Moscow, Nauka, 1990, 224 p. (in Russ.).
- Campanella T. *Gorod Solntsa* [The City Of The Sun], *Utopicheskiy roman XVI–XVII vekov*, Moscow, Khudozh. lit., 1971, pp. 143-190. (in Russ.).
- Engels F. *Anti-Dyuring* [Anti-During], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, vol. 20, 1961, pp. 5-338. (in Russ.).
- Engels F. *Dobavlenie k predisloviyu «K krest'yanskoy voyne v Germanii»* [Addendum to the Preface «To the peasant war in Germany»], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, 1961, vol. 18, pp. 494-500. (in Russ.).
- Engels F. *K istorii pervonachal'nogo khristianstva* [The history of original Christianity], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, 1962, vol. 22, pp. 465-492. (in Russ.).
- Engels F. *K zhilishchnomu voprosu* [To housing], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, 1961, vol. 18, pp. 203-284. (in Russ.).
- Engels F. *Razvitiye sotsializma ot utopii k nauke* [The development of socialism from utopia to science], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, 1961, vol. 19, pp. 185-230. (in Russ.).
- Fishman L. *Postmodernistskaya lovushka: put' tuda i obratno* [Post-modernist trap: the way there and back], Ekaterinburg, UrO RAN, 2002, 236 p. (in Russ.).
- Gutorov V.A. *Antichnaya sotsial'naya utopiya* [The ancient social utopia], Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1989, 288 p. (in Russ.).
- Lock J. *Dva traktata o pravlenii. Kn. 2* [Two treatise of government. B. 2], *Dzh. Lokk, Sochineniya*, Moscow, Mysl', 1988, vol. 3, pp. 262-405. (in Russ.).
- Marx K. *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophical manuscripts of 1844], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1974, vol. 42, pp. 41-174. (in Russ.).
- Marx K. *Kapital. T. 1* [Capital, vol. 1], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, 1960, vol. 23, 907 p. (in Russ.).
- Marx K. *Kapital. T. 4. Teorii pribavochnoy stoimosti. Ch. 1* [Capital, vol. 4. The theory of surplus value. Pt. 1], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat, 1962, vol. 26, 476 p. (in Russ.).
- Marx K. *Zametki po povodu knigi Dzhemsa Millya* [Notes about the book of James Mill], *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g. i drugie rannie raboty*, Moscow, Akad. proekt, 2010, pp. 359-384. (in Russ.).
- Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [The Manifesto of the Communist party], K. Marks, F. Engel's, *Sochineniya*, Moscow, Gospolizdat., 1955, vol. 4, pp. 419-459. (in Russ.).
- More T. *Utopiya* [Utopia], Moscow, Nauka, 1978, 416 p. (in Russ.).
- Oyzerman T.I. *Marksizm i utopizm* [Marxism and utopianism], Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 568 p. (in Russ.).
- Sartre J.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is a humanism], A.A. Yakovlev (comp.) *Sumerki bogov*, Moscow, Politizdat, 1989, pp. 319-344. (in Russ.).
- Vorob'ev L. *Utopii i deystvitel'nost'* [History and reality], *Utopicheskiy roman XVI–XVII vekov*, Moscow, Khudozh. lit., 1971, pp. 5-38. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Ротштейн, Б. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 37–60.

УДК 328.185

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.3760

КОРРУПЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ: ПОЧЕМУ РЫБА ГНИЕТ С ГОЛОВЫ¹

Бо Ротштейн

профессор Школы управления Блаватника,
профессор-исследователь
Наффилд-колледжа Оксфордского университета,
Великобритания.
E-mail: Bo.Rothstein@bsg.ox.ac.uk

Материал поступил в редколлегию 23.03.2017 г.

В статье Бо Ротштейна обосновывается теория корреляции коррупции и доверия. На широком эмпирическом материале он показывает, что поведение людей в обществе, их готовность доверять другим людям и соблюдать общие правила игры в первую очередь зависят от их представлений о том, можно ли доверять институтам власти в этом государстве. Автор утверждает, что недоверие к государственным органам и должностным лицам из-за их подлинной или мнимой коррумпированности и нечестности с неизбежностью порождает недоверие на межличностном уровне. Последовательно аргументируя этот тезис, Ротштейн выделяет и описывает три взаимосвязанных каузальных механизма, обуславливающих корреляцию между уровнем коррупции и общественным доверием: 1) мнение о государственных служащих; 2) мнение о других людях в целом; 3) мнение о себе. Вместе с тем Ротштейн

¹ Перевод статьи публикуется с любезного разрешения автора. Оригинал текста см.: *Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down // Social Research. 2013. Vol. 80, № 4, winter. P. 1009-1032.*

замыкает свою теорию на идее человеческой природы, сущность которой он видит в стремлении к взаимности. Суть идеи взаимности состоит в том, что в своих действиях люди всегда исходят из своих представлений о возможных действиях других людей. Так, если они считают, что большинство их сограждан будут жульничать с налогами или давать взятки должностным лицам для получения желаемой выгоды или преимущества, то они будут действовать так же, чтобы не оказаться в проигрыше. В то же время принцип взаимности влияет на поведение людей и тогда, когда они полагают, что другие в большинстве своем будут соблюдать общие правила игры. Именно идея взаимности позволяет Ротштейну обосновать тезис о том, что уровень коррупции и доверия в обществе напрямую зависит от дизайна институтов.

Ключевые слова: общественное доверие, социальный капитал, коррупция, взаимность, социальные ловушки.

Общественное доверие и государство. С выходом в 1993 г. работы Роберта Патнэма «Чтобы демократия сработала», ставшей современной классикой, и изданием в 2000 г. его следующей книги «Боулинг в одиночку» исследования социального капитала приобрели огромный размах. Социальный капитал, определяемый как сочетание всеобщего (иначе называемого общественным) доверия между людьми и сетевых отношений между ними, основанных на взаимности, рассматривается в качестве ключевого ресурса как для отдельного индивида, так и для социальной группы или общества в целом [Castiglione, van Deth, Wolleb 2008; Svedsen, Svedsen 2009]. Хотя вовсе не Патнэм впервые поставил вопрос о важности социального капитала, что сам он охотно признает, именно он был тем, кто показал, как его следует использовать в серьезной и крайне сложно организованной сфере эмпирических исследований [Putnam, Leonardi, Nanetti 1993]. Исследования Патнэма главным образом представляют как попытку обосновать важность гражданского общества и добровольных объединений. Участвуя в таких объединениях, граждане учатся развивать отношения доверия в обществе и осознают ценность позитивной взаимности [Rothstein, 2011]. Многие посчитали, что это доказывает необходимость сокращения социальных обязательств государства, которое должно быть компенсировано деятельностью добровольческих объединений. Утверждалось, что в условиях «большого государства» следует ожидать наступления «эффекта вытеснения». Расширение сферы ответственности государства, доказывали критики, лишь вредит развитию активного гражданского общества [Ostrom 2000]. Более того, они настаивали на том, что в обществе, в котором правительство берет на себя ответственность за удовлетворение большого числа общественных потребностей, людям не нужно заботиться о развитии и сохранении доверительных отношений и прилагать усилия для поддержания социальных связей [Cohen, Arato 1993]. Правительства и политические организации некоторых стран активно использовали исследования в области социального капитала с целью убедить людей в том, что негативные явления в обществе обусловлены отсутствием широкой добровольческой инициативы [Putnam, Feldstein 2003; Winter 2002; Woolcock, Narayan 2000].

Однако проверка релевантности этой идеи эмпирическими методами при пересечении проблемных полей исследований социального капитала и социального доверия к удивлению многих показала, что именно скандинавские страны, вне зависимости от используемой методики измерения, оказываются в лидерах (по уровню социального доверия) [Rothstein 2002]. Можно много говорить о скандинавских странах, но в любом случае о них нельзя сказать, что их правительства имеют ограниченные социальные обязательства и проводят неинтервенционистскую политику. В действительности данные эмпирических исследований свидетельствуют, что общий уровень межличностного доверия наиболее высок в скандинавских странах. Более того, они лидируют и по уровню участия граждан в добровольческих объединениях [Uslaner 2002]. И, наконец, согласно имеющимся индексам коррупции и другим показателям «качества правительства» (КП), скандинавские страны входят в число самых «чистых» в мире [Holmberg, Rothstein 2012].

Почему общественное доверие имеет значение. Одна из причин повышенного интереса к проблеме общественного доверия заключается в том, что, согласно данным исследований, он коррелирует с целым рядом других переменных, которые для значительной части людей традиционно имеют огромное значение. На индивидуальном уровне люди, которые считают, что могут доверять большинству своих сограждан, чаще позитивно оценивают свои демократические институты, активнее участвуют в политике и взаимодействуют с общественными организациями. Они толерантнее относятся к меньшинствам и людям, которые от них отличаются. Люди с высоким уровнем доверия более оптимистично оценивают свои жизненные перспективы и, что не менее важно, в большей степени удовлетворены своей жизнью [Leung et al. 2011; Helliwell 2006, Dinesen 2013; Delhey, Newton 2005; Uslaner 2002].

Эта же позитивная модель работает и на уровне общества. Города, регионы и страны, в которых люди испытывают доверие друг к другу, чаще имеют более эффективные демократические институты, более открытую экономику и высокий экономический рост, а также более низкий уровень преступности и коррупции [Bjørnskov 2009, Keefer, Knack 2005, Richey 2010; Uslaner 2008]. И на уровне индивида, и на уровне общества многие вещи, рассматриваемые в качестве желаемых, по всей видимости, связаны с общественным доверием и социальным капиталом.

Как уже было сказано выше, уровень общественного доверия от государства к государству сильно варьируется. В Норвегии, Дании и Нидерландах около 60% населения, согласно результатам опроса, считают, что другим людям можно доверять, в то время как в Бразилии, Филиппинах и Турции этот показатель составил 10% [Rothstein, Uslaner 2005]. Относительно интерпретации предмета, измеряемого стандартным вопросом об общественном доверии, я согласен с идеей, выдвинутой Усланером [Uslaner 2002] а также Делейем и Ньютоном [Delhey, Newton 2004], которые утверждают, что ответ на вопрос о том, «можно ли доверять большинству людей», следует рассматривать как оценку респондентами моральных

устоев общества, в котором они живут. Это означает, что, как доказывал Норт, доверие можно рассматривать в качестве неформального института, а следовательно, и в качестве источника общественной солидарности, определяющей систему убеждений, руководствуясь которой различные группы социума несут коллективную ответственность за обеспечение общественными благами и возможностями тех членов общества, которые по той или иной причине оказались в меньшем достатке [см. об этом: Uslaner 2002: chap. 7].

Теоретическая причина, обуславливающая важность доверия, связана с существованием в общественных науках «проблемы, у которой много имен». К ним относятся такие понятия, как социальные дилеммы, проблема коллективного действия, обеспечение общественными благами, трагедия общин, «дилемма заключенного» [см.: Ostrom 1998]. За всеми этими метафорами стоит одна и та же проблема, которую можно сформулировать следующим образом: условные агенты осознают, что все они получают выгоду, если смогут сотрудничать. Однако такое сотрудничество не является беззатратным, а сопряжено с определенными экономическими издержками или требует других усилий от всех, кто в него вовлечен. Без участия всех или большинства агентов благо не будет создано, поскольку отдельные агенты посчитают бессмысленным внесение своего вклада в его создание, не испытывая уверенности в том, что другие, все или большинство, поступят так же. Более того, произведенное по определению будет считаться общественным благом и поэтому им смогут пользоваться все, вне зависимости от личного вклада. В этом смысле всегда существует риск, что агенты начнут действовать оппортунистически (то есть как безбилетники) в надежде воспользоваться благами, не участвуя при этом в их создании. Не обладая уверенностью, что другие не поведут себя столь вероломно, большинство агентов откажутся от участия в создании этого блага. Конечный результат подобной нехватки доверия состоит в том, что все члены группы идут к верному проигрышу, несмотря на то что знают: все непременно выиграли бы, если бы могли доверять друг другу.

Для иллюстрации проблемы можно привести бесконечное множество примеров. Нет никакого смысла быть единственным, кто перерабатывает отходы, полностью уплачивает налоги, правильно пользуется системой социального страхования, соблюдает законы, избегает участия в коррупционных делах, не злоупотребляет общими природными ресурсами или хорошо подготовился к кафедральному научному семинару. В связи с тем что доверие – это тонкая психологическая материя, которую сложно восстановить, если она нарушена, я предпочитаю метафору «социальные ловушки», поскольку у членов группы, утративших доверие друг к другу, не получится так просто симитировать или воспроизвести тот уровень доверия, который необходим, чтобы сотрудничество состоялось, даже если все они знают, что получают выгоду в случае, если смогут это сделать [Ostrom 1998; Rothstein, Uslaner 2005].

Как можно достичь доверия в обществе, если оно столь важно?

Проблема, связанная с этим подходом, заключается в том, что при наличии множества позитивных связей между общим доверием, социальным капиталом и различными желаемыми социальными и политическими результатами *источники* общественного доверия по-прежнему покрыты тайной. Другими словами, если общественное доверие/социальный капитал являются настолько важным социальным ресурсом, нам необходимо знать больше о том, как их можно создавать и поддерживать [Hooghe, Stolle 2003].

В литературе о социальном капитале сформировались две четкие позиции по вопросу о предпосылках и источниках общественного доверия. Первую позицию занимают те исследователи, которые утверждают, что различия в уровне общественного доверия следует объяснять прежде всего с помощью общество-центричных подходов [Hooghe, Stolle 2003]. Согласно этой, токвилевской, традиции, способность общества создавать социальный капитал связана с длительной практикой социальной организации, укорененной в его историческом и культурном опыте, который можно проследить на много веков назад. С точки зрения общество-центричного подхода наиболее важным механизмом производства социального капитала является регулярное общественное взаимодействие, в первую очередь через деятельность в добровольческих объединениях. В рамках токвилевской традиции формальные и неформальные объединения и сообщества рассматриваются как источники социального капитала, поскольку они способствуют развитию ценностей и норм демократии и кооперации.

Ряд исследований, проведенных в разных демократических странах в течение последних десяти лет, подверг сомнению тезис о воздействии, которое участие в добровольческих объединениях с благотворительными целями якобы оказывает на общественное доверие и готовность взаимодействовать за пределами своей группы. Несмотря на то что люди, являющиеся «активными общественниками», как правило, больше доверяют другим, их поведение представляет собой скорее результат осознанного выбора. Люди, которые по каким-то иным причинам демонстрируют высокий уровень доверия и готовность к кооперации, гораздо чаще вступают в добровольческие объединения. Тем не менее участие в подобных организациях нельзя считать подтверждением искомого признака, по крайней мере у взрослых. Более высокий уровень доверия, характерный для членов таких организаций, всецело обусловлен их доверием к своим соратникам, а их готовность к взаимодействию определяется исключительно целями группы [Stolle 2003; Uslaner 2002]. Таким образом, утверждение о том, что участие взрослых в ассоциациях *способствует созданию* социального капитала, который может быть использован в более широком общественном контексте, не выдержало опытной проверки [Armony 2004; Delhey, Newton 2003; Dinesen 2013; Claiborn, Martin 2000; Herreros 2004; Robbins 2011; Wollebæk, Selle 2003]. Для примера: по итогам одного из крупномасштабных эмпирических исследований, призванных объяснить различия в уровне общественного доверия, проведенного в рамках Всемирного обзора ценностей и охватившего не менее 60 стран, ученые пришли к следующему выводу: «...пожалуй, самым

значительным и неожиданным стало то, что ни одно из четырех измерений добровольческой деятельности не выдержало статистической проверки, несмотря на значение, которое приписывается им в многочисленных работах, начиная с Алексиса де Токвиля и далее» [Delhey, Newton 2004: 27].

Эту функцию могут выполнять иные формы социального взаимодействия, однако здесь возникает другая проблема. Даже если мы признаем важность участия в добровольных объединениях для общественного доверия, очевидно, что не все такие объединения служат достижению нормативно желаемых целей. В действительности, многие из них создаются для того, чтобы производить недоверие. Берман показал, что нацисты в Веймарской Германии использовали существующие добровольные ассоциации в качестве инструмента для своего *Machtübernahme*¹ в 1932 г. [Berman 1997]. Результаты одного из недавних исследований при помощи количественного измерения показали, что чем более плотной становилась сеть гражданских ассоциаций в немецких городах в 1919–1933 гг., тем сильнее становилась поддержка нацистской партии [Satyanath, Voigtlaender, Voth 2013].

В ответ на неспособность общество-центричного подхода разработать адекватные эмпирические индикаторы для собственных гипотез относительно того, как функционируют механизмы, создающие общественное доверие, институционально ориентированный подход в теории социального капитала утверждает, что рост доверия в обществе напрямую связан с политическим контекстом, а также с формальными политическими и правовыми институтами [Berman 1997; Encarnación 2003; Robbins 2011; Rothstein, Uslaner 2005; Rothstein, Eek 2009; Kumlin, Rothstein 2010; You Jong-sun 2012; Villoria, Van Ryan, Lavena 2013; Richey 2010]. Согласно мнению сторонников этого подхода, опирающихся в своих исследованиях на исторический анализ кейсов, эксперименты и данные, полученные при помощи *large-n* методов (или на все три), источником общественного доверия и социального капитала являются надежные, некоррупцированные, честные и справедливые органы власти, надлежащим образом осуществляющие публичную власть и функции управления. К примеру, Делей и Ньютон в результате своего исследования, упомянутого выше, пришли к выводу, что «...по-видимому, именно правительства, особенно правительства демократические и свободные от коррупции, создают структуру, в которой индивиды могут соблюдать правила и не страдать от этого и в которой они могут ожидать, что большинство людей будет вести себя так же» [Delhey, Newton 2004: 28]. На основе данных опроса, проведенного в 29 европейских странах, Бйернсков подчеркивает, что высокий уровень общественного доверия тесно связан с низким уровнем коррупции. Другое исследование, также основанное на сравнительных опросных данных, показывает, «...что политические институты, поддерживающие принципы справедливости, всеобщности и разделения властей, способствуют формированию межличностного доверия» [Freitag, Buhlmann 2005].

---

¹ *Machtübernahme* (нем.) – захват власти. Термин, обозначающий приход национал-социалистов к власти в Германии. (Примеч. пер.)

Используя сценарные эксперименты при исследовании корреляции между низким уровнем доверия и высоким уровнем коррупции в Румынии и высоким уровнем доверия и низким уровнем коррупции в Швеции, Ротштейн и Эек [Rothstein, Eek 2009] обнаружили, что в обеих странах люди, столкнувшиеся с коррупцией со стороны работников общественного здравоохранения или местной полиции во время пребывания в «незнакомом городе в чужой стране», утратили доверие не только к этим институтам, но также и к другим людям в целом в этом незнакомом для них сообществе. Другой пример основан на данных Европейского социального опроса, который был проведен в 2008 г. и охватил 29 стран в Западной и Восточной Европе [Svallfors 2013]. В ходе исследования респондентам задавались вопросы, касающиеся проблемы коррупции, в частности их спрашивали о том, считают ли они, что налоговые органы и органы общественного здравоохранения «наделяют отдельных людей особыми привилегиями или относятся ко всем одинаково». В итоге были получены следующие результаты: граждане, утверждавшие в ходе опроса, что они выступают за экономическое равенство, но живут в стране с низким качеством институтов власти, в ходе этого же опроса говорили о необходимости снижения налогов и сокращения расходов на социальную сферу. Между тем респонденты с аналогичными идейными установками, но живущие в других европейских странах, где, по их мнению, органы власти руководствуются принципами справедливости и беспристрастности, заявляли, что они готовы платить более высокие налоги для увеличения расходов на социальную сферу. Эти результаты подтвердились в исследовании, основанном на агрегатных данных о расходовании бюджетных средств в государстве всеобщего благосостояния и качестве управления для западных либеральных демократий [Rothstein, Samanni, Teorell 2012]. На основе контроля переменных, которые измеряют политическую мобилизацию и электоральный успех левых партий, было установлено, что чем выше качество правительства, тем выше расходы государств на общественные услуги и блага. Итак, главным выводом нашего обзора этих исследований является следующий: люди, считающие, что в их стране органы государственной власти связаны с коррупцией или другими формами несправедливости, в меньшей степени склонны поддерживать идею о том, что государство должно брать на себя бремя социальной ответственности, даже если они одобряют сами цели, преследуемые его политикой. Одна из возможных причин этого заключается в том, что они сомневаются в готовности других граждан а) платить налоги и б) не злоупотреблять социальным страхованием.

Результаты еще одного недавно проведенного масштабного опроса, охватившего 84 000 граждан/респондентов в 212 регионах в 25 европейских странах, являются веским аргументом в пользу теории о том, что высокий уровень коррупции/ низкое качество управления являются каузальными факторами, обуславливающими низкий уровень общественного доверия. В дополнение к стандартному вопросу о доверии в обществе в анкете содержались и более детальные вопросы, касающиеся того, в какой степени на основе своего опыта и восприятия люди оценивают меры региональных

властей в сфере управления, здравоохранения и образования как справедливые, качественные и свободные от коррупции. Все они использовались как инструмент измерения Качества Правительства (далее КП) [Charron, Lapuente, Rothstein 2013]. Используя как преимущество значительные различия между европейскими странами и по уровню общественного доверия, и по КП, исследователи убедительно продемонстрировали, что КП влияет на разницу в уровне общественного доверия в европейских регионах даже с учетом различий в уровне их благосостояния. Влияние гражданского участия, неравенства в доходах и этнического многообразия (определяемого как процент граждан в каждом регионе, рожденных за пределами Европейского союза) незначительно, в то время как фактор КП является сильным и устойчивым [Charron, Rothstein 2013].

Кроме того, согласно выводам этих исследователей, общественное доверие связано не с тем, что происходит «на поверхности» представительной демократической системы, а с процессами «внутри» системы управления: в полиции, судах и в органах государственной власти. Теоретическое обоснование того, почему степень доверия людей к этим двум типам политических институтов разная, состоит в следующем. Что касается системы представительства, то к числу ключевых ролей, которые играют политические институты, относятся их партийные роли. Предполагается, что политическая партия, являющаяся правящей или имеющая большинство в парламенте, будет проводить партийную идеологию. Таким образом, люди, поддерживающие правящую партию (или партии), чаще склонны доверять ей, в то время как граждане, которые выступают против идеологии правящей партии, преимущественно говорят о недоверии к ней. Тем не менее маловероятно, что этот тип доверия и недоверия, связанный с партийными пристрастиями, влияет на чье-либо доверие к другим людям в целом. Насколько мне известно, в настоящее время не существует релевантного каузального механизма, который бы связывал эти два феномена. Эмпирически статистические корреляции в данных показателях, обнаруженные в ходе опросов, являются незначительными [Rothstein, Stolle 2008].

Главный вывод, который проистекает из этого исследования, заключается в том, что основной источник различий в уровне общественного доверия следует искать на другой стороне государственного аппарата, а именно в правовых и административных институтах власти государства, ответственных за реализацию государственной политики. В некоторых исследованиях была выявлена сильная корреляция между доверием в обществе и доверием к таким правовым институтам, как полиция и суды [Rothstein, Stolle 2008; Holmberg, Weibull 2009]. Теоретическое объяснение этого обстоятельства заключается в том, что по сравнению с другими политическими институтами, осуществляющими функции государственного управления, суды, полиция и другие правовые институты государства несут особую миссию: они выявляют и наказывают людей, которые, если оперировать терминами теории игр, используют оппортунистические стратегии (я предпочитаю другой термин: *опасные*). Иными словами, работа правовых институтов состоит в том, чтобы принимать меры в отношении людей,

которым не следует доверять. Результаты факторного анализа, осуществленного в рамках Всемирного исследования ценностей, и данные опроса, проведенного в Швеции, подтвердили, что степень доверия к различным институтам управления разнится, а также что это обуславливает различные измерения в институциональном доверии [Rothstein, Stolle 2008].

Теория корреляции коррупции и доверия. Общественное доверие можно рассматривать в качестве примера того, что Норт называл неформальными общественными институтами, которые создают систему представлений о поведении других [North 1998a]. Влияние неформальных институтов, таких как общественное доверие, может проявляться в следующем: в группе (или в обществе в целом), где большинство агентов по умолчанию разделяют мнение о том, что другим можно доверять, будут ниже транзакционные издержки, а также получают развитие различные формы взаимовыгодного сотрудничества; все это было бы невозможным в условиях нехватки доверия в обществе [Svendsen, Svendsen 2003]. К примеру, недостаток доверия в экономических отношениях приведет к тому, что среди агентов, участвующих в транзакциях, будут представители лишь одного этнического клана или племени, тогда как члены других групп, унижаемых или маловлиятельных, будут исключены из данного взаимодействия. В конечном счете это обернется снижением экономической эффективности [Rose-Ackerman, Kornai 2004; ср.: Rose-Ackerman 2004].

Общественное доверие, будучи неформальным институтом, имеет важнейшее значение, когда группы или общества преуспевают в создании эффективных формальных институтов, таких как верховенство права, честные государственные структуры и свободная от коррупции система управления. Причина этого состоит в том, что данные формальные институты являются благами «второго порядка» и поэтому подвержены известной «проблеме безбилетников» в такой же мере, как оппортунистическому и опасному поведению. Именно в этом смысле общественное доверие следует рассматривать как коллективный ресурс, или социальный капитал [Coleman 1990: 99]. Это предполагает, что результат социальных и экономических взаимодействий зависит от характера влияния условий реальной жизни на формирование у агентов установок относительно того, какой взаимности следует ждать от других агентов и можно ли им доверять или нет [Fehr, Fishbacher 2005]. Согласно аргументам, приводимым в эволюционной теории игр, не следует считать, что люди будут принимать решения о том, «как играть», исходя из некоей совершенной информации о других, – просто потому что такая информация не существует. Вместо этого они попытаются получить информацию об «истории игры» других людей [Young 1998: 5]. Более того, экономическая конкуренция между рациональными агентами во все не отсеет агентов с низким уровнем доверия и не заменит их агентами с доверием более высоким, даже в долгосрочной перспективе. Напротив, как утверждал Дуглас Норт, «парадигма рационального выбора предполагает, что люди осознают свои интересы и действуют в соответствии с ними или, по крайней мере, что соревнование отсеет тех, кто принимает неверные решения, и вознаградит тех, чьи решения были правильными. Однако это

утверждение не согласуется с историческими и современными данными» [North 1998b: 493; ср.: Frohlich, Oppenheimer 2006].

В этом смысле я согласен с Миллером, что главный урок для настоящей дискуссии, который мы должны извлечь из теории некооперативных игр, не касается выбора, стратегии или индивидуальной рациональности, а заключается в том, что у нас есть все основания ожидать «дисфункциональные результаты от индивидуальной рациональности» [Miller 2000: 540]. Однако, как показывают колоссальные различия в уровне общественного доверия и коррупции между странами, нам не нужна общая (в той или иной степени структурно-функциональная) теория, основанная на некоей универсальной идее человеческого поведения. Причина проста – такая теория вряд ли будет иметь аргументы для объяснения этих различий (за исключением тех случаев, когда утверждается, что существуют генетические факторы, обуславливающие разницу в способности делать рациональный выбор или развивать общественное доверие). Нам не нужны и такие теории, которые сводятся к объяснению того, почему все общества приходят к эффективным (или дисфункциональным) с социальной точки зрения институтам. Скорее, мы нуждаемся в теории, которая сможет объяснить огромную разницу в уровнях общественного доверия и коррупции, а также в качестве существующих сегодня правительств. Проще говоря, такая теория, к примеру, должна быть способна дать ответ на вопрос, почему в Дании уровень коррупции ниже, чем в Нигерии, а уровень общественного доверия в Финляндии существенно выше, чем в Румынии, а также почему мексиканские неформальные социальные институты, способствующие развитию рыночных отношений, отличаются от канадских.

Эпистемологический подход, известный нам как научный реализм, уделяет особое внимание тому, как теории объясняют функционирование каузальных механизмов между переменными [McDonald 2003; Shapiro 2005]. Целый ряд исследований в области социальной психологии показал важность общественного доверия для достижения социально значимого результата в ситуациях «социальных ловушек» [Dawes, Messick 2000; Sally 1995]. Другие исследования в этой области также подтверждают, что процедурная справедливость оказывает позитивное воздействие на готовность людей принять результаты, являющиеся для них негативными [Tyler 2003]. Тем не менее, как утверждали Де Кремер и его соавторы, «хотя влияние процедурной справедливости на поведение ... представляется логичным с теоретической точки зрения, удивительным образом мало кто пытался понять, почему оно имеет место» [De Cremer, Tyler, den Ouden 2005: 395]. Результаты, которые они представили в своем исследовании (основанном, в числе прочего, на сценарных экспериментах), свидетельствуют, что «справедливые процедуры» способствуют росту кооперации. Я полагаю, это обусловлено следующей причиной: восприятие институтов как справедливых ведет к укреплению идентичности группы и связи с ней, вследствие чего цели группы воспринимаются индивидами в качестве своих собственных. «Справедливые и уважительные отношения будут способствовать укреплению у членов группы чувства причастности», что в свою очередь ведет к росту доверия в обществе [De Cremer,

Tyler, den Ouden 2005: 402]. Это соответствует экспериментальным данным, полученным в рамках «игры горизонтального доверия», которые показали, что люди с более сильным чувством причастности к группе убеждены, что другие члены группы будут поступать так же, как они [Ostrom 2005: 74].

Тот факт, что люди, живущие в странах с более высоким уровнем коррупции, должны меньше доверять друг другу, не является самоочевидным. Аргумент в пользу обратного: в любом коррумпированном или клиентелистском обществе простые граждане вынуждены развивать сети неформальных социальных связей, которым они могли бы доверять. Впрочем, этот аргумент не кажется нам достоверным. Вместо этого в таких обществах между людьми нарастают недоверие, зависть, пессимизм и цинизм по отношению к «людям в целом» [Csepeli et al. 2004]. Тип доверия, который может установиться в таких обществах, Усланер называет «партикуляризированным» [Uslaner 2002]. Последний характеризуется тем, что отдельный индивид способен доверять только самым близким друзьям и родственникам и с недоверием относится к людям, находящимся за пределами его близкого круга. Усланер показывает, что такой тип доверия в действительности противоположен общественному доверию, которое подразумевает готовность позволить людям, вас не знающим, сомневаться в вас и позитивно оценивать ваше будущее взаимодействие с «другими людьми в целом».

Итак, предлагаемая мной теория основана на предположении, что, когда речь идет о формировании представлений об общественном доверии, люди исходят из поведения должностных лиц, с которыми им приходилось сталкиваться. Так как невозможно знать заранее, заслуживают ли доверия «большинство членов общества», люди вынуждены полагаться на «неполную информацию». Поскольку общественное доверие, как было сказано выше, можно интерпретировать как моральную оценку людьми общества, в котором они живут, полагаю оправданным, что при решении вопроса о том, в какой степени можно доверять другим, люди оценивают поведение должностных лиц в качестве одного из основных параметров. В экспериментальной теории некооперативных игр этот феномен известен как эвристика. Здесь речь идет об особом роде идей, используемых людьми в условиях нехватки информации, когда им необходимо решить, следует ли доверять другим людям, с которыми они вынуждены взаимодействовать [ср.: Ostrom 2005: 98]. Теория корреляции коррупции и доверия включает в себя три взаимосвязанных каузальных механизма [см.: Rothstein 2011: chap. 7]:

Мнение о государственных служащих. Если в обществе бытует мнение о том, что чиновники являются коррумпированными, нечестными или незаслуживающими доверия, то граждане будут убеждены в невозможности доверять даже тем людям, которым законом предписано служить интересам общества. Из этого они сделают вывод, что другим людям также нельзя доверять.

Мнение о людях в целом. Граждане будут видеть, что большинство членов общества, где государственные служащие поражены коррупцией, вынуждены участвовать в коррупционных и иных подобных практиках, чтобы получить то, что, как они считают, им причитается по праву. Таким образом, они придут к выводу, что большинству других людей нельзя доверять.

Мнение о себе. Индивид придет к мысли, что для того, чтобы выжить в таком обществе, сам он также будет вынужден вступать в коррупционные и клиентелистские практики. Таким образом, тот факт, что сам этот индивид является тем, кому нельзя доверять, ведет к тому же выводу, что и в первом, и во втором случае, а именно что *большинству людей нельзя доверять*.

Эти каузальные механизмы предполагают, что индивиды делают свои выводы, опираясь на ту информацию о функционировании общества, которая им доступна и которая в значительной степени зависит от их восприятия действий госслужащих. Безусловно, эта информация не обязательно должна быть правдивой или связанной с личным опытом. Слухи, толки, коллективная память и тому подобное также являются частью этого процесса. Проще говоря, у индивидов нет иного выбора, кроме как исходить в своих суждениях из той несовершенной информации, которая им доступна.

Первый механизм предполагает, что индивиды рассуждают примерно следующим образом: «Если это доказывает, что доверять местным полицейским, судьям, учителям и врачам нельзя, тогда кому в этом обществе я могу доверять?». Этика государственных служащих здесь приобретает ключевое значение не только в плане того, как они выполняют свою работу, но и того, какие сигналы они посылают гражданам о том, какого рода «игра» ведется в обществе. Два других механизма логически возникают из первого. Люди составляют свои суждения о других на основе наблюдений за их действиями, но то же самое они делают и в отношении себя. Как гласит поговорка, «Познай себя – и познаешь других».

Взаимность, коррупция и общественное доверие. Вступая в борьбу за общество с низким уровнем коррупции и высоким уровнем общественного доверия, важно начать с правильного понимания «человеческой природы». Идеи о «сущности природы человека» имеют долгую историю в социальных науках. Я считаю, что вопрос о ней в конечном счете был решен благодаря экспериментальным исследованиям [Henrich et al. 2010; Bicchieri, Xiao 2009; Fehr, Gintis 2007; Henrich 2004; Gintis et al. 2005]. Вкратце, эти исследования пришли к отказу от понимания человека как «человека экономического». Их результаты, основанные на лабораторных, полевых исследованиях и опросах, которые отрицают корректность позиционирования человека как рационального агента, стремящегося к максимизации пользы, сегодня стали неоспоримыми. Безусловно, соображения собственной выгоды оказывают значительное влияние на действия человека, однако вовсе не являются определяющим фактором, как утверждалось в неоклассической экономической теории. Более того, было бы невозможно решить проблему коррупции, если бы стремление индивида максимизировать личную выгоду было единственным фактором, определяющим его поведение. Дело в том, что такие индивиды неизбежно поддавались бы искушению «стать безбилетниками». Если бы большинство людей поступало таким образом, то никогда бы не возникли институты, свободные от коррупции, и даже если бы они все же появились по какому-то случайному стечению обстоятельств, они бы неизбежно распались. Если бы все агенты действовали согласно этой формуле, прописанной в неоклассической экономической

теории, рано или поздно, в результате своих же собственных интриг, они пришли бы к некоему частичному равновесию. Так возникает ситуация «социальной ловушки», при которой положение всех агентов неизбежно ухудшится, поскольку, даже зная, что все они выиграют от кооперации, но не веря в то, что другие будут участвовать, они сами откажутся от участия в ней [Rothstein, Uslaner 2005].

Вместе с тем из этих новых экспериментальных (частично полевых) данных вовсе не следует, что люди являются благодушными альтруистами, готовыми довериться другим людям в чем угодно. Само по себе доверие, конечно, не является ценностью (в отличие от благонадежности), поскольку склонные доверять конъюнктурные, коррумпируемые и ненадежные индивиды или организации не только недальновидны, но зачастую довольно опасны. К счастью, столь доверчивые индивиды встречаются достаточно редко. В действительности экспериментальные исследования, о которых речь шла выше, говорят об обратном, а именно что исходной установкой в поведении человека является взаимность. Центральная идея здесь состоит в том, что поведение людей не определяется исключительно утилитарными расчетами или нормами, навязываемыми культурой. На первый план в качестве главного фактора, детерминирующего человеческое поведение, выдвигается перспективное стратегическое мышление, выражающееся в том, что агенты всегда действуют так или иначе в зависимости от того, что они думают о возможных действиях других агентов. Таким образом, идея взаимности позволяет коренным образом пересмотреть наш подход к пониманию и объяснению человеческого поведения. Вместо того чтобы оглядываться назад в поисках причин, обуславливающих различия в утилитарных устремлениях индивидов и нормах, навязываемых культурой, следует попытаться понять, как формируются представления индивидов о возможном поведении «других людей» в будущем, и в первую очередь об их благонадежности. Исторический опыт и «коллективная память» также играют некоторую роль в этом процессе, однако исследования все-таки показывают, что люди пересматривают свои представления именно исходя из новой информации [Boyd, Gintis, Bowles 2010].

Что касается влияния социального доверия и кооперации на проблему общественного блага, то, как показывают результаты исследований, большинство людей готовы сотрудничать для достижения общих целей, даже если лично не извлекут из этого никакой материальной выгоды [Levi 1998]. Тем не менее для того, чтобы такое сотрудничество состоялось, необходимо соблюдение трех важных условий. Во-первых, люди должны быть уверены, что проводимая политика является справедливой (речь идет о субстанциональной справедливости). Во-вторых, они должны быть уверены, что другие агенты, с которыми им предстоит взаимодействовать, заслуживают доверия, то есть что эти другие агенты не будут «безбилетниками». В-третьих, они также должны быть убеждены, что политика осуществляется беспристрастно и справедливыми методами [Levi 1998; Rothstein 1998]. Первое условие должно исследоваться в рамках политической философии. Однако в противовес убеждению большинства философов о том, что общие

цели нормативно оправданны, этого вовсе не достаточно для того, чтобы мотивировать людей к сотрудничеству. Они также должны быть уверены, что в обществе существуют такие институты, благодаря которым случаи нарушения общих правил будут исключением. Например, налоговые органы, которые допускают массовое уклонение от уплаты налогов, или система социального страхования, которая не способна обеспечить контроль за злоупотреблениями и растратами, окажут губительное воздействие не только на достижение целей, считающихся справедливыми, но и на общественное доверие. Кроме того, требование процедурной справедливости предполагает, что государственные институты должны быть в состоянии обеспечить общество благами и услугами и контролировать проявления «оппортунистического поведения» приемлемыми способами, правомерными и корректными. Эта идея была сформулирована самым выдающимся философом современности, Джоном Ролзом, в его следующем пассаже:

«Справедливая система должна генерировать собственную поддержку. Это означает, что она должна быть устроена таким образом, чтобы вызывать в своих членах соответствующее чувство справедливости, действенное желание вести себя в соответствии с ее правилами, исходя из доводов справедливости. Таким образом, требование стабильности и критерий препятствования желаниям, вступающим в конфликт с принципами справедливости, налагают дальнейшие ограничения на институты. Они должны быть не только справедливыми, но и устроены таким образом, чтобы поощрять добродетель справедливости в тех, кто принимает в них участие»¹ [Rawls 1971: 261].

Главное в этой цитате – то, что Ролз подчеркивает: для того чтобы система кооперации стала устойчивой, мы должны знать о существовании механизма обратной связи между поддержкой людьми принципов справедливости и их представлениями о качестве институтов, созданных для претворения этих принципов в жизнь [Kumlin 2004]. Как было показано ранее, результаты недавних исследований полностью согласуются с аргументами Ролза в части того, что индивидуальные представления о присущих государственным институтам формах несправедливости (или неэффективности) оказывают сильнейшее влияние на мнение человека о том, можно ли в этом обществе доверять «другим людям в целом». Мой собственный вывод из этих исследований состоит в следующем: если граждане считают, что институты управления в их государстве коррумпированы и не честны, то они, скорее всего, будут в меньшей степени согласны с идеей о необходимости коллективной ответственности за политику, направленную на расширение социальной справедливости, даже если их убеждения согласуются с целями этой политики. И это обусловлено вовсе не тем, что они выступают против расширения социальной справедливости и общественного сектора, а убеждением, что их доверие к другим не будет взаимным.

Перевод взят из кн.: Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та. 1995. С. 234.

Взаимобуловленнaя природа доверия и коррупци. Важно понимать, что у взаимности есть обратная сторона. И история, и многие современные события, равно как и экспериментальные данные, показывают, что «обычные люди» готовы пойти на самые ужасные преступления против других людей, если убеждены, что в противном случае эти «другие люди» причинят им вред (опять же если их действия не направлены на получение личной выгоды). Однако такая негативная взаимность имеет место и при менее драматичных (и ужасных) обстоятельствах. Как отмечают Фер и Фишбахер, «если люди считают, что жульничество с налогами, коррупция и злоупотребление благами социального государства широко распространены, то, скорее всего, они также будут жульничать с налогами, брать взятки или злоупотреблять институтами социального государства» [Fehr, Fischbacher 2005: 167]. Недоверие к другим агентам или институтам может создать порочный круг, способный разрушить любую систему или стратегию, разработанную с целью развития сотрудничества в обществе. Ролз очень ясно видел эту проблему между институциональным дизайном и поддержкой принципов справедливости (что большинство последователей его политической философии, к сожалению, оставили без внимания):

«Хотя люди и знают, что они разделяют общий смысл справедливости и что каждый из них хочет придерживаться существующего устройства, они тем не менее могут не быть полностью уверены друг в друге. Они могут подозревать, что некоторые не выполняют своей доли обязанностей, и у них может возникнуть искушение уклониться от выполнения и своей доли. Общее осознание таких искушений может в конце концов обрушить весь этот порядок. Подозрение, что другие не выполняют своих обязанностей и обязательств, усиливается и тем, что в отсутствие авторитарной интерпретации и применения законов особенно легко найти причины для их нарушения»¹ [Rawls 1971, 240].

Очевидно, что Ролз говорит здесь о проблеме взаимности в форме доверия к другим («уверенности»), а также доказывает, что именно существование институциональных механизмов позволяет справиться с проблемой «безбилетников» и другими формами антисоциального и оппортунистического поведения, – механизмов, которые позволяют предотвратить распад систем, основанных на принципах справедливости.

Таким образом, мы приходим к заключению, что взаимность как базовый элемент природы поведения человека может носить двойственный характер. С одной стороны, идея взаимности отвергает цинизм в отношении человеческой природы, присущий теориям, основанным на идее выгоды, которые доминировали в экономических подходах в социальных науках [Ostrom 1998; Ostrom 2000]. С другой стороны, идея взаимности противоречит и наивной идее о том, что доверие и доброжелательность составляют суть природы человека. На самом деле идея взаимности говорит нам о том, что если при помощи соответствующего дизайна институтов можно заставить других людей поверить в то, что большинство агентов в их обществе будут

¹ Перевод взят из кн.: Ролз Д. Теория справедливости. С. 214.

соблюдать общие правила игры, тогда сами они будут действовать так же. В противном случае они будут уклоняться от соблюдения этих правил, даже если в результате своих действий они окажутся в ситуации социальной ловушки, губительной для их собственных интересов.

То, что взаимность может носить двойственный характер, демонстрируют и разнообразные рейтинги стран, коих сейчас существует в избытке. К примеру, уровень коррупции обнаруживает ошеломляющую разницу между странами. Это же отдельное «общественное зло» хорошо показывает, почему исследование природы человека следует начинать с идеи взаимности, а не с других конкурирующих с ней идей. Если бы мы полагались на культурные объяснения, то мы должны были бы сказать нашим братьям и сестрам, к примеру, в Нигерии, что высокий уровень коррупции в их стране обусловлен их порочной культурой. В случае же, если бы мы исходили из объяснений, основанных на идее выгоды, мы бы не смогли ответить на вопрос о том, чем обусловлены колоссальные различия в уровне коррупции, не прибегая к аргументам, связанным с генетическими или культурными отличиями. Однако если мы исходим из идеи взаимности, то объяснение, допустим, высокого уровня коррупции в Пакистане будет состоять в том, что государственные институты в этой стране функционируют таким образом, что большинство граждан справедливо полагают, что другие агенты будут участвовать в коррупционных практиках, и поэтому у них нет никаких оснований считать, что «другим людям в целом можно доверять» [Rothstein 2011]. Проще говоря, нет никакого смысла быть единственным честным полицейским в насквозь коррумпированной полиции.

Важно подчеркнуть, что в отличие от неоклассической экономической теории мы не находим никакой причины считать, что общества (или любая группа агентов) могут создавать некоррумпированные, беспристрастные и справедливые институты, которые бы способствовали их процветанию. Беглый взгляд на доступные данные измерений показывает, что подавляющее большинство всего населения мира живет под властью либо существенно коррумпированной, либо уже насквозь пронизанной коррупцией [Holmberg, Rothstein 2012]. Как оказалось, история отнюдь не рациональна. Высокий уровень коррупции и низкий уровень КП, которые мы наблюдаем в большинстве современных стран, как мы видим из опыта, оказывает разрушающее воздействие на благосостояние и благополучие общества, здоровье и удовлетворенность жизнью и, конечно, на общественное доверие. Жизнь большинства людей в подобных условиях, как однажды сказал другой известный философ, похоже, будет «одинокой, бедной, жестокой, скверной и короткой».

Перевод Е.А. Вахрушевой¹

Translated from English by E.A. Vakhrusheva².

---

¹ Вахрушева Евгения Александровна – младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН.

² Vakhrusheva Evgenia, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Armony A.C. 2004. *The Dubious Link: Civic Engagement and Democratization*. Stanford : Stanford Univ. Press. 312 p.
- Berman S. 1997. *Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic* // *World Politics*. Vol. 49, № 3. P. 401-429.
- Bicchieri C., Xiao E. 2009. *Do the Right Thing: But Only if Others Do So* // *J. of Behavioral Decision Making*. Vol. 22, № 2. P. 191-208.
- Bjørnskov C. 2009. *Economic Growth* // *Handbook of Social Capital* / ed. by Gert T. Svendsen and Gunnar L. H. Svendsen. Cheltenham, UK : Edward Elgar. P. 337-353.
- Boyd R., Gintis H., Bowles S. 2010. *Coordinated Punishment of Defectors Sustains Cooperation and Can Proliferate When Rare* // *Science*. Vol. 328, № 5978. P. 617-620.
- Castiglione D., van Deth J., Wolleb G. (eds.) 2008. *Handbook of Social Capital* / eds. Dario Castiglione, Jan van Deth, and Guglielmo Wolleb. Oxford : Oxford Univ. Press. 744 p.
- Charron N., Lapuente V., Rothstein B. 2013. *Quality of Government and Corruption from a European Perspective: A Comparative Study of Good Government in EU Regions*. Cheltenham, UK : Edward Elgar.
- Charron N., Rothstein B. 2013. *The Effect of Quality of Government on Social Trust in European Regions*. Gothenburg : The Quality of Government Institute : Univ. of Gothenburg.
- Claiborn M.P., Martin P.S. 2000. *Trusting and Joining? An Empirical Test of the Reciprocal Nature of Social Capital* // *Political Behavior*. Vol. 22, № 4. P. 267-291.
- Cohen J.L., Arato A. 1993. *Civil Society and Political Theory*. Cambridge : MIT Press. 800 p.
- Coleman J.S. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge : Harvard Univ. Press. 1014 p.
- Csepeli G. et. al. 2004. *Blindness to Success: Social Psychological Objectives Along the Way to a Market Economy in Eastern Europe* / G. Csepeli, A. Örkény, M. Székelyi, B. Ildikó // *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition* / ed. by János Kornai, Bo Rothstein and Susan Rose-Ackerman. New York : Palgrave Macmillan. P. 213-240.
- Dawes R.M., Messick D.M. 2000. *Social Dilemmas* // *International J. of Psychology*. Vol. 35, № 2. P. 11-116.
- De Cremer D., Tyler T.R., den Ouden N. 2005. *Managing Cooperation via Procedural Fairness: The Mediating Influence of Self-Other Merging* // *J. of Economic Psychology*. № 26. P. 393-406.
- Delhey J., Newton K. 2003. *Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Societies* // *European Societies*. Vol. 5, № 2. P. 93-137.
- Delhey J., Newton K. 2004. *Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism*. Berlin : Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. 40 p.
- Delhey J., Newton K. 2005. *Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism?* // *European Sociological Review*. Vol. 21, № 4. P. 311-327.
- Dinesen P.T. 2013. *Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment* // *European Sociological Review*. Vol. 29, № 1. P. 114-128.
- Encarnación O.G. 2003. *The Myth of Civil Society: Social Capital and Democratic Consolidation in Spain and Brazil*. New York : Palgrave Macmillan. 244 p.
- Fehr E., Fischbacher Urs. 2005. *The Economics of Strong Reciprocity* // *Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life* / ed. by Herbert Gintis, Samuel Bowles, Robert Boyd and Ernst Fehr. Cambridge : MIT Press. P. 151-193.

Fehr E., Gintis H. 2007. Human Motivation and Social Cooperation: Experimental and Analytical Foundations // *Annual Rev. of Sociology*. № 33. P. 43-64.

Freitag M., Buhlmann M. 2005. Political Institutions and the Formation of Social Trust. An International Comparison // *Politische Vierteljahresschrift*. Vol. 46, № 4. P. 575-586.

Frohlich N., Oppenheimer J.A. 2006. Skating on Thin Ice: Cracks in the Public Choice Foundation // *J. of Theoretical Politics*. Vol. 18, № 3. P. 235-266.

Gintis H. et al. (eds.) 2005. Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life / eds. Herbert Gintis, Samuel Bowles, Robert Boyd, and Ernst Fehr, Cambridge : MIT Press. 416 p.

Helliwell J.F. 2006. Well-Being, Social Capital, and Public Policy: What's New? // *Economic J*. Vol. 116, № 510. P. C34-C45.

Henrich J. et al. 2010. Markets, Religion, Community Size, and the Evolution of Fairness and Punishment / J. Henrich, J. Ensminger, R. McElreath et al. // *Science*. Vol. 327, № 5972. P. 1480-1484.

Henrich J.P. 2004. Foundations of Human Sociality: Economic Experiments and Ethnographic Evidence from Fifteen Small-Scale Societies. New York : Oxford Univ. Press. 472 p.

Herreros F. 2004. The Problem of Forming Social Capital: Why Trust? New York : Palgrave Macmillan. 125 p.

Holmberg S., Rothstein B. (eds.) 2012. Good Government: The Relevance of Political Science / eds. Sören Holmberg and Bo Rothstein. Cheltenham, UK : Edward Elgar. 368 p.

Holmberg S., Weibull L. (eds.) 2009. Swedish trends : 1986–2008 / Sören Holmberg och Lennart Weibull (eds.). Göteborg : SOM Institute, Göteborgs university. 67 s.

Hooghe M., Stolle D. (eds.) 2003. Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective / eds. Marc Hooghe and Dietlind Stolle. New York : Palgrave Macmillan. 248 p.

Keefer P., Knack S. 2005. Social Capital, Social Norms and the New Institutional Economics // *Handbook of New Institutional Economics* / ed. by Claude Menard and Mary M. Shirley. Amsterdam : Springer. P. 701-725.

Kumlin S. 2004. The Personal and the Political: How Personal Welfare State Experiences Affect Political Trust and Ideology. New York : Palgrave Macmillan. 222 p.

Kumlin S., Rothstein B. 2010. Questioning the New Liberal Dilemma: Immigrants, Social Networks and Institutional Fairness // *Comparative Politics*. Vol. 41, № 1. P. 63-87.

Leung A. et al. 2011. Searching for Happiness: The Importance of Social Capital / A. Leung, C. Kier, T. Fung, L. Fung, R. Sproule // *J. of Happiness Studies*. Vol. 12, № 3. P. 443-462.

Levi M. 1998. Consent, Dissent, and Patriotism. New York : Cambridge Univ. Press. 276 p.

McDonald P.K. 2003. Useful Fiction or Miracle Maker: The Competing Epistemological Foundations of Rational Choice Theory // *American Political Science Review*. Vol. 97, № 4. P. 551-565.

Miller G.J. 2000. Rational Choice and Dysfunctional Institutions // *Governance*. Vol. 13, № 4. P. 535-547.

North D.C. 1998a. Economic Performance Through Time // *The New Institutionalism in Sociology* / ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. New York : Russell Sage Foundation. P. 247-257.

North D.C. 1998b. Where Have We Been and Where Are We Going? // *Economics, Values and Organization* / ed. by Avner Ben-Ner and Louis Putterman. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 491-508.

- Ostrom E. 1998. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // *American Political Science Review*. Vol. 92, № 1. P. 1-23.
- Ostrom E. 2000. Crowding Out Citizenship // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 23, № 1. P. 3-16.
- Ostrom E. 2005. *Understanding Institutional Diversity*. Princeton : Princeton Univ. Press. XV, 355 p.
- Putnam R.D, Leonardi R., Nanetti R.Y. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton : Princeton Univ. Press. 258 p.
- Putnam R.D., Feldstein L.D. 2003. *Better Together: Restoring the American Community*. New York : Simon and Schuster. 336 p.
- Rawls J. 1971. *A Theory of Justice*. Oxford : Oxford Univ. Press.
- Richey S. 2010. The Impact of Corruption on Social Trust // *American Politics Research*. Vol. 38, № 4. P. 676-690.
- Robbins B.G. 2011. Neither Government nor Community Alone: A Test of State-Centered Models of Generalized Trust // *Rationality and Society*. Vol. 23, № 3. P. 304-346.
- Rose-Ackerman S. 2004. *Establishing the Rule of Law // When States Fail: Causes and Consequences* / ed. by Robert I. Rotberg. Princeton : Princeton Univ. Press. P. 182-218.
- Rose-Ackerman S., Kornai J. (eds.) 2004. *Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition* / eds. Susan Rose-Ackerman and János Kornai. New York : Palgrave Macmillan. 222 p.
- Rothstein B. 1998. *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press. 272 p.
- Rothstein B. 2002. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State // *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society* / ed. by Robert D. Putnam. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 289-333.
- Rothstein B. 2011. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust and Inequality in a Comparative Perspective*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 304 p.
- Rothstein B., Eek D. 2009. Political Corruption and Social Trust: An Experimental Approach // *Rationality and Society*. Vol. 21, № 1. P. 81-112.
- Rothstein B., Samanni M., Teorell J. 2012. Explaining the Welfare State: Power Resources vs. the Quality of Government // *European Political Science Review*. Vol. 4, № 1. P. 1-28.
- Rothstein B., Stolle D. 2008. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // *Comparative Politics*. Vol. 40, № 4, pp. 441-459.
- Rothstein B., Uslaner E.M. 2005. All for All. Equality, Corruption and Social Trust // *World Politics*. Vol. 58, № 3. P. 41-73.
- Sally D. 1995. Conversation and Cooperation in Social Dilemmas: A Metaanalysis of Experiments from 1958 to 1992 // *Rationality and Society*. Vol. 7, № 1. P. 58-92.
- Satyanath S., Voigtlaender N., Voth H.-J. 2013. *Bowling for Fascism: Social Capital and the Rise of the Nazi Party in Weimar Germany 1919–33*. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research. 56 p.
- Shapiro I. 2005. *The Flight From Reality in Human Sciences*. Princeton : Princeton Univ. Press. 232 p.
- Stolle D. 2003. The Sources of Social Capital // *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective* / ed. by Marc Hooghe and Dietlind Stolle. New York : Palgrave Macmillan. P. 18-40.
- Svallfors S. 2013. Government Quality, Egalitarianism, and Attitudes to Taxes and Social Spending: A European Comparison // *European Political Science Review* (online preview). Vol. 5, № 3. P. 363-380.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. 2003. On the Wealth of Nations: Bourdieconomics and Social Capital // *Theory and Society*. Vol. 32, № 5-6. P. 607-631.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. (eds.) 2009. *Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics* / ed. by Gert Tinggaard Svendsen, Gunnar Lind Haase Svendsen. Cheltenham, UK : Edward Elgar. XVII, 460 p.

Tyler T.R. 2003. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice. An Annual Review of Research*. № 30. P. 283-337.

Uslaner E.M. 2002. *The Moral Foundation of Trust*. New York : Cambridge Univ. Press. 298 p.

Uslaner E.M. 2008. *Corruption, Inequality, and the Rule of Law: The Bulging Pocket Makes the Easy Life*. Cambridge, UK ; New York : Cambridge Univ. Press. XIII, 345 p.

Villoria M., Van Ryan G.G., Lavena C.F. 2013. Social and Political Consequences of Administrative Corruption: A Study of Public Perceptions in Spain // *Public Administration Review*. Vol. 73, № 1. P. 85-94.

Winter I. (ed.) 2002. *Social Capital and Public Policy in Australia* / ed. Ian Winter. Melbourne : Australian Institute of Family Studies. 324 p.

Wollebæk D., Selle P. 2003. Participation and Social Capital Formation: Norway in a Comparative Perspective // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 26, № 1. P. 67-91.

Woolcock M., Narayan D. 2000. Social Capital: Implications for Development Theory, Research and Policy // *The World Bank Research Observer*. № 15. P. 225-249.

You Jong-sun. 2012. Social Trust: Fairness Matters More Than Homogeneity // *Political Psychology*. Vol. 33, № 5. P. 701-721.

Young H.P. 1998. *Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions*. Princeton : Princeton Univ. Press. 208 p.

B. Rothstein. Korrupciya i obshestvennoe doverie: potcemu riba gniet s golovi [Corruption and social trust: why the fish rots from head down] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 37-60. (in Russ.).

Bo Rothstein, Professor of Government and Public Policy, Blavatnik School of Government, Professorial Fellow – Nuffield College, University of Oxford, UK. E-mail: Bo.Rothstein@bsg.ox.ac.uk

Article received 23.03.2017, accepted 28.12.2016, available online 01.04.2017.

CORRUPTION AND SOCIAL TRUST: WHY THE FISH ROTTS FROM HEAD DOWN

Abstract: In the article, the theory of correlation between corruption and trust is substantiated. On a broad empirical basis, it is shown that the behavior of people in society, their ability to trust other people, and to observe the general rules of the game primarily depends on their beliefs about whether they can trust public institutions of the state. The author argues that the lack of trust in state institutions and public officials because of their corruptness and dishonesty – irrespective of whether it is true or not – inevitably generates distrust at the interpersonal level. Consistently proving this thesis, the author distinguishes and describes three interrelated causal mechanisms that

determine correlation between corruption and social trust: 1) the inference from public officials; 2) the inference from people in general, and 3) the inference from oneself. At the same time, the author's theory ends up in the idea of human nature, the essence of which he sees in the pursuit of reciprocity. The idea of reciprocity implies that people always decide how to act relying on their beliefs about how the others will act in the future. Thus, if they believe that most of their fellow citizens cheat on taxes or bribe officials to obtain a desired benefit or advantage, they will act exactly in the same way in order not to lose. At the same time, the principle of reciprocity works when people believe that the others will likely observe the general rules of the game. It is the idea of reciprocity that allows the author to substantiate the thesis that the level of corruption and trust in society directly depends on the design of institutions.

Keywords: social trust, social capital, corruption, reciprocity, social traps.

References

- Armony A.C. *The Dubious Link: Civic Engagement and Democratization*, Stanford, Stanford Univ. Press, 2004, 312 p.
- Berman S. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic, *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 401-429.
- Bicchieri C., Xiao E. Do the Right Thing: But Only if Others Do So, *Journal of Behavioral Decision Making*, 2009, vol. 22, no. 2, pp. 191-208. doi: 10.1002/bdm.621.
- Bjørnskov C. Economic Growth, *Svendsen Gert T., Svendsen Gunnar L.H. (eds.) Handbook of Social Capital*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2009, pp. 337-353.
- Boyd R., Gintis H., Bowles S. Coordinated Punishment of Defectors Sustains Cooperation and Can Proliferate When Rare, *Science*, 2010, vol. 328, no. 5978, pp. 617-620.
- Castiglione D., van Deth J., Wolleb G. (eds.) *Handbook of Social Capital*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2008, 744 p.
- Charron N., Lapuente V., Rothstein B. *Quality of Government and Corruption from a European Perspective: A Comparative Study of Good Government in EU Regions*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2013.
- Charron N., Rothstein B. *The Effect of Quality of Government on Social Trust in European Regions*, Gothenburg, The Quality of Government Institute, Univ. of Gothenburg, 2013.
- Claiborn M.P., Martin P.S. Trusting and Joining? An Empirical Test of the Reciprocal Nature of Social Capital, *Political Behavior*, 2000, vol. 22, no. 4, pp. 267-291.
- Cohen J.L., Arato A. *Civil Society and Political Theory*, Cambridge, MIT Press, 1993, 800 p.
- Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1990, 1014 p.
- Csepeli G., Örkény A., Székelyi M., Ildikó B. Blindness to Success: Social Psychological Objectives Along the Way to a Market Economy in Eastern Europe, *J. Kornai, B. Rothstein, S. Rose-Ackerman (eds.) Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*, New York, Palgrave Macmillan, 2004, pp. 213-240.
- Dawes R.M., Messick D.M. Social Dilemmas, *International Journal of Psychology*, 2000, vol. 35, no. 2, pp. 11-116.
- De Cremer D., Tyler T.R., den Ouden N. Managing Cooperation via Procedural Fairness: The Mediating Influence of Self-Other Merging, *Journal of Economic Psychology*, 2005, no. 26, pp. 393-406.
- Delhey J., Newton K. Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Societies, *European Societies*, 2003, vol. 5, no. 2, pp. 93-137.

Delhey J., Newton K. *Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism*, Berlin, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2004, 40 p.

Delhey J., Newton K. Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? *European Sociological Review*, 2005, vol. 21, no. 4, pp. 311-327.

Dinesen P.T. Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment, *European Sociological Review*, 2013, vol. 29, no. 1, pp. 114-128. doi: 10.1093/esr/jcr044.

Encarnación O.G. *The Myth of Civil Society: Social Capital and Democratic Consolidation in Spain and Brazil*, New York, Palgrave Macmillan, 2003, 244 p.

Fehr E., Fischbacher Urs. The Economics of Strong Reciprocity, H. Gintis, S. Bowles, R. Boyd, E. Fehr (eds.) *Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life*, Cambridge, MIT Press, 2005, pp. 151-193.

Fehr E., Gintis H. Human Motivation and Social Cooperation: Experimental and Analytical Foundations, *Annual Review of Sociology*, 2007, no. 33, pp. 43-64.

Freitag M., Buhlmann M. Political Institutions and the Formation of Social Trust. An International Comparison, *Politische Vierteljahresschrift*, 2005, vol. 46, no. 4, pp. 575-586.

Frohlich N., Oppenheimer J.A. Skating on Thin Ice: Cracks in the Public Choice Foundation, *Journal of Theoretical Politics*, 2006, vol. 18, no. 3, pp. 235-266.

Gintis H., Bowles S., Boyd R., Fehr E. (eds.) *Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life*, Cambridge, MIT Press, 2005, 416 p.

Helliwell J.F. Well-Being, Social Capital, and Public Policy: What's New? *Economic Journal*, 2006, vol. 116, no. 510, pp. C34-C45.

Henrich J., Ensminger J., McElreath R. et al. Markets, Religion, Community Size, and the Evolution of Fairness and Punishment, *Science*, 2010, vol. 327, no. 5972, pp. 1480-1484.

Henrich J.P. *Foundations of Human Sociality: Economic Experiments and Ethnographic Evidence from Fifteen Small-Scale Societies*, New York, Oxford Univ. Press, 2004, 472 p.

Herreros F. *The Problem of Forming Social Capital: Why Trust?* New York, Palgrave Macmillan, 2004, 125 p.

Holmberg S., Rothstein B. (eds.) *Good Government: The Relevance of Political Science*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2012, 368 p.

Holmberg S., Weibull L. (eds.) *Swedish trends : 1986–2008*, Göteborg, SOM Institute, Göteborgs university, 2009, 67 p. (in Swedish).

Hooghe M., Stolle D. (eds.) *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective*, New York, Palgrave Macmillan, 2003, 248 p.

Keefer P., Knack S. Social Capital, Social Norms and the New Institutional Economics, C. Menard, M.M. Shirley (eds.) *Handbook of New Institutional Economics*, Amsterdam, Springer, 2005, pp. 701-725.

Kumlin S. *The Personal and the Political: How Personal Welfare State Experiences Affect Political Trust and Ideology*, New York, Palgrave Macmillan, 2004, 222 p.

Kumlin S., Rothstein B. Questioning the New Liberal Dilemma: Immigrants, Social Networks and Institutional Fairness, *Comparative Politics*, 2010, vol. 41, no. 1, pp. 63-87.

Leung A., Kier C., Fung T., Fung L., Sproule R. Searching for Happiness: The Importance of Social Capital, *Journal of Happiness Studies*, 2011, vol. 12, no. 3, pp. 443-462. doi: 10.1007/s10902-010- 9208-8.

Levi M. *Consent, Dissent, and Patriotism*, New York, Cambridge Univ. Press, 1998, 276 p.

McDonald P.K. Useful Fiction or Miracle Maker: The Competing Epistemological Foundations of Rational Choice Theory, *American Political Science Review*, 2003, vol. 97, no. 4, pp. 551-565.

Miller G.J. Rational Choice and Dysfunctional Institutions, *Governance*, 2000, vol. 13, no. 4, pp. 535-547.

North D.C. Economic Performance Through Time, *M.C. Brinton, V. Nee (eds.) The New Institutionalism in Sociology*, New York, Russell Sage Foundation, 1998, pp. 247-257.

North D.C. Where Have We Been and Where Are We Going? *A. Ben-Ner, L. Putterman (eds.) Economics, Values and Organization*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998, pp. 491-508.

Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action, *American Political Science Review*, 1998, vol. 92, no. 1, pp. 1-23.

Ostrom E. Crowding Out Citizenship, *Scandinavian Political Studies*, 2000, vol. 23, no. 1, pp. 3-16.

Ostrom E. *Understanding Institutional Diversity*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2005, XV, 355 p.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1993, 258 p.

Putnam R.D., Feldstein L.D. *Better Together: Restoring the American Community*, New York, Simon and Schuster, 2003, 336 p.

Rawls J. *A Theory of Justice*, Oxford, Oxford Univ. Press, 1971.

Richey S. The Impact of Corruption on Social Trust, *American Politics Research*, 2010, vol. 38, no. 4, pp. 676-690. doi: 10.1177/1532673x09341531.

Robbins B.G. Neither Government nor Community Alone: A Test of State-Centered Models of Generalized Trust, *Rationality and Society*, 2011, vol. 23, no. 3, pp. 304-346. doi: 10.1177/1043463111404665.

Rose-Ackerman S. Establishing the Rule of Law, *R.I. Rotberg (ed.) When States Fail: Causes and Consequences*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2004, pp. 182-218.

Rose-Ackerman S., Kornai J. (eds.) *Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition*, New York, Palgrave Macmillan, 2004, 222 p.

Rothstein B. *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*, Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press, 1998, 272 p.

Rothstein B. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State, *R.D. Putnam (ed.) Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2002, pp. 289-333.

Rothstein B. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust and Inequality in a Comparative Perspective*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 2011, 304 p.

Rothstein B., Eek D. Political Corruption and Social Trust: An Experimental Approach, *Rationality and Society*. 2009, vol. 21, no. 1, pp. 81-112.

Rothstein B., Samanni M., Teorell J. Explaining the Welfare State: Power Resources vs. the Quality of Government, *European Political Science Review*, 2012, vol. 4, no. 1, pp. 1-28.

Rothstein B., Stolle D. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust, *Comparative Politics*, 2008, vol. 40, no. 4, pp. 441-459.

Rothstein B., Uslaner E.M. All for All. Equality, Corruption and Social Trust, *World Politics*, 2005, vol. 58, no. 3, pp. 41-73.

Sally D. Conversation and Cooperation in Social Dilemmas: A Metaanalysis of Experiments from 1958 to 1992, *Rationality and Society*, 1995, vol. 7, no. 1, pp. 58-92.

Satyanath S., Voigtlaender N., Voth H.-J. *Bowling for Fascism: Social Capital and the Rise of the Nazi Party in Weimar Germany 1919–33*, Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research, 2013, 56 p.

Shapiro I. *The Flight From Reality in Human Sciences*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2005, 232 p.

Stolle D. The Sources of Social Capital, *M. Hooghe, D. Stolle (eds.) Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective*, New York, Palgrave Macmillan, 2003, pp. 18-40.

Svallfors S. Government Quality, Egalitarianism, and Attitudes to Taxes and Social Spending: A European Comparison, *European Political Science Review (online preview)*, 2013, vol. 5, no. 3, pp. 363-380.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. On the Wealth of Nations: Bourdieueconomics and Social Capital, *Theory and Society*, 2003, vol. 32, no. 5-6, pp. 607-631.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. (eds.) *Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2009, XVII, 460 p.

Tyler T.R. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law, *Crime and Justice. An Annual Review of Research*, 2003, no. 30, pp. 283-337.

Uslaner E.M. *The Moral Foundation of Trust*, New York, Cambridge Univ. Press, 2002, 298 p.

Uslaner E.M. *Corruption, Inequality, and the Rule of Law: The Bulging Pocket Makes the Easy Life*, Cambridge, UK, New York, Cambridge Univ. Press, 2008, XIII, 345 p.

Villoria M., Van Ryan G.G., Lavena C.F. Social and Political Consequences of Administrative Corruption: A Study of Public Perceptions in Spain, *Public Administration Review*, 2013, vol. 73, no. 1, pp. 85-94.

Winter I. (ed.) *Social Capital and Public Policy in Australia*, Melbourne, Australian Institute of Family Studies, 2002, 324 p.

Wollebæk D., Selle P. Participation and Social Capital Formation: Norway in a Comparative Perspective, *Scandinavian Political Studies*, 2003, vol. 26, no. 1, pp. 67-91.

Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory, Research and Policy, *The World Bank Research Observer*, 2000, no. 15, pp. 225-249.

You Jong-sun. Social Trust: Fairness Matters More Than Homogeneity, *Political Psychology*, 2012, vol. 33, no. 5, pp. 701-721. doi: 10.1111/j.1467- 9221.2012.00893.x.

Young H.P. *Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1998, 208 p.

Мартьянов, В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 61–82.

УДК 323:316.47:177.7

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.6182

ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ПОЗДНИМ МОДЕРНОМ И НОВОЙ СОСЛОВНОСТЬЮ?

Виктор Сергеевич Мартьянов

кандидат политических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: martianovy@rambler.ru

Материал поступил в редколлегию 17.01.2017 г.

Автор статьи исходит из базовой гипотезы, что в позднемодерных обществах растет роль межличностного доверия, которое является фундаментальным условием успешной реализации стратегий органической модернизации, проектов развития общества *открытого доступа*, создания *инклюзивных институтов*, роста постматериальных ценностей и социального капитала граждан, общего снижения транзакционных издержек как все более значимых неэкономических факторов дальнейшего становления современных обществ. Указанные тенденции реализуемы в фоновых условиях доминирования рыночных обменов и сильной гражданской среды. Показано, что в российском контексте периферийный рынок, сложившийся под влиянием реформ в 1990-х гг., парадоксальным образом не создал, а, наоборот, разрушил у большинства населения ценностно-институциональную основу для формирования современной модели межличностного доверия. Тенденции огосударствления общественной жизни связаны с сокращением среднего класса и современных социальных групп, черпающих автономию и ресурсы преимущественно в рынке и гражданских структурах. В условиях реализации модели выживания автономия рыночных обменов сужается на фоне укрепления иерархических механизмов распределения государством сократившихся ресурсных потоков. В результате в социальной стратификации общества происходит рентно-сословный сдвиг. Рентно-сословные элиты выстраивают социально-политическую конфигурацию, в которой граждане, в массе своей не доверяющие друг другу, компенсируют взаимное отчуждение доверием к государству и его агентам, образуя специфический антимодерный консенсус как основу социального порядка. При этом люди со значимым социальным капиталом не проявляют высокого доверия к российским институтам, одновременно показывая больший уровень межличностного доверия. Расхождение типов доверия в разных социальных группах указывает на принципиальный разрыв. Это конфликт между наиболее модернизированной частью общества со своим видением организации социально-политического порядка и элитами, ищущими опоры для рентно-сословного социального порядка у целенаправленно поддерживаемых ими до- и антимодерных социальных групп. Данное противоречие представляется наиболее

вероятным катализатором будущих социальных трансформаций российского общества, проявляясь в экономическом, культурном, поколенческом и географическом измерениях.

Ключевые слова: антимодерный консенсус, государство, доверие, конфликт, модернизация, постматериальные ценности, рынок, социальный капитал, стратификация.

Спад доверия в России и кризис политического проекта Модерна.

Общество не может существовать без скреп доверия, то есть без признания добросовестности, предсказуемости, честности, солидарности других людей. В противном случае отказ от взаимозависимости, от необходимости постоянной координации индивидуальных выгод и коллективных благ оборачивается войной всех против всех: «...власть, господство и насилие могут в этом смысле на какое-то время решить проблему социального порядка, организации разделения труда и всего с этим связанного, но они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе. Такие аспекты социальной организации, как структурирование основных рынков общества (власти, престижа и богатства), конструирование и определение общественного блага ... покоятся во всех обществах – от досовременных до наиболее постсовременных – на взаимодействии принуждения и согласия, рынка и сообщества, на инструментальных и аффективных обязательствах, а значит, и на господствующих определениях, границах и мере доверия в обществе» [Селигмен 2002: 7]. Закрепление доверия является важной составной частью всех механизмов социальной регуляции, будь то мораль, право, политика, экономика, культура и т.д. Новые способы установления и поддержания доверия в условиях становления дюркгеймовской *органической солидарности* формируют саму специфику Модерна как политического проекта. Наконец, доверие тесно связано с повседневностью, содержанием быстро меняющихся индивидуальных и коллективных смыслов, привычек, практик и коммуникаций, в совокупности детерминирующих важные трансформации порядков современных обществ. Более того, в условиях позднего Модерна (Late Modernity) все большее значение приобретают не столько располагаемые им материальные ресурсы (труд, сырье, инфраструктура, средства производства и т.д.), сколько человеческий и социальный капитал, важнейшей составной частью которого является доверие. Социальный капитал создается и отдельными людьми, и, в большей части, культурой и институтами данного общества. Это капитал, накопленный поколениями и относительно автономный от отдельных людей, позволяющий им более эффективно использовать свои возможности и ресурсы. Ценность человеческого капитала растет в эгалитарных, демократических обществах именно потому, что в них достигнуто высокое равенство индивидуального доступа к общим институциональным ресурсам и общественным благам. Соответственно социальная дифференциация общества начинает активней генерироваться посредством человеческого капитала.

Огромный вклад в этот капитал вносит культура доверия, так как сама возможность рыночных коммуникаций характеризуется широким априор-

ным доверием к незнакомцам, что исключалось предшествующими традиционными культурами. Высокое межличностное доверие в обществе статистически коррелирует с более высокими показателями экономического роста, инвестиций, здоровья и образования граждан [Algan, Cahuc 2010]. Благодаря культивированию среды доверия современные общества снижают *транзакционные издержки* в экономике и генерируют дополнительные культурные и институциональные преимущества в условиях *текущей современности* (З. Бауман). Как отмечает Б. Ротштейн, уровень доверия в обществе напрямую зависит от взаимных ожиданий людей относительно общепринятых социальных норм поведения [Ротштейн 2017]. При этом особое значение имеют публичные образцы поведения представителей элиты, лидеров и должностных лиц всех уровней, которые в существенной степени влияют на поведенческие нормы большинства населения. Более того, должностные лица олицетворяют институты государства, определяют своими практиками уровень не только межличностного, но и институционального доверия в обществе, влияя собственными примерами на ожидаемое по умолчанию поведение других.

Однако расширение регулятивной роли доверия в современном обществе обуславливает и рост возможностей злоупотребления этим доверием, превращая его в *общество риска* (У. Бек), поскольку любые *горизонты* и *авансы доверия* не тождественны конечной уверенности в действиях других, обладающих свободой воли. В современном обществе впервые базовая культура недоверия к незнакомцам уступает доминирующие позиции культуре широкого доверия. Впрочем, указанная тенденция расширения межличностного и институционального доверия характерна для обществ, находящихся в центре капиталистической миросистемы (КМС), в которых преобладают рыночные коммуникации. У обществ, находящихся или смещающихся в сторону экономической, политической, культурной периферии КМС, и на уровне институциональной организации, и на уровне динамики ценностей скорее преобладают процессы, усиливающие культуру недоверия как основу взаимодействия людей. В обществоведческих теориях это проявляется в усилении релевантности концепций, описывающих подобные общества в альтернативных Модерну категориях, таких как *закрытый доступ* (Д. Норт), *эсклюзивные институты* (Д. Аджемоглу), *архаизация* (А. Ахиезер), *властесобственность* (Ю. Пивоваров), *силовое предпринимательство* (В. Волков), *неопатримониализм* (В. Гельман, А. Фисун), *сословность* (С. Кордонский), *мобилизация*, *рентное распределение* и т.д., мейнстримные же теории, связанные с апологией взаимосвязи *прогресса, демократии, рынка, свободы индивидов* и расширения *доверия*, оказываются все менее работающими в социокультурных условиях *модерных обществ с отклонениями*. (На примере России этот тезис в контексте проблемы трансформации сферы межличностного доверия будет рассмотрен ниже более подробно.)

Тем не менее в любой ценностно-институциональной перспективе генерализованное доверие создает комфортную среду для эффективных коммуникаций и решений, часто опережающих формализованный правовой инструментарий их гарантирования. Все больший экономический вес

приобретают сами люди с их социальным и человеческим капиталом, поэтому государственные аппараты и национальные элиты постепенно теряют свой статус исторического авангарда прогресса. В условиях перманентной органической модернизации позднемодерных обществ автономным субъектом прогресса становится каждый гражданин, а эффект развития, которое не сводится только к экономическому измерению, складывается во множестве социальных микровзаимодействий без прямого вмешательства дистрибутивного государства, изымающего и перераспределяющего общественные ресурсы. Избыток ресурсов, который можно направить на инновации, извлекается не только и не столько государством, сколько всей системой рыночных обменов, направленных на получение прибыли и ее бесконечное реинвестирование.

В данном контексте представляется, что исходный ценностный и институциональный кризис советского общества не в последнюю очередь был подспудно подготовлен именно «вызреванием» и все большим превалированием в позднем советском обществе рефлексивных кантианских индивидов, отваживавшиеся пользоваться собственным разумом, которым становилось все более тесно в рамках советской модели личности, производимой и контролируемой разного рода и уровня коллективами [Хархордин 2002]. Нарастающая проблема советской модели модернизации заключалась в следовании уже устаревшим образцам раннеиндустриального общества, чрезмерной централизации и унификации общественных и управленческих процессов, сковывавших социальную инициативу граждан и общую способность общества к самоизменениям. В результате наблюдаемый зазор между фактически переходной моделью форсированного воспитания советской личности в бывших крестьянах по макаренковскому методу всеобщего надзора за всеми, практикой публичных обсуждений и покаяний – и усложняющейся реальностью современного общества постоянно рос, будучи ничем не компенсированным. Смена поколений, резкий подъем уровня образования, общее изменение социальной структуры, превалирование урбанистического образа жизни привели к закономерному усилению индивидуализма, к превращению советских идеологических коллективов (октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты; профсоюзы, трудовые собрания, советы депутатов разных уровней), являющихся, по сути, *модернизированными общинами*, во все более архаичную и неработоспособную институциональную среду.

Устаревшая советская модель коллективности вошла в противоречие с запросами к индивиду, выдвигаемыми *обществом риска*, или позднего Модерна, – это прежде всего автономия, критическое мышление, ответственность за индивидуальные риски, личный выбор и свою судьбу как обратная сторона расширяющегося пространства индивидуальной свободы. Модернизационные резервы коллективной автономии, связанные с государством, партией, профсоюзами и иными директивными формами организации коллективного действия, были реализованы. Дальнейшие ресурсы общественного развития следует искать уже не в форсированной и/или догоняющей, а в органической модернизации, характеризующейся расши-

рением свободного взаимодействия и субъектности самих граждан в условиях высокого фонового индивидуального и институционального доверия как эффективной среды развития человеческого и социального капитала. Таковыми являлись идеалистические цели реформ, призванные увеличить автономию граждан, расширив пространство рыночных коммуникаций и автономию рынка, раскрепостив предпринимательскую инициативу и т.д.

Однако по прошествии четверти века специфика современной России заключается в том, что рыночные обмены, несмотря на все предпринятые реформы и трансформации общественного строя, так и остались на периферии ее экономической системы. В настоящее время фактически 71% расходов ВВП вновь контролируется государством и его агентами [Едовина 2014]. *Периферийный рынок, сложившийся вследствие реформ 1990-х и последующих лет, парадоксальным образом не создал, а, наоборот, разрушил у большинства населения основу для формирования современной модели доверия.* Неудачи и с автономным экономическим, и с политическим рынком обусловили сокращение институционального доверия как фундамента доверия межличного. Тем не менее широкое современное доверие большей частью продолжает довольно прямолинейно соотноситься не с гражданским обществом, а именно с рынком. Здесь экономикоцентричное неолiberaльное тождество рынка и демократии во многом оказывается утопией, возвращающей к раннебуржуазным представлениям о безусловной благотворности рынка для общества. Между тем уже марксисты XIX в. подчеркивали отчуждающий и эксплуататорский характер зрелого индустриального капитализма и рынка, разрушающий доверие вне ограничивающих его внешних регуляторов, связанных со структурами гражданского общества, демократией и государством. Либеральная модернизация обернулась воспроизводством новых сословий (С. Кордонский), ресурсной модели государства и традиционных иерархических, нерыночных институтов *раздатка* [Бессонова 2008]. Российская *периферийная демократия* утратила свои процессуальные метафоры легитимации, связанные с рынком, в пользу иных источников легитимации, соотносимых с функционированием ее институтов как иерархизированного механизма рентно-сословного доступа граждан к ресурсам [Мартьянов 2016]. Расширение сферы неформальных и неопатримониальных сетей социально-экономических взаимодействий, действующих параллельно и помимо легально-формальных институтов, закономерно привело к практике двойных стандартов, двоемыслию, расслоению генерализованной морали на локальные варианты сословных этик и снижению общего уровня доверия в обществе.

Возможности российской рыночной системы, возникшей в результате противоречивой экономической реформы, оказались недостаточными для включения в нее значительной части населения, которая либо не смогла приспособиться к рынку, либо встроилась в более выгодные патрон-клиентские и рентно-сословные цепочки распределения ресурсов, связанные с государством, либо просто не была востребована в новой экономической ситуации, образуя растущие социальные группы *лишних людей* (безработные, прекариат, сезонные рабочие и др.). Для них не осталось ничего

иною, как связать ресурсы своего выживания с теневой экономикой, невидимой для официальной статистики, – с дачным хозяйством, *промыслами, отходничеством, гаражной экономикой*, с теневой и криминальной сферой и т.п. Соответственно возрастает релевантность описаний текущего состояния в категориях, характерных для обществ с господством редиистрибуции, то есть феодальных, неопатримониальных или рентно-сословных. (Под рентно-сословным обществом в данном случае подразумевается идеально-типический способ институциональной организации и структурирования общественных практик, а не воспроизводство когда-то имевшейся исторической реальности.)

Результатом демодернизации социального пространства общества является снижение доверия людей к социальным институтам, которое компенсируется вынужденным поиском опоры на неформальные межличностные связи ближайшего окружения. В итоге происходит «капсулизация, то есть замыкание доверия только на личностном (родственном) уровне, отчуждение от официальных структур» [Тощенко 2014: 157]. Реципрокные и дистрибутивные социальные связи вновь начинают расширяться в сравнении с рыночными, а экономические классы, формируемые рынком, вытесняются социальной стратификацией в виде статусных рентных сословий, что само по себе ограничивает объем социального капитала граждан. Если в трудной ситуации в 1990 г. *только на себя* рассчитывали 20% опрошенных, то в благополучном 2012-м – уже 40%, *опоры на друзей и родственников* в 1990 г. искали бы 25%, а в 2012-м – 54%. Параллельно уровень потенциальных обращений граждан в критической ситуации к помощи государства упал с 15% до 4% [Тощенко 2014: 156].

Таким образом, пространство рыночных обменов, предполагающих априорное доверие автономных индивидов к общественным институтам и широкому кругу незнакомцев, еще и не сформировавшись в полной мере, начинает замещаться дарообменными (близкородственными) и редиистрибутивными, распределительными моделями социальной коммуникации. Эти модели существенно ограничивают возможности и эффективность любых сложных инициативных взаимодействий в условиях периферийного капитализма [Мартьянов 2014]. Отсюда возникает затруднительность какого-либо эффективного коллективного действия в любых сферах общественной жизни, не санкционированного государством.

В результате в новейшей России накопленный капитал доверия к советской институциональной системе был растрачен, а новый, сложный, тип современной социальной солидарности, сопутствующий структурно-функциональной дифференциации и автономизации разных подсистем общества, не возобладал. Произошла скорее *институциональная инволюция* общества, когда общественные изменения обусловили рост недоверия к любым социальным инстанциям, выходящим за пределы социальных микрогрупп: «...типичный “Номо post-soveticus” – это агент, характеризующийся низкой степенью рациональности, высокой степенью следования личному интересу, инвестиционной близорукостью и поведенческой несамостоятельностью... все описанные характеристики поведения в той или

иной степени приводят к “разделению на чужих и своих” и, следовательно, к координации хозяйственных отношений через семейно-клановые связи (а не через безличностный рыночный обмен)» [Розмаинский 2007: 38]. В итоге формируется институциональная среда *недоверия*, не позволяющая поддерживать более эффективные институты и модели поведения, базирующиеся на долгосрочных взаимных интересах и выгодах, соблюдении законов и контрактов, вложениях в основную и человеческий капиталы.

Доверие сжимается до круга родственников и кланово-семейных связей, а структура социального капитала приобретает домодерные черты. *Межличностное доверие начинает превалировать над институциональным*. Фактически это означает слабость современной идентичности, связанной с органической солидарностью большого общества (город, регион, нация, страна, человечество), и приоритет малых социальных групп, в которых установление доверительных отношений становится своеобразной формой возврата к ограниченным и стратифицированным моделям функционирования социального капитала. В России, согласно шестой волне опросов 2010–2014 гг. «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey, WVS), склонны верить большинству людей 27,8% населения, не доверяют большинству 66,2%, что в целом сопоставимо со среднемировыми значениями [World Values Survey...]. В отношении доверия людям, которых респонденты знают лично, эта доля возрастает до 82,2%, в отношении же незнакомцев резко падает до 20,4%. Таким образом, факт личного знакомства в серьезной степени определяет уровень доверия, что косвенно свидетельствует о низком уровне институционального доверия, как правило, обеспечивающего доверие к незнакомцам. В результате сложные современные институты, рассчитанные на доверие государства к гражданам, на их оценку в качестве автономных субъектов, работают все менее эффективно. *Широкое институциональное доверие, характерное для современных обществ и рыночных обменов, замещается локальными сетями межличностного, неформального доверия*. При рентно-сословном порядке происходит легализация неравноправного взаимодействия и неравных возможностей потенциальных участников коммуникаций по поводу ограниченного ресурса, на который они претендуют. Указанные тенденции входят в системное противоречие с расширяющимися кругами доверия в позднемодерных обществах как условием роста их экономического и социального капитала, с усилением постматериальных ценностей самореализации, эффективных в постиндустриальной экономике.

В целом универсалистская позиция Р. Инглхарта, предсказывающего неизбежное движение общества к постматериальным ценностям, в том числе автоматический рост доверия, остается уязвимой для критики культурологического толка. В межличностном доверии опыт конкретного человека и его выбор играют не слишком большую роль в создании общей ситуации и стандартов доверия, зависящих от культуры, истории, уровня экономики и иных факторов влияния, переплетающихся в конкретном обществе. Поэтому межстрановые сравнения уязвимы тем, что имеют массу исключений из всеобщих тенденций, обусловленных особенностями

культурно-исторических процессов в разных обществах. Ряд исследователей ставят под сомнение распространенный постулат о взаимосвязи демократии, увеличения среднедушевого ВВП и роста межличностного доверия [Рукавишников, Халман, Эстер 1998: 155]. И эта гипотеза действительно выглядит довольно надуманной при обращении к реальным межстрановым сравнениям. В частности, по данным ежегодного международного *барометра доверия*, составляемого компанией «Эдельман», в 2016 г. глобальный уровень институционального доверия равняется 50% (в России – 39%), а среди наиболее образованной и экономически активной группы населения индекс доверия увеличивается до 60% (в России – лишь до 42%). Эта социальная группа представляется исследователям своего рода *социальным авангардом*, желаемой моделью будущего общества в целом. В то же время такие разные в политическом, экономическом и культурном измерении страны, которые не принято считать образцами демократии и рыночного капитализма, – Китай (73%), ОАЭ (66%), Сингапур (64%), Индия (65%), Индонезия (62%) – демонстрируют наибольшие показатели институционального доверия. Парадоксально, но в группу стран с высоким уровнем общего институционального доверия не вошла ни одна из западных демократий, отличающихся высоким уровнем межличностного доверия [Edelman 2016].

Таким образом, само расширение ценностно-институционального пространства позднего Модерна и формирование инфраструктуры *открытого общества* (К. Поппер), или *общества открытого доступа* (Д. Норт), являются лишь возможностью, но отнюдь не судьбой множества обществ, обозначенных на политической карте мира. А расширение рынка не всегда ведет к автоматическому усилению демократии и доверия. Более того, как показывает пример России, даже достигнутые ранее ценностно-институциональные уровни развития могут быть существенно нивелированы в рыночной ситуации. Такая ситуация не является спецификой России, так как прямолинейным фукуямовской логике *конца истории* и всеобщему торжеству *постматериальных ценностей* (Р. Инглхарт) противоречит тот простой факт, что за пределами немногочисленных стран центра капиталистической миросистемы продолжают сохраняться структуры *естественного государства* (Д. Норт), в которых конкурентный рынок, в том числе в его политическом изводе, выраженном метафорой *политического рынка*, не является доминантой общественных коммуникаций.

Поэтому в глобальном контексте представляется, что Россия – это *нормальная страна*, которую можно репрезентативно рассматривать в широком сравнительном контексте. Российское общество в целом подчиняется тем же закономерностям, что и другие общества в аналогичном положении [Шлейфер, Трейзман 2004]. Материалы межстрановых сравнений свидетельствуют, что российское общество практически не двигается в сторону постматериальных ценностей, расширяющих круги доверия: «...у россиян слабее, чем у большинства европейцев, выражены надличные ценности заботы, толерантности, равенства и, наоборот, сильнее, чем у большинства европейцев, проявляются ориентации на конкурентные ценности личного успеха, власти и богатства, характерные для “игры с нулевой суммой”»

[Магун, Руднев 2010: 48]. Измерение ценностного профиля россиян показывает большую приверженность к индивидуализму в сравнении с населением большинства европейских стран при низком уровне социальной солидарности, тесно связанной с доверием [Магун, Руднев 2010: 22]. Рассматривая трудности прямого переноса западных *универсальных* теорий на отечественные реалии, можно отметить низкую релевантность универсальных, экономикоцентричных подходов к изучению доверия в обществах, культурно отличных от тех, где эти подходы формировались. В контексте исторически сильных ценностей неформального доверия в малых, закрытых группах модели рационального человека экономического в современной России работают слабо, а статистически фиксируемое доверие (в особенности к современным институтам) является лишь неустойчивой *игрой в доверие*, готовой при любом негативном изменении обернуться истинным тотальным недоверием.

Рентно-сословный откат закономерно сопровождается расширением домодерных и антимодерных ценностей в виде разного рода локальных (сословных) моралей, легитимируемых их ролью в сохранении стабильности. Но это стабильность естественного государства и рентно-сословного общества, в контексте которых область рыночных отношений, элементов демократии и части общества, включенной в подобные обмены, образует достаточно тонкую оболочку, лишь симулирующую искомую модерность [Кордонский 2010: 7]. Фактически за постсоветский период в России не сформировалось влиятельных современных социальных сил в политике, экономике и культуре. Доминирующие российские политические дискурсы демонстрируют архаичные этики добродетелей и ситуативного прагматизма, но только не универсализирующую этику принципов, позволяющую поддерживать существование сложносоставных обществ в глобальном контексте [Мартьянов, Фишман 2016].

В настоящее время культура доверия скорее привносится в нынешнюю Россию извне, что лишней раз свидетельствует о нарастании периферийности в отношении выработки общезначимой морали и ценностей в масштабах человечества. Фактически из транслятора множества универсальных ценностей, каким был СССР, Россия превратилась в место производства адаптационных сословных моралей. Функциональными становятся идентичности более мелкого порядка, которые можно назвать *новыми сословиями*, чьей основной заботой являются привычная борьба за ресурсные потоки, ренту и избавление от обязательств перед другими сословиями [Кордонский 2008]. Новое сословное общество воскрешает недоверие и неравенство. *Это все еще довольно универсальная христианская мораль для всех в частной, приватной и семейной сфере при резкой дифференциации морали, публичных политических и экономических прав и свобод людей посредством принадлежности к новым сословиям.*

Функциональное упрощение публичного пространства приводит к тому, что вместо развития доверия традиционалистский политический порядок может рассчитывать лишь на формальную лояльность государству. Более того, *элиты пытаются выстроить политическую конфигурацию, где*

люди, в массе своей не доверяющие друг другу, будут компенсировать это взаимное отчуждение и подозрение доверием к гоббсовскому Левиафану всего лишь по той причине, что оно осуществляет функцию гаранта политического порядка как меньшего из возможных зол. В данном контексте статистика высокого доверия не обезличенным институтам и правилам, а конкретным персонам, представляющим государство (президент, премьер-министр), свидетельствует о сохранении в России *естественного государства*, олицетворяющего домодерное состояние общества с относительно неизменной и иерархической социальной структурой [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. В сравнении с советским периодом можно наблюдать снижение вертикального доверия к десакрализованному государству, которое не получает компенсации в виде низового общественного доверия. Отсутствие широкой общественной конвенции относительно универсальных гражданских, правовых, моральных норм определяет общую институциональную слабость политического порядка, когда прагматичное целерациональное поведение людей доминирует над ценностным, а персоналии превалируют над институтами: «...представления, присущие Периферии, были приняты Центром как системообразующие символические структуры; тем самым функциональные отношения Центр – Периферия оказались радикально перевернуты: провинциальные, вторичные по своей идеологии лидеры, институты и политические программы (исполнительная власть, полицейский контроль, распределение) оказались символами целого, определяющими характер, приоритеты и цели для всей общественной системы (возвращение к прошлому, восстановление *великой державы*). При этом собственно функции Центра – артикуляция ценностей и целеполагание (а также их механизмы: открытые дискуссии, политические партии, парламент) – были подавлены и остались в рудиментарном, недоразвитом состоянии» [Гудков 2012б: 7]. Это ведет к нарастанию неодновременности страны, выраженной и ценностно, и поколенчески, и территориально-географически.

Условия и потенциальные факторы расширения доверия. Несмотря на снижение институционального и межличностного доверия, обусловленное доминированием *антимодерного консенсуса*, в российском обществе преимущественно на базе сети крупных мегаполисов вызревают альтернативные ценностные конвенции современной части российского общества. Механизмы межличностного и институционального доверия приобретают особое значение в крупных городах как ключевых коммуникационных и ресурсных узлах современных обществ [Фукуяма 2004]. Дефициты и лакуны институционального регулирования сетевого взаимодействия граждан заполняются опережающим и рискованным фоновым доверием участников коммуникаций: «...межличностное доверие является решающим условием эффективного взаимодействия социальных сетей... Социальные сети фактически функционируют как клубы, где интерперсональные контакты принимают форму не парных взаимодействий, но общего сетевого взаимодействия» [Алексеев и др. 2007: 13]. Сетевые, рыночные и иные взаимодействия естественным образом стремятся к автономии, ускользая из-под контроля государства и все чаще оппонируя последнему. Поэтому они вхо-

дят во все более сильное противоречие с институциональными практиками рентно-сословных элит, пытающихся опереться на лояльное домодерное и антимодерное большинство. Если со всеми оговорками по поводу условности подобного сравнения отождествить анти- и домодерное большинство с людьми, *склонными не доверять в межличностном общении*, то их доля составит 66,2% населения России, в то время как среди стран-лидеров Индекса человеческого развития (ИЧР) доля не доверяющих распределяется следующим образом: в Нидерландах – 32%, в Швеции – 37,2%, в Австралии – 47,8%, в Германии – 53,8% [World Values Survey...]. Таким образом, статистика фиксирует наличие положительной корреляции между уровнем доверия людей друг к другу и общим развитием общества [Гудков 2012б: 16].

Однако само по себе доверие оказывается невозможным вне сильной институциональной среды, поддерживающей современные нормы взаимодействия, формируемые поверх семейно-родственных, клановых, соседских, производственных типов непосредственной социальной коммуникации. Эти нормы предполагают переход к рефлексивной социальности, в отличие от инструментального поведения, характеризуемого неизменной лояльностью господствующим политическим, правовым и экономическим нормам и институтам. *Поэтому запрос на реальную модернизацию является одновременно запросом на иную институциональную среду*. Массовые протесты по итогам выборов в Госдуму–2011 впервые артикулировали не материальные, а именно нормативные и моральные требования современных социальных групп к элитам. Представители городского среднего и *креативного классов*, «...являясь, конечно, не самыми обездоленными, ощутили, что существующий порядок в силу своей несправедливости лишает их перспектив дальнейшего роста, что их возможности больше не будут расширяться, ибо “все уже поделено”» [Фишман 2012: 232]. При этом, несмотря на явное расширение позднемодерных ценностей и практик в крупных городах, российские властные элиты, наоборот, все активнее действуют в рамках патрон-клиентской, неопатримониальной политической модели, когда доверие и обязательства распространяются только на локальный круг *своих*, но не становятся долгосрочными обезличенными правилами и институты для всего общества [Мартьянов 2010]. Система управления попадает в зависимость от личных взаимодействий при слабости формальных институциональных правил. В обществе не совершается *институционализация доверия*, его обезличивание и распространение. Доверие не превращается во всеобщую ценность, составляющую основу прав и институтов, автономных от сиюминутных интересов элит.

В России отношения доверия, детерминированные особенностями накопления и эволюции социального капитала, имеют отчетливое географическое распределение, во многом определяемое территориально-отраслевой структурой советской экономики. Сеть крупных российских мегаполисов содержит большую концентрацию носителей современного социального капитала, характеризуется более высоким уровнем доверия населения. В то же время сельская местность и малые города, в которых сосредоточена значительная часть субъектов домодерного и антимодерного социального

капитала, демонстрируют более низкий уровень межличностного доверия. Оптимистичный прогноз эволюции социального капитала российского общества состоит в том, что «...на 30% образованного и модернизированного населения крупнейших городов, которому нужны современные “правила игры”, приходится 34% жителей села, поселков и малых городов. Между ними зависли менее крупные города-центры и средние индустриальные города “второй России”... Казалось бы, вот она, столь любезная нынешнему политическому режиму стабильность. Однако и властям, и читателям нужно помнить законы физики: удельный вес мозгов выше. Раньше или позже “первая Россия” перевесит» [Зубаревич 2012: 64].

Вопреки подобному оптимизму следует отметить, что весь постсоветский период демонстрирует относительную неизменность стратегических ориентиров в области доверия, хотя между экономическими кризисами количество людей, доверяющих другим имеет тенденцию к увеличению с 21% в 2005 г. до 33% в 2015 г. [Общественное мнение 2016: 21]. Данный показатель связан с ростом доли населения, способного к долгосрочному планированию своей жизни, которое предполагает как усложнение социальных связей, так и рост предсказуемости и уверенности в них: если в 1991 г. планировали свою жизнь более чем на год 19% опрошенных, то в 2012-м – 49% [Общественное мнение 2016: 19]. С другой стороны, в целом пространство доверия в обществе несводимо только к межличностному. И оно скорее уменьшается, нежели показывает тенденции к расширению. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что в трудных жизненных ситуациях на близкий социальных круг – только на себя, родственников и друзей – в кризисном 1994 г. рассчитывали 85% населения, а в благополучном 2012 г. уже – 94%. Число ожидающих возможной помощи государства снизилось за тот же период с 8% до 4%, помощи предприятия, места работы, – с 8% до 2%. При этом число ожидающих помощи от профсоюзов, благотворительных организаций, церкви и иных самоорганизующихся структур гражданского общества близко к нулю [Общественное мнение 2012: 59]. Таким образом, институциональное доверие в новой России очевидно слабее, чем в СССР. В то же время межличностное доверие, избавившись от советской подозрительности, в условиях слабых институтов не вышло за пределы реципрокных связей семейно-родственного круга.

Таблица

Типология распределения доверия в российском обществе

Типы доверия	Институциональное <i>низкое</i>	Институциональное <i>высокое</i>
<i>Межличностное низкое</i>	Современная Россия	СССР
<i>Межличностное высокое</i>	Россия в среднесрочной перспективе (позитивный прогноз)	Позднемодерные общества (долгосрочный тренд)

Согласно типологии, приведенной в таблице, СССР характеризовался высоким институциональным доверием при дефиците межличностного доверия как результате тотального регулирующего проникновения государства в сферу частной жизни своих граждан. В качестве реакции на подобное вмешательство распространяются всеобщая подозрительность, постоянный взаимный контроль, *двоемыслие*, доверие локализуется в неформальных, локальных группах. В современной России «низкое доверие в социальной сфере (к “незнакомым людям”) говорит об отсутствии формальных институциональных норм регуляции – права, морали, гражданских институтов. Узкий радиус межличностного доверия компенсирует институциональные дефициты, но со своей стороны стерилизует потенциал универсализма и модерности» [Гудков 2012а: 28]. Поэтому оказывается, что «более продуктивны модели “человека советского” (с присущими ему свойствами двоемыслия, лукавства, демонстративной лояльности, пассивной адаптации) или традиционалистского, ксенофобского, настороженно относящегося ко всему новому и незнакомому» [Гудков 2012а: 18]. В целом подобная позиция согласуется с результатами исследований П. Козыревой, согласно которым при стабильно работающих современных институтах растущее значение придается личным качествам (честность, трудоспособность, порядочность – составляющие социального капитала), а в условиях институционального недоверия повышается оценка значимости участия людей в распределении ресурсов (власть, богатство, профессиональные и родственные связи) [Козырева 2009].

Социальное равновесие в постсоветском обществе устанавливается за счет доминирования социальных групп с патерналистскими установками, антимодерным социальным капиталом. Это рентозависимые от государства бюджетники, пенсионеры, правоохранители, инвалиды, аграрии и т.д. [Rose 2000]. В общей структуре денежных доходов российского населения, фиксируемой Росстатом, доля зарплаты снизилась с 74,4% в 1990 г. до 41,6% в 2014 г. За тот же период доля предпринимательских доходов, ради которых и затевались все рыночные реформы, выросла лишь с 3,7% до 8,4%. Однако доля социальных выплат населению государством растет – с 14,7% до 18%, превышая наивысший советский показатель в 16,4% [Росстат]. По оценкам Л. Гудкова, «...20% всего населения принадлежат к типу наиболее модернизированной и развитой среды крупных городов, 35-40% – к антимодерному типу и 20-25% приходится на домодерную, традиционалистскую Россию» [Гудков 2012б: 28]. Равновесие антимодерного консенсуса стабилизируется и за счет довольно высокого уровня доверия населения к монопольным институтам легального насилия на фоне прагматично низкой оценки их реальной эффективности. В силу их безальтернативности людям психологически проще смириться с их неэффективностью и нереформируемостью (армия, полиция, исполнительная власть, президент) в сравнении с неизведанной сложностью институтов организации социального порядка, которые повышают свою нормативную, регулирующую роль в условиях Модерна (парламенты, суды, гражданские ассоциации, бизнес и т.п.).

Согласно опросам, институциональное доверие в России тем выше, чем ниже уровень доходов и образования и меньше населенный пункт проживания респондента. Удаленность от центров принятия решений и власти и пожилой возраст граждан способствуют росту институционального доверия. Таким образом, люди с наименьшим социальным капиталом демонстрируют преимущественное доверие к российским институтам, что позволяет говорить о том, что модель этого доверия является патриархальной, подданнической, в то время как современные слои общества оценивают свое доверие в рамках гражданской модели [Сасаки и др. 2010]. Люди с высоким социальным капиталом не проявляют доверия к российским общественным институтам, хотя демонстрируют больший уровень межличностного доверия. Согласно данным «Фонда общественного мнения» (ФОМ), в основном склонны к доверию материально обеспеченные жители крупных городов 30-40 лет, что в целом совпадает с выводами *барометра доверия Эдельмана* [Доверие и взаимопомощь... 2013]. (Следует отметить, что ФОМ и «Эдельман» по-разному формулировали вопрос о доверии и возможные градации ответов респондентов, что не позволяет напрямую сравнивать полученные результаты.) *Указанный парадокс в расхождении разных типов доверия в российских реалиях свидетельствует о разрыве между наиболее модернизированной частью общества и ее запросами к организации политического порядка – и неопатримониальными элитами, до- и антимодерными социальными группами и институтами, составляющими основу этого порядка.* Данное противоречие, существуя в экономическом, культурном, поколенческом и даже географическом измерении, представляется наиболее вероятным катализатором будущих социальных трансформаций российского общества.

В частности, результаты политических выборов демонстрируют высшую поддержку текущего социально-политического порядка в экономически наименее развитых регионах, являющихся не только оплотом патриархальной политической культуры и авторитаризма, но и неизменными получателями федеральных дотаций при минимальных показателях собираемости налогов и подушевого вклада населения регионов в экономику страны [Иноземцев 2013]. В то же время наиболее модернизированная часть населения, представленная сетью крупных российских мегаполисов, интенсивно включенных в рынок, артикулирует меньший уровень лояльности *антимодерному консенсусу*, хотя в условиях роста патернализма и экономической зависимости от государства идеологические и ценностные различия ключевых социальных групп постепенно сглаживаются [Гудков, Зоркая, Овакимян 2014]. В целом попытки неопатримониальных элит закрепить свою легитимность посредством ставки на периферийные, до-модерные регионы и экономически зависимые от государства социальные слои (бюджетники, пенсионеры, военные, сотрудники госмонополий и др.) оборачиваются ростом неодновременности и гетерогенности социально-политического пространства России. А нарастающие региональные и социальные расколы в случае обострения внутренних и внешних угроз приведут к поляризации и конфликту внутри элит.

Относительно перспектив на *ближайшее будущее* полагаем, что доминирование антимодерных сил в обществе не может быть вечным. Более того, ценности стабильности и порядка в основе антимодерного консенсуса перестают быть доминирующими, уже не оправдывая подавления альтернативных ценностей и характеризуя этот консенсус как временное явление. Массовая общественная повестка все сильнее начинает определяться запросом разных социальных групп на автономию и увеличение пространства постматериальных социально-политических и экономических прав и свобод: «...люди хотят повышения качества публичных благ, повышения уровня безопасности и гарантий, прежде всего – правовых, большей предсказуемости и равенства возможностей. При этом у них нарастает ощущение, что эти цели не могут быть достигнуты в рамках модели “беневоленного авторитаризма” и требуют возвращения к более сбалансированной системе, опирающейся на механизмы сдержек и противовесов» [Рогов 2012: 27].

Таким образом, представляется, что Россия благодаря укреплению модерных социальных групп *снизу* может переместиться на позиции общества относительно высокого уровня межличностного доверия при сохранении низкого уровня институционального доверия в силу инерции и даже involюции рентно-сословного политического порядка, который ориентируется на поддержку российской периферии и бюджетно-зависимых слоев населения. Указанные тенденции являются конфликтными, и в случае реализации подобной траектории общественных изменений данная конфигурация доверия – высокое межличностное/низкое институциональное – будет весьма неустойчивой, отражая растущий запрос образованной и экономически активной части населения на институциональные изменения, который непатримониальное государство не способно удовлетворить.

* * *

Межличностное доверие в современных обществах функционально зависимо от институционального (или генерализованного) доверия как фонового условия всех иных форм доверия. Поэтому опережающее развитие межличностного доверия *снизу* в виде разнообразных неустойчивых сетевых моделей, формирования модерной социальной структуры, расширения активных групп населения не может быть успешным без соответствующей трансформации государства и политического порядка, так как именно государство в контексте институционального регулирования ожидаемого социального поведения большинства гарантирует воспроизводство рутинных общественных практик, структурирующих предсказуемость возможных социальных действий и ситуаций и, как следствие, определяющих расширение кругов доверия.

Представляется, что любые варианты позднемодерной *органической модернизации*, связанной с активизацией ресурсов человеческого и социального капитала, могут осуществляться, только имея в качестве своего ядра ценностное измерение, обусловленное институциональным расширением и закреплением доверия в обществе. Потенциальный поворот

российского общества от сословных к позднемодерным ценностям предполагает два базовых условия. Во-первых, смену поколений, так как ценностный код, который большинство людей получает в процессе социализации и взросления, демонстрирует свою относительную устойчивость на протяжении всей жизни. Поскольку динамика общественных ценностей прямо коррелирует со сменой поколений, значительную важность в дискурсе будущего приобретают ценностные констелляции, преобладающие в молодежной среде. Эти ценности, как показывают социологические замеры, довольно далеки от постматериальных трендов, приписываемых молодым поколениям сторонниками наступления постэкономического или посткапиталистического общества [Гудков, Дубин, Зоркая 2011]. В частности, индивидуальные права и свободы оцениваются молодежью не как предмет постоянного отстаивания, а как нечто объективно и априорно данное, что закономерно влечет опасность их утраты.

Во-вторых, обновление ценностей связано с радикальным преобразованием или отменой институтов и практик, поддерживающих старые ценности. Новые общественные ценности должны быть легитимированы институционально. Безусловно, подобная ситуация является идеал-типической, в реальности разные поколения, типы ценностей, практик и институтов значительное время могут функционировать параллельно, образуя довольно устойчивые и эффективные институциональные гибриды. Новейшие опыты успешных преобразований в целом подтверждают стратегию достаточно быстрой и необратимой институциональной трансформации. На постсоветском пространстве пример наиболее радикальной деbüroкратизации государства и либерализации экономики дает Грузия [Буракова 2011]. Однако при несомненных кратковременных успехах лишь в течение ближайших десятилетий станут известны долгосрочный эффект и степень необратимости преобразований, предпринятых в сфере государственного управления, экономики и отношений органов власти с гражданами.

В умеренно оптимистической среднесрочной перспективе для российского общества наиболее вероятен тренд, ассоциирующийся с естественным ростом социальных групп, ориентированных на современный социальный капитал, при сохранении архаизированных социально-политических институтов. Общие условия модернизации предопределяют расширение межличностного доверия и низовой институционализации элементов гражданского общества, прежде всего на уровне первичных социальных сетей (соседские общины, волонтерские движения, клубы по интересам и т.д.). Этот рост может происходить вопреки доминирующим социальным силам и институциональному давлению, направленному на сохранение статус-кво. В долгосрочной перспективе рост межличностного доверия неизбежно трансформируется в требование модернизирующих изменений общего институционального каркаса российского общества в глобальном контексте позднего Модерна.

Негативные контртенденции данному сценарию связаны с редукцией среднего класса и современных социальных групп, черпающих ресурсы

преимущественно в рынке. В условиях отказа от советской, альтернативной модели Модерна и последующего отката российского общества на экономическую (полу-)периферию капиталистической миросистемы сама модерность и поддерживающие ее институты и социальные группы становятся неустойчивыми. В условиях наблюдаемой *инволюции* модерные институты и социальные группы уже не вырастают из прогресса, модернизации и естественного хода развития общества, а, наоборот, оказываются чересчур зависимыми от внешних факторов (в частности, ресурсной ренты), что обуславливает их паллиативный, если не откровенно симулируемый характер.

Это следствия *рентно-сословного сдвига* в социальной стратификации, обусловленные тем, что в условиях сокращения поступлений от природной ренты российские регионы переходят к модели выживания, в которой автономия и значение рыночных обменов сужаются на фоне иерархических механизмов распределения сократившихся ресурсных потоков государством. В условиях высокого уровня ренты модерная оппозиция рентно-сословному политическому порядку и элементы рынка возникали сами собой, как закономерное побочное явление. В настоящее время эти тенденции оказываются во многом приостановленными, а сам рынок и модерные группы внезапно обнаруживают свое зависимое положение от тех немодерных, сословно-рентных институтов, практик и субъектов, которое они стремились преодолеть. В результате в российском обществе сохраняется *двойной механизм социальной регуляции*, где модерные институты, ориентированные на расширение доверия, сосуществуют с доминирующими рентно-сословными институтами, которые ориентированы на базовую стратегию недоверия. И изменение соотношения этих механизмов регуляции будет являться предметом перманентной политической борьбы в обозримой перспективе, определяя рентно-сословную или рыночно-модерную колею российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеевкова Е.С. и др. 2007. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей / Алексеевкова Е.С., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Сергеев В.М. // ПОЛИС : Полит. исслед. № 2. С. 8-17.
- Бессонова О.Э. 2008. Институциональная модель российской экономики: ретроспектива и современный вектор развития // Экономическая наука современной России. № 4. С. 28-40.
- Буракова Л. 2011. Почему у Грузии получилось. М. : Юнайтед пресс. 271 с.
- Гудков Л. 2012а. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестн. обществ. мнения. № 2. С. 8-47.
- Гудков Л. 2012б. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. № 3. С. 6-31.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. 2011. Молодежь России. М. : Моск. шк. полит. исслед. 96 с.
- Гудков Л.Д., Зоркая Н.А., Овакимян А.Г. 2014. Городской класс: потенциал адаптации или готовность к изменениям // Вестн. обществ. мнения. № 3/4. С. 80-117.

Доверие и взаимопомощь в нашем обществе. Можно ли доверять людям? И нужно ли им помогать? [Электронный ресурс] 2013 // ФОМ : интернет-сайт. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10964#tab_01 (дата обращения: 15.01.2017).

Едовина Т. 2014. Две пятых государства отдыхают в тени // Коммерсант. 28 мая.

Зубаревич Н. 2012. Современная Россия: география с арифметикой // Отецеств. записки. № 1. С. 55-64.

Иноземцев В. 2013. Зона особого режима // Профиль. 26 авг.

Козырева П. 2009. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // СОЦИС : Социолог. исслед. № 1. С. 43-54.

Кордонский С.Г. 2008. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 216 с.

Кордонский С.Г. 2010. Россия. Поместная федерация. М. : Европа. 312 с.

Магун В.С., Руднев М.Г. 2010. Базовые ценности–2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 52 с.

Мартьянов В.С. 2010. Инволюция элиты в обществе Модерна // Полит. экспертиза : ПОЛИТЭКС. Т. 6, № 3. С. 34-56.

Мартьянов В.С. 2014. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 84-97.

Мартьянов В.С. 2016. Рентная демократия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 16, вып. 3. С. 41-60.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58-68.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд. Ин-та Гайдара. 480 с.

Общественное мнение–2012. М. : Левада-Центр, 2012. 232 с.

Общественное мнение–2015. М. : Левада-Центр, 2016. 308 с.

Рогов К. 2012. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. № 5. С. 6-32.

Розмаинский И.В. 2007. «Homo post-soveticus»: основные характеристики экономического поведения с точки зрения институционального посткейнсианского подхода // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. № 1. С. 28-40.

Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 15.01.2017).

Ротштейн Б. 2017. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния. Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 1. С. 35-58.

Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. 1998. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М. : Совпадение. 368 с.

Сасаки М. и др. 2010. Доверие в современной России (компаративистский подход к социальным добродетелям) / Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкина Г.Ф. // Вопр. экономики. № 2. С. 83-101.

Селигмен А. 2002. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М. : Идея-Пресс. 256 с.

Тощенко Ж.Т. 2014. Экономическое сознание и поведение россиян: противоречия и парадоксы. 25 лет спустя // Альтернативы. № 1. С. 145-159.

Фишман Л. 2012. Зимние протесты: от «групп населения» к новым классам? // Неприкоснов. запас. № 2. С. 224-232.

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М. : АСТ : Ермак. 730 с.

Хархордин О. 2002. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб. : Европ. ун-т в Сакт-Петербурге : Летний Сад. 511 с.

Шлейфер А., Трейзман Д. 2004. Россия – нормальная страна // Россия в глобальной политике. № 2. С. 30-52.

Algan Y., Cahuc P. 2010. Inherited Trust and Growth // American Economic Rev. Vol. 100, № 5. P. 2060-2092.

Edelman Trust Barometer, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer/global-results> (дата обращения: 15.01.2017).

Rose R. 2000. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre- Modern, and Anti-Modern // Post-Soviet Affairs. № 16. P. 33-57.

World Values Survey wave 6 (2010–2014) (Aggregated Documentation) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 15.01.2017).

V. Martianov. *Doverie v sovremennoy Rossii: mejdu pozd-nim Modernom i novoy soslovnosti?* [Trust in contemporary Russia: between late modernity and new estate order?] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 61-82. (in Russ.).

Victor S. Martianov, Candidate of Political Science, Vice-Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: martianovy@rambler.ru

Article received 17.01.2017, accepted 15.02.2017, available online 01.04.2017.

TRUST IN CONTEMPORARY RUSSIA: BETWEEN LATE MODERNITY AND NEW ESTATE ORDER?

Abstract: In societies of Late Modernity, the role of interpersonal and institutional trust is growing. Growth is fundamental for the success of the popular concepts of organic modernization, post-material values, open access society, social capital, reduce transaction costs – increasingly important factors for the further development of humankind. These trends are possible within the fundamental conditions of the dominating market exchange and strong civil society. However, in the Russian context, the peripheral market formed by the reforms of the 1990s paradoxically did not create but rather destroyed the values and institutional background of Modern trust model for the majority of the population. Trends of statization of the society are associated with the compression of the middle class and modern social groups, deriving autonomy and resources primarily in the market and civil structures. Rental-estate shift in the social stratification is catalyzed by the fact that in a crisis model of survival the autonomy of market exchange is shrinking amid

strengthening of hierarchical state allocation mechanisms diminishing resource flows. Rental-caste elites build socio-political configuration, in which citizens who do not really trust each other will compensate mutual alienation by allocating trust in the state and its agents, and thus forming a specific anti-modern consensus. At the same time, people with high social capital do not show high confidence in the Russian institutions, having a higher level of interpersonal trust. Significant divergence of trust types in different social groups points to a fundamental gap. It is a conflict between the most modernized part of the community and its vision of the organization of social and political order, and elites deliberately seeking to support rent-estate social order and associated pre- and anti-modern social groups. This contradiction is considered as the main catalyst for the future social transformation of the Russian society, being evident in the economic, cultural, generational and even in the geographical dimension.

Keywords: anti-modern consensus, state, trust, conflict, modernization, post-materialist values, market, social capital, stratification.

References

Alekseenkova E.S., Kuzmin A.S., Nechaev V.D., Sergeev V.M. *Doverie i prostranstvennoe vzaimodeystvie sotsial'nykh setey* [Confidence and Spatial Interaction of Social Networks], *POLIS: Polit. issled.*, 2007, no. 2, pp. 8-17. (in Russ.).

Algan Y., Cahuc P. Inherited Trust and Growth, *American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 5, pp. 2060-2092.

Bessonova O.E. *Institutsional'naya model' rossiyskoy ekonomiki: retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Institutional Model of the Russian Economy: A Retrospective and a Modern Vector of Development], *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2008, no. 4, pp. 28-40. (in Russ.).

Burakova L. *Pochemu u Gruzii poluchilos'* [Why did Georgia succeed], Moscow, Yunayted press, 2011, 271 p. (in Russ.).

Doverie i vzaimopomoshch' v nashem obshchestve [Trust and Mutual Assistance in Our Society], available at: http://fom.ru/obshchestvo/10964#tab_01 (accessed 15 January 2017). (in Russ.).

Edelman Trust Barometer, 2016, available at: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer/global-results> (accessed 15 January 2017).

Edovina T. *Dve pyatykh gosudarstva otdykhayut v teni* [Two-Fifths of the State are resting in the Shadows], *Kommersant*, 2014, 28 May. (in Russ.).

Fishman L. *Zimnie protesty: ot «grupp naseleniya» k novym klassam?* [Winter Protests: From "Groups of the Population" to New Classes?], *Neprikosn. zapas*, 2012, no. 2, pp. 224-232. (in Russ.).

Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity], Moscow, ACT, Ermak, 2004, 730 p. (in Russ.).

Gudkov L. «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura [“Trust” in Russia: Meaning, Functions, Structure], *Vestn. obshchestv. mneniya*, 2012, no. 2, pp. 8-47. (in Russ.).

Gudkov L. *Sotsial'nyy kapital i ideologicheskie orientatsii* [Social Capital and Ideological Orientations], *Pro et Contra*, 2012, no. 3, pp. 6-31. (in Russ.).

Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. *Molodezh' Rossii* [The Youth of Russia], Moscow, Mosk. shk. polit. issled., 2011, 96 p. (in Russ.).

Gudkov L.D., Zorkaya N.A., Ovakimyan A.G. *Gorodskoy klass: potentsial adaptatsii ili gotovnost' k izmeneniyam* [Urban Class: The Adaptation Potential or Readiness for Change], *Vestn. obshchestv. mneniya*, 2014, no. 3/4, pp. 80-117. (in Russ.).

Inozemtsev V. *Zona osobogo rezhima* [Zone of a Special Regime], *Profil'*, 2013, 26 August, (in Russ.).

Kharkhordin O. *Oblichat' i litsemerit'. Genealogiya rossiyskoy lichnosti* [To Revile and Hypocrite. Genealogy of the Russian Personality], St. Petersburg, Evrop. un-t v Sakt-Peterburge, Letniy Sad, 2002, 511 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Rossiya. Pomestnaya federatsiya* [Russia. The Seigniorial Federation], Moscow, Evropa, 2010, 312 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [The Class Structure of Post-Soviet Russia], Moscow, In-t Fonda "Obshchestv. mnenie", 2008, 216 p. (in Russ.).

Kozyreva P. *Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovaniya sotsial'nogo kapitala* [Interpersonal Trust in the Context of the Formation of the Social Capital], *SOTsIS : Sotsiolog. issled.*, 2009, no. 1, pp. 43-54. (in Russ.).

Magun V.S., Rudnev M.G. *Bazovye tsennosti–2008: skhodstva i razlichiya mezhdru rossiyanami i drugimi evropeytsami* [Basic Values-2008: Similarities and Differences Between Russians and Other Europeans], Moscow, Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010, 52 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Global'nyy Modern, postmaterial'nye tsennosti i periferiynny kapitalizm v Rossii* [Global Modernity, Postmaterial Values and Peripheral Capitalism in Russia], *POLIS : Polit. issled.*, 2014, no. 1, pp. 84-97. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.06>

Martyanov V.S. *Involutsiya elity v obshchestve Moderna* [The Elite's Involution in the Society of Modernity], *Polit. ekspertiza : POLITEKS*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 34-56. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Rentnaya demokratiya* [Rental Democracy], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 41-60. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [The Ethics of Virtue for the New Classes: the Transformation of Political Morality in Modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68. (in Russ.).

North D., Wallis D., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting the Written History of Humanity], Moscow, Izd. In-ta Gaydara, 2011, 480 p. (in Russ.).

Obshchestvennoe mnenie – 2012 [Public opinion – 2012], Moscow, Levada-Tsentr, 2012, 232 p. (in Russ.).

Obshchestvennoe mnenie – 2015 [Public opinion – 2015], Moscow, Levada-Tsentr, 2016, 308 p. (in Russ.).

Rogov K. *Politicheskie tsikly postsovetskogo tranzita* [Political Cycles of Post-Soviet Transit], *Pro et Contra*, 2012, no. 5, pp. 6-32. (in Russ.).

Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre- Modern, and Anti-Modern, *Post-Soviet Affairs*, 2000, no. 16, pp. 33-57.

Rosstat, 2016, available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (accessed 15 January 2017). (in Russ.).

Rotshteyn B. *Korrupsiya i obshchestvennoe doverie: pochemu ryba gniet s golovy* [Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya. Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5-58 (in Russ.).

Rozmainskiy I.V. «*Homo post-soveticus*»: osnovnye kharakteristiki ekonomicheskogo povedeniya s tochki zreniya institutsional'nogo postkeynsianskogo podkhoda [“Homo Post-Soveticus”: The Main Characteristics of Economic Behavior from the Point of View of

the Institutional Post-Keynesian Approach], *Ekon. vestn. Rost. gos. un-ta*, 2007, no. 1, pp. 28-40. (in Russ.).

Rukavishnikov V., Khalman L., Ester P. *Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya: mezhdunarodnye sravneniya* [Political Cultures and Social Changes: International Comparisons], Moscow, Sovpadenie, 1998, 368 p. (in Russ.).

Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu.V., Romashkina G.F. *Doverie v sovremennoy Rossii (komparativistskiy podkhod k sotsial'nym dobrodetelyam)* [Trust in Modern Russia (Comparative Approach to Social Virtues)], *Voprosy ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 83-101. (in Russ.).

Seligmen A. *Problema doveriya* [The Problem of Trust], Moscow, Ideya-Press, 2002, 256 p. (in Russ.).

Shleyfer A., Treyzman D. *Rossiia – normal'naya strana* [Russia is a Normal Country], *Rossiia v global'noy politike*, 2004, no. 2, pp. 30-52. (in Russ.).

Toshchenko Zh.T. *Ekonomicheskoe soznanie i povedenie rossiyan: protivorechiya i paradoksy. 25 let spustya* [Economic Consciousness and Behavior of Russians: Contradictions and Paradoxes. 25 Years Later], *Al'ternativy*, 2014, no. 1, pp. 145-159. (in Russ.).

World Values Survey wave 6 (2010–2014) (Aggregated Documentation), available at: URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed 15 January 2017).

Zubarevich N. *Sovremennaya Rossiya: geografiya s arifmetikoy* [Modern Russia: Geography with Arithmetic], *Otechestv. zapiski*, 2012, no. 1, pp. 55-64. (in Russ.).

Семитко, А.П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 83–105.

УДК 342.4

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.83105

О ПРИОРИТЕТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ПРАВОВОМ ПРИНЦИПЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Алексей Павлович Семитко

доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета,
заведующий кафедрой публичного права
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург),
приглашенный профессор университета
Париж-Запад (Франция), г. Екатеринбург.
E-mail: asemitko@mail.ru

Материал представлен в редколлегию 13.09.2016 г.

В статье рассматривается отношение к концепции приоритета прав и свобод человека как важного правового принципа либерализма в российской и зарубежной юридической литературе и конституционном законодательстве. Критически анализируется подход, отвергающий наличие данной концепции в рамках либеральной теории, а также отрицающий высшую ценность или приоритетность прав и свобод человека в целом, то есть и в теории, и на практике. Обсуждается понимание мировых стандартов демократии и либерализма в российской и зарубежной литературе. Отмечается, что идея приоритета прав человека заложена в фундамент либерализма и связана как с достоинством и свободой личности, так и с другими идеями, например идеями естественного права, правового государства и верховенства права.

Подчеркивается, что приоритет прав человека не имеет ничего общего с абсолютизацией и гипертрофией этих прав. Последние противопоставляются не интересам общества, а полномочиям государственного аппарата. Если отрицать или даже просто не защищать приоритет прав человека, то не остается ничего другого, как утвердить приоритет государственной власти и ее представителей – государственных служащих. Любая государственная власть, в том числе и демократическая, должна быть ограничена правами человека, которые и оказываются в таком случае выше, важнее и приоритетнее ее. Государство – это средство для защиты прав человека, которые, будучи целью (И. Кант), являются главным, ведущим, приоритетным началом в этой паре категорий. Средство, хотя оно и крайне необходимо для достижения цели, всегда есть нечто вторичное, подчиненное, обладающее порой, как в случае с государством, значительной силой, от которой нужно защищать отдельного индивида, что и полагает одной из своих задач либерализм. Либерализм говорит о первичности индивида по отношению именно к государству, а не к обществу, что часто путают в российской литературе, когда критикуют формулу о приоритете прав человека перед государством, приписывая ей то, что она противопоставляет индивида обществу, а не государству. Государственная власть, даже демократическая, не выполняет свою миссию по защите прав человека автоматически: гражданское общество должно быть достаточно зрелым, чтобы стимулировать эту деятельность государства.

Рассматривая отношение Запада к идее прав и свобод человека и их приоритетности, автор поясняет, почему об этой идее сегодня не говорят там так много, как, например, в российской политико-правовой литературе.

Ключевые слова: приоритет прав человека; права и свободы человека; либерализм; демократия; государство; личность и государство; правовое государство; конституционализм.

Западная и восточная (и российская в ее составе) культуры, в том числе политические и правовые их подсистемы, всегда отличались друг от друга. Различаются они и сегодня. Несмотря на сходство конституционных формулировок о правах человека в праве западных государств и аналогичных им положений, которые появились недавно в праве России, отношение к ним в этих политико-правовых системах остается по-прежнему не одинаковым. Рассмотрим это на примере одного из центральных положений как нашего, так и западного конституционного права – о приоритете прав и свобод человека.

В последнее время стали появляться публикации, отрицающие высшую ценность или приоритетность прав и свобод человека в правовой системе, а в некоторых случаях звучит также еще и критика либерализма как учения, которое якобы никогда не декларировало подобные идеи (о приоритете прав человека). Подобного рода позицию разделяют как представители других цивилизаций (исламской в первую очередь, азиатской и некоторых других), так и, к сожалению, ряд российских ученых. О.В. Мартышин, например, ссылаясь на исключительно важное наблюдение К. Леонтьева о свойстве нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей», пишет: «Возникают своего рода эксцессы, абсолютизация какого-то одного принципа. Хронологически первым таким эксцессом было очень популярное до сегодняшнего дня среди теоретизирующих юристов утверж-

дение «приоритета прав человека» [Мартышин 2013: 40]. Действительно ли ситуация складывается таким именно образом, доходя порой даже до эксцессов и абсолютизации отдельных положений и принципов, как пытаются представить ее указанный автор, либо его утверждения можно рассматривать в качестве заблуждения и (или) явного преувеличения?

1. Является ли утверждение приоритета прав и свобод человека ошибочным пониманием мировых стандартов демократии и либерализма? Термин «эксцесс», которым оперирует О.В. Мартышин, юристам известен особенно хорошо; он означает крайнее проявление чего-либо, обычно нарушающее норму, нормальное развитие. Происходит данный термин от латинского слова со значением «выход, уход; отступление; уходить, уезжать»; в итоге мы получаем уход от нормального положения дел. В теории это означает непростительную ошибку, глубокое заблуждение. И действительно, в завершение приводимых доказательств правильности своей позиции автор полагает более разумным признать, что «лозунги приоритета прав личности и человекоцентристской системы свидетельствуют об ошибочном и наивном понимании либерализма и мировых стандартов посттоталитарным сознанием» [Мартышин 2013: 41]. Автор безапелляционно утверждает, что «приоритет прав человека вовсе не является мировым стандартом демократии или либерализма. Он представляет собой продукт больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строящегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей. Если тоталитаризм приносит человека в жертву государству, то посттоталитарный российский либерализм предлагает другую крайность: он готов государство принести в жертву человеку» [Мартышин 2013: 40].

Нельзя согласиться с указанными утверждениями автора по самым разным и очень многим основаниям. Самое простое и очевидное состоит в том, что приоритет прав человека как раз и является лакмусовой бумажкой (или «мировым стандартом»), главнейшей отличительной правовой чертой идеологии либерализма (или концентрированным юридическим выражением ряда его важнейших положений – принципа индивидуализма, требования уважения достоинства человека, его прав и свобод, верховенства права, ограниченного правительства и т.д.) и основанных на этой идеологии западной демократии и конституционализма в целом, – чертой, которая кардинально отличает эти научные понятия и соответствующие им общественные явления от восточного деспотического авторитаризма, то есть от политического режима, который базируется на утверждении приоритета государственных интересов, поскольку они якобы выражают (а не подменяют собой, что имеет место на самом деле) общее благо. Причем в подавляющем большинстве случаев, как показывает история, приоритет государственных интересов, замещая собой общее благо, наносит ущерб человеческому достоинству и правам человека, ибо выше всего он ценит достоинство и права обожествляемого или восхваляемого правителя и (или) узких слоев правящей олигархии – и порой настолько узких, что состоят они лишь из ближайшего окружения правителя. В научной литературе давно и очень верно подчеркнуто, что «вся история конституционализма, по

крайней мере со времен Джона Локка, является, по сути, историей либерализма» [Хайек 2006: 230] и, следовательно, общей историей двух близких феноменов, нацеленных – каждый по-своему и своими средствами: один – на обоснование ограничения, а другой – на правовое регулирование (в том числе и прежде всего на ограничение) государственной власти и оба – на защиту прав и свобод человека.

Уже в 1835 г. А. Токвиль, характеризуя особенности демократии в Америке – ее плюсы, минусы, идеалы, проблемы и будущие угрозы, писал: «После того, как большинство осознало свое существование и свою силу, все власти получают свои полномочия от него. Но и само большинство не всемогуще. Над ним **возвышаются моральные принципы, такие как человечность, справедливость, разум, и признанные обществом политические права людей**. Большинство признает эти границы, и если ему и случается выходить за них, то это потому, что оно, как вообще люди, склонно поддаваться страстям и творить зло, хорошо понимая, что такое добро» [Токвиль 1992: 285] (выделено мной. – А.С.). Итак, высшая представительная власть в государстве, которая сама формирует все иные органы государственной власти, ограничена, ибо над ней *возвышаются моральные принципы и права людей* (в то время речь шла о первом поколении прав человека – личных и политических). Разве это не выражение, по самому своему смыслу, идеи приоритета прав человека над государственной властью, которые, по мнению А. Токвиля, должны быть *выше, важнее, приоритетнее* какого бы то ни было мнения большинства, формирующего власть в государстве? Во второй книге «Демократии в Америке», опубликованной в 1840 г., автор предупреждает: если власть большинства станет абсолютной и не будет подчиняться моральным принципам и политическим правам граждан, то люди столкнутся с новой логикой рабства, когда вместо единовластного деспота они получают деспота коллективного, и «что касается лично меня, – пишет А. Токвиль, – то, ощущая на своей голове тяжелую десницу власти, я мало интересуюсь конкретным источником моего угнетения и отнюдь не более расположен подставлять свою шею под хомут лишь потому, что мне протягивают его миллионы рук» [Токвиль 1992: 324]. Другими словами, любая власть, в том числе и демократическая, должна быть ограничена правами человека, которые оказываются в таком случае выше, важнее, приоритетнее ее.

Практически в самом начале своих лекций, прочитанных в университете Вирджинии в 30-х гг. XX в., Д. Дьюи подчеркивает, что философия раннего либерализма «...исходит из *первичности индивида по отношению к государству* – и не только во временном, но и в моральном аспекте... И только во второй половине XIX в. возникла мысль о том, что государство может и должно быть *инструментом* сохранения и расширения свобод личности. Намеки на этот позднейший аспект либерализма, пожалуй, содержатся уже в тех статьях нашей Конституции, которые наделяют Конгресс полномочиями по обеспечению «общественного благосостояния», а также безопасности общества» [Дьюи 2000: 334] (курсив мой. – А.С.). Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что Д. Дьюи говорит о *первичности индивида по*

отношению именно к государству, а не к обществу, что часто путают в российской литературе, когда критикуют формулу о приоритете прав человека перед государством, приписывая ей то, что она якобы противопоставляет индивида обществу, а не государству [Мартышин 2013: 40-41], о чем коротко будет сказано еще раз ниже.

Принцип приоритетности прав и свобод человека в соотношении с деятельностью госаппарата прежде всего по смыслу, а не по тому или иному буквальному его наименованию является общепризнанным и настолько общим местом в западной гуманитарной литературе и социальной практике, что отрицать его можно лишь при отсутствии каких-либо даже минимальных представлений об указанной литературе (как прошлой, так и современной) и соответствующей практике западных стран либо (при наличии таких представлений) их полном игнорировании. Однако каковы в таком случае теоретические способы опровержения указанного выше заявления О.В. Мартышина? Составить еще одну хрестоматию или антологию [см., напр.: Абрамов, Габитова, Федорова 1995; Абрамов 2000; Классический французский либерализм 2000] из трудов мыслителей либерального направления, где они утверждают идею свободы и достоинства личности, идею естественных прав человека и его – индивида – высшую ценность и непреходящую важность, а также приоритетность (по смыслу и не обязательно употребляя каждый раз слова «приоритетность», «высшая ценность» и т.д.) указанных прав перед государственным аппаратом и заботами чиновничества, которые и существуют прежде всего для того, чтобы защищать права граждан?

В либеральной доктрине постулируется, что государство – это не цель, а средство в сравнении с человеком и создается оно для того, чтобы защищать человека и его права: указанная защита – основная функция государства, а потому у него не может быть каких-то иных, «своих» и тому подобных, более важных, задач и предпочтений. Так, Д. Боуз говорит о триумфе, одержанном в США (классическим) либерализмом, основанным на правах. «Локк, Джефферсон, Мэдисон и аболиционисты заложили в основу права и привили общественному мнению фундаментальное правило: функция правительства – защищать права» [Боуз 2004: 99, 28-29, 71, 136, 142, 159, 211-212, 249, 281, 309 и др.]. Классик либерализма Л. Мизес писал в свое время: «Задача государства, как видит ее либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением. В любом случае, как говорит Якоб Буркхардт, власть сама по себе есть зло, неважно, кто ее осуществляет. Она имеет тенденцию развращать тех, кто ею обладает, и ведет к злоупотреблениям. К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» [Мизес

2007: 77-78; см. также: Дьюи 2000: 333-334]. Государственная власть, как показывает вся ее история, не выполняет свою миссию по защите прав граждан автоматически – ее служителей, чиновничество и весь аппарат в целом приходится к этому постоянно «призывать», «принуждать» или, точнее, направлять, что далеко не простая задача, справиться с которой более или менее удовлетворительно может лишь зрелое гражданское общество, и поэтому прав был Гвидо де Руджеро, когда писал: «...эффективная правовая защита индивидов от властей и капризов органов управления есть свидетельство гражданской зрелости народа» [Руджеро 2000: 236]. Наконец, выполнение так называемых общих дел государством тоже ведь осуществляется для того, чтобы защитить человека, его права и свободы, которые и являются целью государственной деятельности. Джон Локк подчеркивал, что люди для того и создают государство, чтобы оно защищало их права (он говорил о праве собственности, куда включал жизнь, свободу и владение) [Локк 2014: 347-348]. В. Гумбольдт отмечал, что государство создано «...для человека, а не человек для государства; государственное устройство не есть само по себе цель, оно является только средством для развития человека» [Гумбольдт 2009: 267-268]. Таким образом, государство – это средство для защиты прав человека, которые, будучи целью, являются главным, ведущим, приоритетным началом в этой паре категорий. Средство – это, безусловно, важное *обстоятельство*, крайне необходимое для достижения цели, но оно всегда есть нечто вторичное, подчиненное, обладающее, однако, как в случае с государством, значительной силой; от этой силы и нужно охранять отдельного индивида, что полагает одной из своих задач либерализм, который, как отмечал еще Г. Спенсер в своей книге «Личность и государство»¹, «...обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства» [Спенсер 2007: 6]. Здесь классический либерализм и вслед за ним современная его версия – либертарианство [Боуз 2004: 109] – прямо восходят к кантовскому положению о том, что человек есть цель сам по себе [Кант 1966: 469].

Если государство – это средство, а человек и его права – цель [Антисери, Мальцева 2006: 4, 6, 85], то разве не понятен ответ на вопрос о том, что является приоритетным в этой паре категорий и соответствующих им явлений: государство или права человека? И на каком тогда основании можно отрицать приоритет последних перед государством?

Либеральная идея зародилась в эпоху Просвещения как противопоставление свободы и естественных прав человека произволу государственной (монархической) власти, как необходимость ограничения последней для защиты отдельного индивида. «Вся история конституционализма, – отмечал Ф. Хайек, – по крайней мере со времен Джона Локка являющаяся, по сути, историей либерализма, была наполнена борьбой против позитивистской концепции суверенитета и родственной концепции всемогущества государства» [Хайек 2006: 230]. Необходимость строгого ограничения

¹ Кстати, буквальный перевод английского названия этой книги «Man versus the State» как «Человек против государства» намного лучше отражает ее суть, чем предложенное переводчиками очень широкое название «Личность и государство».

такого всемогущества и вообще «всякой принуждающей или исключительной власти» современные теоретики либерализма обосновывают дополнительно еще и новыми, гносеологическими аргументами, на которые ранее обращалось достаточного внимания и которые вытекают из факта осознания «...ограниченности индивидуального знания и из того факта, что ни один человек или небольшая группа людей не могут знать всего...» [Хайек 2000: 397]. В другом месте Ф. Хайек отмечает, что «эффективное ограничение власти – важнейшая проблема поддержания общественного порядка. Без правительства невозможен порядок, но задача правительства состоит лишь в том, чтобы защитить людей от насилия. Но как только правительство захватывает ради этого монополию на принуждение и насилие, оно само становится главной угрозой индивиду. Ограничение власти было великой целью основателей конституционных правительств в XVII и XVIII вв. Но эти усилия были, по существу, оставлены, поскольку сложилось ошибочное убеждение, что демократический контроль над властью достаточен для ее ограничения» [Хайек 2006: 449].

Либерализм боролся не против общества, но – против всемогущества и абсолютизации государства, неизбежно покушающегося на права и свободы индивидов, которые в данном соотношении и рассматриваются либерализмом в качестве высшей, подлежащей приоритетной защите ценности. Как можно изъять это – одно из центральных – положение данного учения, не уничтожив саму либеральную идеологию?!

Ведущие постулаты конституционализма не изменились и в XXI в. Так, авторы фундаментального сравнительно-правового исследования конституций нашей современности в главе под характерным названием «Права человека как высшая конституционная ценность» напоминают, что «сама идея конституции как основного закона (законов), устанавливающего порядок обретения и осуществления публично-властных полномочий, производна от представлений об ограниченности (связанности) государственной власти правом подвластных» [Чиркин 2011: 116-117]. Последние, исходя из данного постулата, должны иметь приоритет относительно публично-властных полномочий, ограничивая их в определенном отношении. Авторы монографии «Институты конституционного права» отмечают, что «основным и важнейшим институтом конституционного права Российской Федерации, без сомнения, является институт прав и свобод человека и гражданина. Таковым он является в большинстве современных обществ. По его содержанию, значению и месту в правовой системе государства можно судить о степени зрелости права, гражданского общества, законодательства в целом... Этот институт в разных правовых системах может иметь разное наполнение. Но ценность его для государства и каждого члена общества всегда находится на **приоритетном** месте» [Андриченко, Постников 2011: 64-65] (выделено мной. – А.С.). Замечу, что подобного рода констатаций и оценок в российской литературе – бесконечное множество.

Либерализм – это совокупность целой группы идейно-политических течений [Степин, Семигин 2010: 393-395; Dictionnaire des idées 2005: 462],

прошедших с XVII–XVIII вв. серьезную эволюцию [Мельвиль 2002: 538–539]. И ставить в упрек современному либерализму его недоверие или враждебность (в том числе теоретическую или иную, действительную в тех или иных случаях, но чаще вымышленную его критиками) к государству, которые характерны для эпохи зарождения и самых ранних этапов этой идеологии, вряд ли уместно. Даже если у раннего либерализма и была эта теоретическая или иная враждебность по отношению к государству, то она преодолена вполне либерализмом современным [Валлерстайн 2003: 99–100]. Впрочем, не все теоретики данного направления общественно-политической и правовой мысли соглашались с тем, что это отношение было враждебным. Так, один из классиков указанного направления, Л. Мизес, пишет, что «объяснить, как люди могли зайти так далеко, чтобы упрекать либерализм во “враждебности и неприязни к государству”, можно, только если находиться под сильным влиянием философии Гегеля, возводившей государство в ранг божественной сущности» [Мизес 2007: 56]. Другой не менее авторитетный мыслитель, П.И. Новгородцев, в речи по поводу кончины Б.Н. Чичерина обращает внимание на его тезис о том, что «истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал», а в правильном сочетании свободы с законным порядком [Новгородцев 2000: 576]. Р. Арон пишет, что «либерализм – это концепция, относящаяся к ограничению власти...» [Арон 2005: 101], а также что государство не должно посягать на основные права и основные свободы и тогда общество, соблюдающее данные права, считается свободным. В этом отношении права человека и являются приоритетными, потому что они стоят выше власти, ограничивают ее.

Однако при наличии самых различных философских и иных оснований главной осью как прошлых, так и в особенности современных дискуссий внутри «семейства» многочисленных разновидностей либеральной идеологии является подход к следующей проблеме: «...должен ли либерализм в качестве своей главной цели стремиться к “ограничению принуждающей власти любого правительства” (Ф. Хайек) или это вопрос второстепенный, решаемый в зависимости от того, как либерализм справляется со своей важнейшей задачей – “поддержанием условий, без которых невозможна свободная практическая реализация человеком своих способностей” (Т. Грин). Суть этих дискуссий – отношения государства и общества, роль, функции и допустимые масштабы деятельности первого ради обеспечения свободы развития индивида и свободного общежития людей» [Степин, Семигин 2010: 393]. Ответ юриста в обоих случаях одинаков: утверждение непреходящей ценности, важности и приоритета прав и свобод человека в отношениях с государственной властью, то есть «требование уважения со стороны государства и его равного отношения к любому индивиду» (Р. Дворкин) [Мельвиль 2002: 539]. Отказ от такого ответа и от соответствующего ему требования есть отказ от стремления к построению правового государства и цивилизованной демократии, что означает одновременное утверждение приоритета, то есть важности, ценности, и, наконец, абсолютизацию (об опасности

которой говорил уже А. Токвиль) полицейского, авторитарного государства. Третьего не дано!

2. Отношение Запада к идее прав и свобод человека. Для опровержения утверждения автора о том, что «приоритет прав человека» не является мировым стандартом демократии или либерализма, можно было бы сослаться и на современную зарубежную юридическую литературу, где говорится о важности прав и свобод человека, а также о необходимости их защиты от произвола государственной власти и т.д., то есть обо всем том, что означает, по сути дела, их первенство перед последней. Можно указать на тексты, где подчеркивается, что права человека стали «моральным горизонтом нашего времени (Робер Баденгер)» [Бенуа 2015: 9] или даже что «коронация прав человека является, несомненно, главным идеологическим и политическим фактом последних двадцати лет» (Gauchet) [цит. по: Бенуа 2015: 8], но такие тексты встречаются не так уж и часто, поскольку в западной литературе данная мысль уже давно стала общераспространенной, общепринятой и практически никем не оспариваемой; именно поэтому сегодня ее даже не считают нужным обсуждать или упоминать каким-то иным образом, когда в этом нет особой необходимости. Есть, разумеется, и исключения [Бенуа 2015], которые лишь подтверждают общее правило, однако критику (и критику или анализ этой критики [Lacroix, Pranchère 2016]) концепции прав человека вызывают, скорее, свойственные ей в последнее время гротесковые преувеличения, доходящие порой до абсурда, навязчивой одержимости и дающие обратный результат, парадоксально противоположный самой идее прав человека. Так, почетный профессор университета Пантеон-Ассас (Париж-II) Жан-Луи Аруэль опубликовал в мае 2016 г. книгу под названием «Права человека против народа» [Harouel 2016], в которой он показывает, что утрированное следование указанной концепции на практике, и особенно в условиях столкновения цивилизаций, оборачивается уничтожением западной идентичности и западной культуры в целом, в том числе, разумеется, культуры политической и правовой вместе с сердцевинной этой последней – концепцией и идеологией прав человека! Разумеется, автор не выступает против прав человека, однако он явно против тех тенденций и требований, которые с опорой на права человека ведут к уничтожению европейской цивилизации и самих прав человека в том числе [Harouel 2016: 9-13].

Если 150 или 200 лет назад идея прав и свобод человека была на Западе весьма и весьма актуальной, то сегодня она, став неотъемлемым фундаментом западной правовой и политической культуры, не требует уже ни доказательств, ни каких бы то ни было дополнительных пояснений или подтверждений, хотя, разумеется, она сама по себе и различные ее производные и нюансы (противопоставление свободы и прав индивида как ограничителей произвола государственной власти [Davidson 1993: 24; Baghestani-Perrey 2007: 23; Pontier 2007: 5; Dictionnaire des idées 2005: 463], выполнение указанным институтом функции ограничителя государственного могущества и одновременно цели его – государства – существования, а также роль прав человека как фундамента для создания и развития правового государства [Andriantsimbazovina et al. 2008: 264; Godin 2004: 727; Baghestani-Perrey

2007: 23] и т.д.) внимательно исследуются и отмечаются как в монографиях [Favoreu 2005: 17] и энциклопедиях [Andriantsimbazovina et al. 2008: 264; Alland, Rials 2003: 540-544, 649-651, 652-653; Dictionnaire des idées 2005: 463; Godin 2004: 727], так и в рассчитанных на студентов учебных пособиях [Baghestani-Perrey 2007: 23; Pontier 2007: 5].

Получается, таким образом, что в силу глубокого укоренения либеральной идеи и, в том числе, идеи прав человека в западном менталитете, в силу имеющейся здесь убежденности в победе этих идей во всемирном масштабе (понятно, что «убежденность» в победе и победа – не одно и то же и тем не менее) надо сильно потрудиться, чтобы найти в соответствующих теоретико-правовых исследованиях буквальное утверждение или даже упоминание (в противоположность тому, как это делается в нашей литературе и именно потому, что эта идея у нас пока совсем не укоренена и лишь недавно закреплена на конституционном уровне) такого привычного для них положения, как приоритет, высшая ценность или жизненная важность для западного общества прав и свобод человека. Примерно об этом и говорил французский интеллектуал Раймон Арон в своих лекциях для студентов Калифорнийского университета в Беркли (США) более полувека назад (в 1963 г.): поскольку данная идея там давно и весьма глубоко освоена, постольку **«на Западе основы формальных свобод и либеральной демократии теперь уже всерьез не обсуждаются...»** [Арон 2005: 45] (выделено мною. – А.С.). Примерно за 30 лет до «конца истории», провозглашенного Фрэнсисом Фукуямой как результат победы либерализма во всемирном масштабе, Р. Арон говорил о «конце идеологий» как полной, окончательной и очевидной победе либерализма в западной политико-правовой культуре, о том, что ни либеральные, ни демократические идеи «...не были ослаблены или исчерпаны в результате промышленного процветания, или, по крайней мере, таким не был диагноз, скрывающийся под формулировкой “конец идеологий”». Напротив, окончание идеологий означало повсеместное принятие этих идей, не вызывавших больше энтузиазма, поскольку они пользовались почти единодушным признанием» [Арон 2005: 55], и поэтому данные идеи и свободы (личные свободы, всеобщее избирательное право, конкуренция партий) «почти никем более не оспариваются» [Арон 2005: 119].

Итак, с одной стороны, имеют место привычность, очевидность и неоспоримость для людей западного общества либеральных и демократических идей, понимание ими важности и приоритетности прав и свобод человека и, как следствие, отсутствие необходимости их идеологического, ценностного (важны и нужны они или нет, то есть являются ценностью или нет) обсуждения (что не означает, конечно, что эти идеи нашли свое полное воплощение в жизни западного общества и поэтому уже не нужны ему вообще, так как у них здесь нет якобы никаких проблем), а с другой – безусловно присутствует понимание того, что их высшая ценность и приоритетность – это не синоним их абсолютизации и гипертрофирования: при необходимости права человека могут и должны быть ограничены, лицо может быть взято под стражу до судебного разбирательства, против него в указанных в законе случаях может быть применено огнестрельное оружие и т.д. и т.п.;

это ведь все – азбучные истины, доказывающие, что приоритет прав человека и базирующийся на нем персоноцентристское общество, государство и право [Семитко 1996; Семитко 2002: Семитко 44-77; Семитко 2003: 224-252; 2009: 25-41] не претендуют на отсутствие всех и всяких ограничений данного института и на полную, то есть абсолютную, свободу индивида, которую ошибочно приписывает этим явлениям и выражающим их понятиям «приоритет» и «персоноцентризм» наш уважаемый автор [Мартышин 2013: 41].

Идея приоритета прав человека перед волеустановлениями государственной власти (и претензиями ее представителей) имеет, на самом деле, гораздо более древние корни, чем утверждает О.В. Мартышин, приписывая ее рождение лишь периоду посттоталитаризма в России. Эта идея вырастает закономерно в рамках западной правовой традиции. Ее самые ранние истоки обозначились уже две с половиной тысячи лет назад, начиная с формулы софистов о том, что «человек – мера всех вещей», которая развилась позже в доктрину естественного права. Если в философии, по мнению некоторых авторов, в тех же временных рамках идет борьба между философией идеализма и философией материализма, то в юридической мысли – борьба позитивизма и юснатурализма (названия этих линий и сама по себе констатация указанных феноменов, разумеется, возникли позже). Один из ведущих российских теоретиков и методологов права, В.М. Сырых, рассматривая узловые вехи истории западноевропейской юридической науки, пишет: «*Основополагающий тезис теории естественного права о наличии естественных прав человека, имеющих **приоритет перед волеустановленным правом государства, и об обязанности государства следовать нормам естественного права*** послужил теоретической основой дальнейших революционных преобразований правовой науки, государственной власти и юридической практики» [Сырых 2012: 156] (выделено мной. – А.С.). (О фундаментальной проработке теории и истории естественного права см.: [Гаврилюк 2012; Михайлов 2010]; о приоритете права вообще и его превосходстве над политическими властями [см.: Берман 1994: 26-27 и др.].) Отрицать приоритет прав и свобод человека, как это делает наш уважаемый автор, – значит отрицать и идею правового государства, которая является еще одним краеугольным камнем современной европейской цивилизации, да и российской политико-правовой культуре не чужда тоже, о чем говорится уже в ч. 1 ст. 1 Конституции России [Марченко 2015: 129].

Идея приоритета прав и свобод человека, закрепленная в тексте российской Конституции, продолжает развиваться и уточняться в имеющих юридическую силу Конституции РФ решениях Конституционного Суда РФ; можно указать примерно три десятка таких его решений, в частности Постановления от 14.05.2015 г. № 9-П; от 22.04.2013 г. № 8-П; от 30.11.2012 г. № 29-П; от 09.07.2012 г. № 17-П; от 07.06.2012 г. № 14-П; от 19.07.2011 г. № 17-П; от 16.06.2009 г. № 9-П; от 03.02.2009 г. № 2; от 28.02.2008 г. № 3; от 23.12.97 г. № 21-П; от 13.06.1996 г. № 14-П; от 02.02.1996 г. № 4-П; от 31.07.1995 г. № 10; от 17.09.1993 г. № 17 и т.д., и еще примерно полтора десятка определений. Достаточно активен в этом отношении и федеральный

законодатель, который ссылается на указанное положение в ряде принятых им федеральных законов, начиная от одного из самых ранних, от 31.07.1995 г. № 119-ФЗ, утратившего силу в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ, в котором, однако, указанный приоритет «сохранил свою силу» (пп. 1 ст. 4), и кончая более поздними актами и актуальными редакциями ранее принятых актов, например Основ законодательства Российской Федерации о культуре (эта идея закреплена и в первой, и в ныне действующей редакции от 21.07.2014 г. ст. 9 «Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп» и т.д., и т.п.). Можно указать на целый ряд актов Президента РФ и федеральных органов исполнительной власти, актов регионального и муниципального уровня, а также решений Верховного Суда РФ, в которых ссылаются на указанный принцип и идею¹. Так, например, п. 1 утвержденных Президентом РФ «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» недвусмысленно констатирует, что «развитие **правового государства**, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, **приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод**, обеспечение надежной защищенности публичных интересов» [Основы государственной политики... 2011: 1] (выделено мной. – А.С.).

Депутаты, судьи, Президент РФ, иные представители государственной и муниципальной власти, одним словом, вся политико-правовая элита России – тоже «продукт большого политического сознания, воспитанного тоталитаризмом»? Не проявляется ли в таких удивительных оценках О.В. Мартышиным идеи приоритета прав человека одно из свойств нашего национального сознания – «во всем доходить до крайностей»?

А как быть с коллегией Суда Европейского союза, члены которой тоже ссылаются на такой принцип (и идею), как приоритет прав и свобод человека перед государством (точнее, государствами) и иными структурами в своих решениях? У них-то откуда взялось большое политическое сознание, «воспитанное тоталитаризмом»? Возьмем для иллюстрации судебные решения по делу включенного в санкционные списки соответствующими структурами Совета Безопасности ООН Яссина Кади. Проанализировав указанные решения, А.С. Испоинов пишет: «Итак, решения Суда ЕС весьма серьезно поколебали представление об аксиоматичности и даже о некоем сакральном характере ст. 103 Устава ООН, которая говорит о приоритете для государств обязательств по Уставу ООН перед обязательствами по любым другим международным договорам. Суд ЕС продемонстрировал Совету Безопасности ООН, его постоянным членам, другим государствам, международным и национальным судам, а также общественным организациям и частным лицам, что **соблюдение международных норм о защите прав че-**

¹ Не вижу смысла «утяжелять» сноски, ибо все это можно легко найти в соответствующих справочных правовых системах, набрав в поисковой строке словосочетание «приоритет прав человека».

ловека выше обязательств, вытекающих из Устава ООН» [Исполинов 2013: 35] (выделено мной. – А.С.).

Наконец, тем, кто отрицает приоритет прав и свобод человека, приписывая его защитникам «ошибочное и наивное понимание либерализма и мировых стандартов демократии», было бы очень полезно еще раз прочитать конституции западных демократических государств, хотя бы их преамбулы и (или) первые статьи (первые разделы и т.д.), чтобы убедиться в том, что там везде закреплён в том или ином виде указанный приоритет и именно перед государством, правительством, властями, а не перед обществом или народом. Приоритет, важность, значимость прав и свобод человека и его достоинства выражаются также в том, что в указанных основных законах подчеркивается – в разных конституциях используются разные сочетания конкретных формулировок, но важен их смысл – священный, неотчуждаемый, неотъемлемый, естественный и т.д. характер упомянутых прав и в том, что они составляют основу всякого человеческого сообщества, социального мира, справедливости и политического порядка, а также что «забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств» [Маклаков 2002].

3. Приоритет не означает абсолютизации прав и свобод человека. Необходимо также уточнить, что «приоритет прав человека», который критикует В.О. Мартышин, и «готовность принесения государства в жертву человеку», на что затем ссылается указанный автор в своей критике первого концепта, – это принципиально разные явления с кардинально различающимися основаниями и последствиями, а именно: «принесение в жертву» (человека государству или государства человеку) означает **уничтожение** или как минимум явное **унижение, ограничение** свободы в смысле, близком к порабощению, одной из конфликтующих, противоборствующих сторон другой стороной, а приоритет одного перед другим означает **сосуществование и сотрудничество** их друг с другом, но в определенном порядке: кто-то «проходит» первым, а кто-то – вторым и, вполне понятно, только в тех противоречивых случаях и «местах», где «проход» для «двоих» субъектов ограничен, что, на самом деле, бывает не так уж и часто. Но, повторяю, оба субъекта – и человек, и государство – в последнем случае остаются целыми и невредимыми, не отменяются также ни их честь, ни достоинство, ни возможности нормального существования и эффективной деятельности каждого на своем участке или совместно там, где это требуется по ситуации и по строго определенным, закреплённым в правовом законе правилам.

История показала нам, что, когда «тоталитаризм приносит человека в жертву государству» (часть цитируемой выше фразы упомянутого автора), это приводит к незаконным репрессиям и массовым жертвам, к уничтожению десятков миллионов людей по социальным, национальным, религиозным и, в первую очередь, по идеологическим и политическим соображениям. Когда же российскому либерализму приписывается «впадение» в другую крайность (утверждение «он готов государство принести в жертву

человеку» противопоставляется утверждению «тоталитаризм приносит человека в жертву государству»), это означает плохо замаскированный намек на то, что российский либерализм выступает якобы за разрушение и гибель Российского государства или как минимум за потерю им своего суверенитета – одним словом, за уничтожение в конечном счете российской государственности как таковой. Если кто-то и вынашивает подобные планы и уже даже *готов* их осуществить (поскольку ничего близкого в истории либерализма не было и трудно даже такое помыслить, автор предусмотрительно говорит всего лишь о *готовности* либералов принести государство в жертву человеку), то научно понимаемый либерализм как прошлого, так и настоящего не имел и не имеет к этому абсолютно никакого отношения!

Доктрина либерализма, в том числе и идея приоритетности прав и свобод человека, никоим образом не приводит к необходимости уничтожения государства или нарушению его безопасности, территориальной целостности и суверенитета, то есть не требует принесения его в жертву либеральной, космополитической и эгоистической личности, готовой при первом же случае «продать» Родину врагу. Приписывать подобные интенции российским либералам даже посредством скрытых намеков и «подведения читателя под соответствующий вывод» – это именно то, о чем и писал К. Леонтьев, указывая на свойство нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей». Ссылаясь на тоталитаризм, автор сопоставляет, но в скрытом виде, с одной стороны, известные всем ужасы фашистского и коммунистического его вариантов (которые не просто «приносили человека в жертву государству», а уничтожали людей в невиданных ранее в истории масштабах), а с другой – гипотетическое стремление, точнее, еще хуже, уже даже *готовность* либералов «государство принести в жертву человеку», то есть как минимум лишить Российское государство суверенитета, поставить его под власть правительств развитых западных либеральных стран. Думается, что О.В. Мартышин как раз сам и дошел в этом отдельном вопросе (а не во всем, как указано у К. Леонтьева) до крайности, подменив одну категорию – «принесение в жертву», то есть уничтожение или порабощение жертвы такого публичного диалога, другой категорией – «приоритетом», который предполагает сотрудничество и очередность в некоторых «узких» вопросах и «узких» социальных и правовых пространствах и практиках.

Необходимо пояснить, что О.В. Мартышин сказал только те слова, которые я процитировал выше. Он нигде и ничего не говорил прямо про желание или готовность либералов уничтожить Российское государство. Но дело в том, что определенная последовательность утверждений, подбор и очередность подачи аргументов, жесткие противопоставления, сравнения, намеки, создание «атмосферы», контекста и т.д. не оставляют читателю иного выбора, как сделать именно тот вывод, который я и представил выше. Дело в том, что в иных, гораздо менее теоретически тонких и гораздо менее научно фундированных выступлениях критиков либерализма ряд приведенных О.В. Мартышиным аргументов выдвинут прямо (а не косвенно, как у него) и завершается утверждениями о том, что либерализм ведет к уничтожению российской государственности, а его сторонников надо судить

как «врагов народа» (сегодня используется близкий по коннотациям и ассоциациям и потому практически синонимичный ему термин «иностранный агент»). Если О.В. Мартышин не стремился приписать либерализму такие «безобразия», то ему не стоило бы делать указанные выше противопоставления о перемене местами жертв в условиях тоталитаризма и либерализма и не стоило бы рассматривать вопрос в плоскости «кто – кого?», иначе сделанного мною вывода не избежать никому, а такой вывод абсолютно не соответствует ни теории либерализма, ни основанной на ней практике. Если же автор подразумевал какие-то иные эксцессы, имеющие место в истории и вытекающие из неудачных попыток кого-то ориентироваться на идеи либерализма, или, еще хуже, прямое искажение этих идей с целью их дискредитации и последующего уничтожения, то такого рода отклонения выходят за рамки самой идеи и, более того, они часто антагонистичны ей – на то они и эксцессы. В качестве яркого примера такового можно привести, например, современный эксцесс «Либерально-демократической партии России», однако есть и иные политические и теоретические злоупотребления разного рода субъектов, которые приписывают либерализму несуществующие пороки либо паразитируют на самом этом термине или, как точнее, проще и очень эмоционально выразился по близкому поводу Ф. Хайек, просто «нагло присваивают себе это имя» [Хайек 2006: 213], поэтому Д. Боуз убедительно просит не «марать» слово «либерализм» ошибочным его употреблением [Боуз 2004: 317].

Итак, *приоритет* подменяется *жертвой*, а предполагаемое им сотрудничество – *уничтожением*, и затем *приоритет прав человека* критикуется за приписанные ему недостатки, которых он не имеет, и за следствия, которые из него не вытекают, а также за свойства и особенности, на которые он никогда не претендовал и к которым не имеет никакого отношения.

4. Права человека против полномочий государства, а не против интересов общества. Следующее основание, по которому нельзя согласиться с критикой идеи приоритета прав человека как необходимой и важнейшей составляющей идеи либерализма и соответствующих ему персонцентристского общества и государственно-правовой системы, заключается в том, что речь в последнем случае идет о способе разрешения конфликта между правами человека и полномочиями (правами-обязанностями) государственной власти, а не между правами человека и интересами общества, о чем говорит далее автор (что подлинный либерализм исходит из общего блага, из первенства общественного и ставит на первое место общество, а на второе – человека [Мартышин 2013: 40-41]), попусту сражаясь с указанной формулой об их приоритетности перед государством. В подобную же ловушку попадают и некоторые другие авторы, когда ошибочно противопоставляют права человека не обязанностям государства и его аппарата, что имеют в виду Конституция РФ и идеология либерализма, а общественному благу, интересам социума в целом. Так, в очень интересной, глубокой и уникальной по своей аргументированности, основательности и прочим позитивным научным характеристиками статье А.М. Арбузкина автор тем не менее совершает отмеченную ошибку,

когда пишет, что «видимо, недопустимо устанавливать приоритет прав и свобод человека над всеми иными социальными ценностями, и в первую очередь такими, которые выражают интересы всего СОЦИУМА (выделено автором. – А.С.). Однако кто же утверждает приоритет прав человека над «всеми иными социальными ценностями» и интересами «всего социума», всего общества? Об этом даже страшно подумать, ибо, как верно отмечает указанный автор, такой подход повлечет «...гибель всего общества, а с ним и человека!» [Арбузкин 2016].

Заметим, что Рональд Дворкин, автор «либеральной теории права», критикуя позитивизм и утилитаризм, говорит о «правах, которыми индивиды могут обладать как противовесом государству», а не как противовесом обществу и (или) общему благу [Дворкин 2004: 5-10]. Ведущий российский правовед С.С. Алексеев также очень точно говорил о возвышении прав человека именно над государственной властью, а не над обществом [Алексеев 2009: 117].

Противопоставление прав человека общему благу (интересам общества, социума, общественным ценностям и т.д.) строго юридически и невозможно, так как это – разные грани явления и его анализа и их нельзя смешивать, а именно: общее благо – пока оно не закреплено в законе, пока оно не выражено юридически – существует лишь как социально-политическое требование, как пожелание, совокупность ценностей, лозунгов и (или) программных установок каких-то социальных и (или) политических сил и движений. *Общее благо* должно быть сперва закреплено в законе – в тех или иных конкретных правовых предписаниях либо в принципиальных требованиях, выраженных, например, в таком правовом явлении и соответствующей ему категории, как «публичный порядок» [Вербар 2002: 4-22]. Если же возникают коллизии одних правовых предписаний, в которых отражено и, самое главное, конкретизировано некоторое *общее благо*, с другими юридическими предписаниями (с *правами человека*, например, что вполне возможно и встречается не так уж редко), то в «работу» вступают соответствующие судебные механизмы либо парламентарии вносят изменения в те или иные законодательные акты, то есть происходит уточнение, а при необходимости и ограничение каких-то прав и свобод человека либо уточнение, а при необходимости и юридическое ограничение *общего блага*, *общего интереса* и т.д. Противопоставление понимаемого по-разному разными социальными и политическими силами общего блага закрепленным в правовой системе правам и свободам человека есть не что иное, как пустопорожние «общие разговоры» или, точнее, содержащая подмену терминов демагогия, нацеленная исключительно на то, чтобы уничтожить права человека, подчинив их государству, которое якобы автоматически выражает в своей деятельности *общий интерес* и *общее благо*, ибо ведущие такие «разговоры» теоретики и (или) политики пытаются в этом логически не корректном противопоставлении навязать мысль, что в случае противоречия общего блага и эгоистического интереса отдельного индивида нельзя отдавать предпочтение последнему – пусть государство позаботится о своем народе в целом, а не о правах отдельного человека. Однако если мы можем согласиться, что общее

благо, по безусловному правилу, выше интересов отдельного индивида, то это совсем не означает, что при сопоставлении конкретизированных в праве феноменов мы должны делать вывод о приоритете полномочий и интересов государства перед правами человека!

Совершенно неясно также, в чем угроза Российскому государству, которое якобы может быть принесено в жертву человеку (но как это вообще возможно?!), если закон закрепляет обязанности госаппарата и провозглашает приоритетность или, буквально, *высшую ценность* человека, его прав и свобод, требуя от государства признания, соблюдения и защиты указанных прав и свобод [Конституция Российской Федерации 1993: 2]? Приоритетному праву человека корреспондирует приоритетная обязанность государства, то есть особое уважение и внимание государственных служащих к человеку, а потом уже к каким-то иным нуждам и потребностям, прямо, близко или непосредственно за которыми нет конкретного, индивидуально поименованного человека (ибо опосредованно, удаленно, «общественный человек», человек как абстракция стоит за всеми и любыми функциями государства, что не надо смешивать, конечно) и которые потому могут быть реализованы во вторую очередь и при этом так, чтобы не страдали права других людей. Часть 3 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», но права госаппарата в случае коллизии должны уступить правам человека, ибо последние обладают приоритетом перед первыми – вот в чем суть формулы приоритетности прав и свобод человека.

Что касается рисков причинения вреда общественным интересам при проведении принципа приоритетной защиты прав и свобод человека, то в Основном законе указываются достаточно обширные по объему и сферам охвата случаи изъятия прав и свобод человека из статуса их «приоритетности», то есть случаи ограничения их иными ценностями. В связи со сказанным обратимся к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Таким образом, права и свободы человека – это высшая ценность лишь в сравнении с государственным Левиафаном, а не с общественным благом, которому наш автор неправомерно пытается противопоставить права человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамов М.А. (ред.) 2000. О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. 696 с.

Абрамов М.А., Габитова Р.М., Федорова М.М. (сост.) 1995. О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли / сост. М.А. Абрамов, Р.М. Габитова, М.М. Федорова. М. : Наука. 465 с.

- Алексеев С.С. 2009. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд. М. : Норма. 176 с.
- Андриченко Л.В., Постников А.Е. (ред.) 2011. Институты конституционного права / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М. : Юриспруденция. 496 с.
- Антисери Д., Мальцева С.А. 2006. Принципы либерализма. СПб. : Пневма. 128 с.
- Арбузкин А.М. 2016. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституц. и муницип. право. № 2. С. 18-25.
- Арон Р. 2005. Эссе о свободах. М. : Праксис. 208 с.
- Бенуа А. 2015. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М. : Ин-т общегуманит. исслед. 144 с.
- Берман Г. 1994. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. 592 с.
- Боуз Д. 2004. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск : Cato Institute. 391 с.
- Валлерстайн И. 2003. После либерализма. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Вербар К. 2002. Понятие публичного порядка во внутреннем праве России и Франции // Вестн. Гуманит. ун-та. Серия «Право». № 1 (3). С. 4-22.
- Гаврилюк Р.А. 2012. Методологическая традиция доктрины естественного права. Черновцы : Черновицкий нац. ун-т. 788 с.
- Гумбольдт В. 2009. О пределах государственной деятельности. Челябинск : Социум. 304 с.
- Дворкин Р. 2004. О правах всерьез. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 392 с.
- Дьюи Д. 2000. Либерализм и социальное действие // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 331-384.
- Исполинов А.С. 2013. Суд Европейского союза, Яссин Кади и ст. 103 Устава ООН // Рос. юрид. журн. № 6. С. 27-35.
- Кант И. 1966. Сочинения : в 6 т. Т. 5 / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гульги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль. 564 с.
- Классический французский либерализм, 2000 : сборник / пер. с фр. М.М. Федоровой. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 591 с.
- Локк Д. 2014. Два трактата о правлении. М. ; Челябинск : Социум. 494 с.
- Маклаков В.В. (сост.) 2002. Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК. 592 с.
- Мартьшин О.В. 2013. Конституция и идеология // Государство и право. № 12. С. 34-44.
- Марченко М.Н. 2015. Правовое государство и гражданское общество. М. : Проспект. 648 с.
- Мельвиль А.Ю. (ред.) 2002. Категории политической науки : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ю. Мельвиля. М. : МГИМО(У) МИД РФ, РОССПЭН. 656 с.
- Мизес Л. 2007. Либерализм. Челябинск : Социум. 344 с.
- Михайлов А.М. 2010. Идея естественного права: история и теория. М. : Юрилинформ, 2010. 460 с.
- Новгородцев П.И. 2000. Б.Н. Чичерин // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 575-579.
- Руджеро Г. Де. 2000. Что такое либерализм // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 220-294.
- Семитко А.П. 1996. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. акад. ; Изд-во Гуманит. ун-та. 314 с.

Семитко А.П. 2002. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Типы правовой культуры и этапы правового развития // Вестн. Гуманит. ун-та. Серия «Право». № 1 (3). С. 44-77.

Семитко А.П. 2003. Персоноцентристская правовая культура и уровень свободы в обществе: сравнение различных подходов // Коллизии свободы в современном обществе : материалы науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та (15-16 мая 2003 г.). Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та. С. 224-252.

Семитко А.П. 2009. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персоноцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека : энцикл. словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. М. : Норма. С. 25-41.

Спенсер Г. 2007. Личность и государство. Челябинск : Социум. 126 с.

Степин В.С., Семигин Г.Ю. (ред.) 2010. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2 / рук. проекта: В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М. : Мысль. 634 с.

Сырых В.М. 2012. История и методология юридической науки. М. : Норма, ИНФРА-М. 464 с.

Токвиль А. 1992. Демократия в Америке. М. : Прогресс. 554 с.

Фукуяма Ф. 1990. Конец истории? // Вопр. философии. № 3. С. 134-148.

Хайек Ф. 2000. Индивидуализм – истинный и ложный // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 385-410.

Хайек Ф. 2006. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов и политики. М. : Ирисэн. 644 с.

Чиркин В.Е. (ред.) 2011. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М. : Норма. 656 с.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Рос. газ. 2011. 14 июля.

Alland D., Rials S. (gen. eds.) 2003. Dictionnaire de la culture juridique / sous la direct. de D. Alland, S. Rials. Paris : PUF. 1640 p.

Andriantsimbazovina J. et al. 2008. Dictionnaire des droits de l'Homme / sous la direct. de J. Andriantsimbazovina [et al.]. Paris : PUF. 1024 p.

Baghestani-Perrey L. 2007. Fiches de droits constitutionnel. Paris. 598 p.

Davidson S. 1993. Human Rights. Buckingham, Philadelphia : Open Univ. Press. 212 p.

Dictionnaire des idées, 2005. Paris : Encyclopédia Universalis. 908 p.

Favoreu L. (ed.) 2005. Droit des libertés fondamentales / coord. L. Favoreu. 3 éd. Paris. 685 p.

Godin C. 2004. Dictionnaire de philosophie. Paris. 1534 p.

Harouel J.-L. 2016. Les droits de l'homme contre le peuple. Paris : Desclée de Brouwer. 144 p.

Lacroix J., Pranchère J.-Y. 2016. Le procès des droit de l'homme. Gènèalogie du scepticisme dèmocratique. Paris. 344 p.

Pontier J.-M. 2007. Droits fondamentaux et libertés publiques. Paris. 622 p.

A. Semitko. O prioritete prav i svobod cheloveka kak pravovom printcipe liberalizma v rossiyskoy i zarubejnoj literature [On Priority of rights and freedoms of a person as legal principle of liberalism in Russian and foreign sources] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 37-60. (in Russ.).

Alexey P. Semitko, Doctor of Law, Professor, Head of Public Law Chair, Dean of Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg), Visiting Professor of Paris-Quest University (France).
E-mail: asemitko@mail.ru

Article recived 13.09.2016, accepted 01.11.2016, available online 01.04.2017.

ON PRIORITY OF RIGHTS AND FREEDOMS OF A PERSON AS LEGAL PRINCIPLE OF LIBERALISM IN RUSSIAN AND FOREIGN SOURCES

Abstract: The article is devoted to the attitude towards the concept of priority of rights and freedoms of a person as major legal principle of liberalism in Russian and foreign legal sources. The approach, which rejects availability of this concept within the liberal theory and denies the supreme value or priority of rights and freedoms of a person in general, i. e., in theory and practice, is critically analyzed. The understanding of international standards of democracy and liberalism in Russian and foreign sources is discussed. It is indicated that the idea of priority of human rights lies in the basis of liberalism, and it is connected both with advantage and personal freedom, as well as with other ideas, for example, the ideas of natural rights, constitutional state, and supremacy of law. It is emphasized that the priority of human rights has nothing in common with the absolutization and hypertrophy of these rights. The later contradicts not the interests of society, but the powers of state apparatus. If to deny or – what is even simpler – not to protect the priority of human rights, then there is nothing else to do then to approve the priority of the government and its representatives – government employees. Any type of government including democratic one shall be limited to human rights, which in that case are higher, more important, and prior. The state is a mean of protection of human rights, which being the purpose (I. Kant), are the main, leading, prior beginning in this pare of categories. The mean though being extremely necessary for the achievement of the goal and at the same time something secondary and subordinate, sometimes possesses – as in case with the state – significant power, from which it is necessary to protect certain individual as it is seen by liberalism. Liberalism speaks about primacy of the individual over the state, but not over the society. This idea is often confused in the Russian sources where the formula of the priority of human rights over the state is criticized, and the opposition of individual to society but not the state is attributed to it. The government, even democratic, does not carry out the mission of human rights protection “automatically”; civil society shall be mature enough “to stimulate” these activities of the state.

Considering the Western attitude towards the idea of the rights and freedoms of the person and their priority, it is explained why today this idea is not so much spoken in comparison with the Russian political and legal sources.

Keywords: priority of human rights; rights and freedoms of person; liberalism; democracy; state; personality and state; constitutional state; constitutionalism.

References

Abramov M.A. (ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)* [About freedom: Anthology of a world liberal thought (I half of the 20th century)], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 696 p. (in Russ.).

Abramov M.A., Gabitova R.M., Fedorova M.M. (comps.) *O svobode: Antologiya zapadnoevropeyskoy klassicheskoy liberal'noy mysli* [About freedom: Anthology of the Western European classical liberal thought], Moscow, Nauka, 1995, 465 p. (in Russ.).

Alekseev S.S. *Tayna i sila prava. Nauka prava: novye podkhody i idei. Pravo v zhizni i sud'be lyudey* [The secret and force of law. The science of law: new approaches and ideas. The law in life and destiny of people], 2nd ed., Moscow, Norma, 2009, 176 p. (in Russ.).

Alland D., Rials S. (gen. eds.) *Dictionnaire de la culture juridique / sous la direct. de D. Alland, S. Rials* [Dictionary of legal culture], Paris, PUF, 2003, 1640 p. (in French).

Andriantsimbazovina J. et al. *Dictionnaire des droits de l'Homme / sous la direct. de J. Andriantsimbazovina et al.* [Dictionary of human rights], Paris, PUF, 2008, 1024 p. (in French).

Andrichenko L.V., Postnikov A.E. (resp. eds.) *Instituty konstitutsionnogo prava* [Institutes of constitutional right], Moscow, Yurisprudentsiya, 2001, 496 p. (in Russ.).

Antiseri D., Mal'tseva S.A. *Printsipy liberalizma* [Principles of liberalism], St. Petersburg, Pnevma, 2006, 128 p. (in Russ.).

Arbuzkin A.M. *Chelovek, ego prava i svobody yavlyayutsya vysshey tsennost'yu?* [The person, his rights and freedoms are the supreme value?], *Konstituts. i munitsip. pravo*, 2016, no. 2, pp. 18-25. (in Russ.).

Aron R. *Esse o svobodakh* [The essay about freedoms], Moscow, Praxis, 2005, 208 p. (in Russ.).

Baghestani-Perrey L. *Fiches de droits constitutionnel* [Chips of constitutional law], Paris, 2007, 598 p. (in French).

Benoist A. de. *Po tu storonu prav cheloveka. V zashchitu svobod* [On the other side of the human rights. For protection of freedoms], Moscow, In-t obshchegumanit. issled., 2015, 144 p. (in Russ.).

Berman H. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The western tradition of law: forming era], Moscow, Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1994, 592 p. (in Russ.).

Boaz D. *Libertarianstvo: istoriya, printsipy, politika* [Libertarianism: history, principles, policy], Chelyabinsk, Cato Institute, 2004, 391 p. (in Russ.).

Chirkin V.E. (ed.) *Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The constitution in the 21st century: comparative and legal research], Moscow, Norma, 2011, 656 p. (in Russ.).

Davidson S. *Human Rights*, Buckingham, Philadelphia, Open Univ. Press, 1993, 212 p.

Dewey D. *Liberalizm i sotsial'noe deystvie* [Liberalism and a social action], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 331-384. (in Russ.).

Dictionnaire des idées [Dictionary of ideas], Paris, Encyclopédia Universalis, 2005, 908 p. (in French).

Dvorkin R. *O pravakh vs'er'ez* [Taking the rights seriously], Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2004, 392 p. (in Russ.).

Favoreu L. (ed.) *Droit des libertés fondamentales / coord. L. Favoreu* [The law of the fundamental liberties], 3 ed., Paris, 2005, 685 p. (in French).

Fukuyama F. *Konets istorii?* [The end of history?], *Vopr. filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134-148. (in Russ.).

Gavrilyuk R.A. *Metodologicheskaya traditsiya doktriny estestvennogo prava* [Methodological tradition of the doctrine of the natural law], Chernovcy, Chernovitskiy nats. un-t, 2012, 788 p. (in Russ.).

Godin C. *Dictionnaire de philosophie* [Dictionary of philosophy], Paris, 2004, 1534 p. (in French).

Harouel J.-L. *Les droits de l'homme contre le peuple* [The human rights against the people], Paris, Desclée de Brouwer, 2016, 144 p. (in French).

Hayek F. *Individualizm – istinnyy i lozhnyy* [Individualism – true and false], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 385-410. (in Russ.).

Hayek F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov i politiki* [Right, legislation and freedom. Modern understanding of the liberal principles and policy], Moscow, Irisen, 2006, 644 p. (in Russ.).

Humboldt W. *O predelakh gosudarstvennoy deyatel'nosti* [About limits of the state activities], Chelyabinsk, Sotsium, 2009, 304 p. (in Russ.).

Ispolinov A.S. *Sud Evropeyskogo soyuza, Yassin Kadi i st. 103 Ustava OON* [Court of the European Union, Yassin Qadi and Art. 103 of the Charter of the UN], *Ros. yurid. zhurn.*, 2013, no. 6, pp. 27-35. (in Russ.).

Kant I. *Sochineniya. V 6 t. T. 5* [Compositions in six volumes, vol. 5], Moscow, Mysl', 1966, 564 p. (in Russ.).

Klassicheskiy frantsuzskiy liberalism : sbornik [Classical French liberalism: the collection], Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2000, 591 p. (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ [The Constitution of the Russian Federation], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2014, no. 31, art. 4398. (in Russ.).

Lacroix J., Pranchère J.-Y. *Le procès des droits de l'homme. Gènealogie du scepticisme démocratique* [Trial of the human rights], Paris, 2016, 344 p. (in French).

Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government], Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2014, 494 p. (in Russ.).

Maklakov V.V. (comp.) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv : ucheb. posobie* [Constitutions of the foreign states], 3 ed., augm. and rev., Moscow, BEK, 2002, 592 p. (in Russ.).

Marchenko M.N. *Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Constitutional state and civil society], Moscow, Prospekt, 2015, 648 p. (in Russ.).

Martyshin O.V. *Konstitutsiya i ideologiya* [Constitution and ideology], *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 12, pp. 34-44. (in Russ.).

Mel'vil' A.Yu. (ed.) *Kategorii politicheskoy nauki : uchebnyk dlya studentov vuzov* [The categories of political science], Moscow, MGIMO(U) MID RF, ROSSPEN, 2002, 656 p. (in Russ.).

Mikhaylov A.M. 2010. *Ideya estestvennogo prava: istoriya i teoriya* [The idea of the natural law: history and theory], Moscow, Yurlitinform, 2010, 460 p. (in Russ.).

Mizes L. *Liberalizm* [Liberalism], Chelyabinsk, Sotsium, 2007, 344 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. B.N. Chicherin [B.N. Chicherin], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 575-579. (in Russ.).

Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168) [The founds of state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and sense of justice of citizens], *Ros. gaz.*, 2011, 14 July. (in Russ.).

Pontier J.-M. *Droits fondamentaux et libertés publiques* [Basic rights and civil liberties], Paris, 2007, 622 p. (in French).

Ruggiero G. de. *Chto takoe liberalizm* [What is liberalism], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 220-294. (in Russ.).

Semitko A.P. *Kontseptual'noe vvedenie: Pravo, lichnost', prava cheloveka: personotsentristskiy podkhod k pravu i pravovoy kul'ture* [Conceptual introduction: Right, personality, human rights: personotsentrist's approach to the right and legal culture], S.S. Alekseev (resp. ed.) *Prava cheloveka : entsikl. slovar'*, Moscow, Norma, 2009, pp. 25-41. (in Russ.).

Semitko A.P. *Personotsentristskaya pravovaya kul'tura i uroven' svobody v obshchestve: sravnenie razlichnykh podkhodov* [Personotsentrist's legal culture and level of freedom in society: comparison of various approaches], *Kollizii svobody v sovremenom obshchestve : materialy nauch.-prakt. konf. Gumanit. un-ta (15-16 maya 2003 g.)*, Ekaterinburg, Izd-vo Gumanit. un-ta, 2003, pp. 224-252. (in Russ.).

Semitko A.P. *Razvitie pravovoy kul'tury kak pravovoy progress* [Development of legal culture as a legal progress], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. jurid. akad., Izd-vo Gumanit. un-ta, 1996, 314 p. (in Russ.).

Semitko A.P. *Razvitie pravovoy kul'tury kak pravovoy progress. Tipy pravovoy kul'tury i etapy pravovogo razvitiya* [Development of legal culture as a legal progress. Types of legal culture and stages of legal development], *Vestn. Gumanit. un-ta. Seriya «Pravo»*, 2002, no. 1 (3), pp. 44-77. (in Russ.).

Spencer H. *Lichnost' i gosudarstvo* [Man versus the State], Chelyabinsk, Sotsium, 2007, 126 p. (in Russ.).

Stepin V.S., Semigin G.Yu. (gen. eds.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 2* [New philosophical encyclopedia, in 4 vols., vol. 2], Moscow, Mysl', 2010, 634 p. (in Russ.).

Syrykh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [The history and the jurisprudence methodology], Moscow, Norma, INFRA-M, 2012, 464 p. (in Russ.).

Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [The Democracy in America], Moscow, Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).

Vallerstein I. *Posle liberalizma* [After liberalism], Moscow, Editorial URSS, 2003, 256 p. (in Russ.).

Verbar K. *Ponyatie publichnogo poryadka vo vnutrennem prave Rossii i Frantsii* [Concept of a public order of the internal law of Russia and France], *Vestn. Gumanit. un-ta. Seriya «Pravo»*, 2002, no. 1 (3), pp. 4-22. (in Russ.).

Ильиных, А.В. Проблемы определения правового статуса внутригородских районов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 106–119.

УДК 342.25

ББК 67.400.7

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.106119

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВНУТРИГОРОДСКИХ РАЙОНОВ

Алексей Валерьевич Ильиных

кандидат юридических наук, доцент,
декан факультета экономики и права,
заместитель заведующего кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал, г. Челябинск.
E-mail: iav@chel.ranepa.ru

Материал поступил в редколлегию 05.08.2016 г.

Статья посвящена правовому анализу изменений территориальных основ местного самоуправления в России, касающихся введения нового вида муниципального образования – внутригородского района. Дана характеристика особенностям создания и отдельным элементам данного вида муниципалитета. Отдельные позиции в статье посвящены опыту внедрения новых видов муниципальных образований в г. Челябинске, в котором, в отличие от двух других территорий (г. Самара и г. Махачкала), закрепивших на законодательном уровне такую возможность, процесс реализации данного проекта не остановился на этапе правового регулирования, а получил логичное завершение в виде формирования самостоятельных муниципалитетов. В статье рассматривается вопрос о необходимости и целесообразности введения в законодательство новой формы территориального устройства через призму декларируемых инициаторами целей, касающихся имеющей место отдаленности общегородской муниципальной власти от населения, что отрицательно влияет на обеспечение жизнедеятельности населения. В работе достаточно подробно исследуются особенности процедуры создания внутригородских районов, обращается внимание на пробелы в законодательстве, регламентирующем эту процедуру, в частности по таким вопросам, как учет мнения населения при подобных преобразованиях; численность депутатского корпуса; сроки работы ранее сформированных органов местного самоуправления и отсутствие переходного периода. В рамках правового анализа выявлены обозначившиеся проблемы, связанные с уходом от прямых выборов при формировании органов местного самоуправления городского округа с внутригородским делением; разграничением полномочий и имущества между городским округом и составляющими его внутригородскими районами; слабым уровнем бюджетной обеспеченности внутригородских районов; с определением статуса

органов территориального общественного самоуправления и порядка отзыва выборных должностных лиц. Также сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, касающиеся усиления статуса внутригородских районов и разрешения возникших проблем при взаимодействии с городским округом, в который они входят. Наряду с этим обозначены потенциально новые правовые проблемы, требующие дальнейшего решения.

Ключевые слова: территориальные основы местного самоуправления, внутригородской район, городской округ с внутригородским делением, органы местного самоуправления, вопросы местного значения.

В последние годы в сфере территориальной организации местного самоуправления происходят значительные изменения. Так, в частности, имеет место сокращение количества муниципальных районов и особенно городских поселений – в основном за счет преобразования в ряде субъектов РФ территорий муниципальных районов в единые городские округа, при котором существовавшие на этих территориях городские поселения и сами муниципальные районы были упразднены, а также за счет перехода части территории Московской области под юрисдикцию г. Москвы. По этой же причине произошло увеличение количества внутригородских муниципальных образований, однако главным фактором территориальных преобразований явилось упразднение около 1800 сельских поселений, причем этот процесс продолжается. Несколько улучшили количественные показатели два новых субъекта: Республика Крым и город федерального значения Севастополь, в которых сформированы 289 муниципальных образований, но особенным обстоятельством в этой достаточной пестрой картине территориальных изменений было появление двух новых видов муниципальных образований: городского округа с внутригородским делением и внутригородского района, что породило дискуссию в научном сообществе о целесообразности и необходимости введения подобных территориальных единиц и предполагаемых результатах их деятельности [Бабичев 2015: 43-48; Ильиных 2015: 62-67].

Особое внимание здесь следует обратить на опыт г. Челябинска, который уже не первый год пребывает в «обновленном» статусе. Помимо Челябинска можно назвать еще два примера муниципалитетов, где введены новые территориальные единицы: Махачкалу [Закон Республики Дагестан № 44, 2015] и Самару [Закон Самарской области № 23-ГД, 2015], но они еще пока находятся на более раннем этапе, поэтому какие-то итоги трудно, да и, объективно говоря, еще рано подводить; в связи с этим акцент в рассматриваемом нами вопросе будет сделан на опыт г. Челябинска, апробировавшего новую модель в реальных практических условиях, а также на опыт Самары и Махачкалы в той части, в которой это возможно на сегодняшний момент.

В рамках данной работы осуществляется попытка проведения правового анализа статуса внутригородских районов с учетом их реального положения, наличия возникших практических проблем и их взаимодействия с городским округом.

Напомним, что поручение проработать вопросы, касающиеся общих принципов организации местного самоуправления, развития сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах в своем послании Федеральному Собранию озвучил Президент Российской Федерации Владимир Путин 12 декабря 2013 г. В послании подчеркивалось, что «...местная власть должна быть устроена так – а ведь это самая близкая власть к людям, – чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой». При этом были определены и конкретные сроки: «...такую работу мы должны начать и в основном законодательно обеспечить уже в следующем, 2014 г. – в год 150-летия знаменитой Земской реформы» [Послание Президента, 2013].

Для того чтобы лучше понять, как реформа может адаптироваться на городской почве, было принято решение провести апробацию новой модели в одном из крупных городов России. Экспериментальной площадкой стал Волгоград. Проект, представленный в качестве инициативы городского сообщества, прошел обсуждение в различных социальных слоях, был поддержан гражданами, после чего стартовал в городских районах. В них на собраниях жителей избрали общественные районные думы, которые в свою очередь сформировали общественную городскую думу Волгограда, делегировав в нее своих представителей [Городецкая, Малых 2014: 3].

Согласно итоговой позиции организаторов данного эксперимента, реализация проекта привела к изменению общественно-политических реалий города, что позволило создать в нем настоящее самоуправление горожан. Это показало принципиальную исполнимость задачи по юридическому обновлению территориальных основ местного самоуправления в крупных городах на базе двухуровневой модели и возможность превращения местных институтов самоуправления в площадки для реализации интересов всех социальных групп горожан. Следует отметить, что более взвешенные и достаточно объективные оценки экспертного и научного сообщества не особо учитывались при подведении этих итогов, тем более это все выглядело как простая имитация возможного процесса преобразования и только лишь на стадии формирования органов, но не их повседневной деятельности. Кстати сказать, после эксперимента, проведенного в Волгограде, руководство этого муниципалитета и региональные областные власти на практическую реализацию данной реформы так и не отважились.

В тот момент ни в Челябинске, ни в области четкого понимания, за счет чего будет решен вопрос приближения муниципальной власти к населению, не было, да и вообще об этом никто не помышлял. Свидетельством данному обстоятельству является тот факт, что 28 января 2014 г. депутаты Челябинской городской Думы утвердили мажоритарную систему муниципальных выборов, отказавшись от партийных списков, и увеличили численность народных избранников в следующем составе городской Думы. По планам их должно было стать на два человека больше – 39 депутатов. В других территориях России данный вопрос в практической повестке вообще не значился.

И когда рабочая группа по совершенствованию системы местного самоуправления 11 марта 2014 г. внесла в Государственную Думу Федерально-

го Собрания Российской Федерации законопроект, который предусматривал возможность преобразования городских округов в городские округа с внутригородскими районами и, соответственно, формирования внутригородских районов – новых видов муниципальных образований, стало очевидно, что г. Челябинску (единственному городу-миллионнику, полномочия городской Думы в котором заканчиваются как раз в 2014 г., а именно в год принятия изменений в законодательстве, предусматривающих наличие новых видов муниципальных образований) предстоит выступить первопроходцем в рамках этой реформы.

В предложениях, подготовленных к рассмотрению в Государственной Думе Российской Федерации, не содержалось ответов на многие ключевые вопросы будущих преобразований, в частности не были определены:

- форма учета мнения населения при преобразовании городского округа (это проблема и на сегодняшний день не получила однозначного и внятного решения, о чем уже писалось в научной литературе [Шугрина (ред.) 2015: 21-22]; ясности в этом вопросе не добавила и последующая конституционная судебная практика);

- критерии численности депутатов представительных органов внутригородских районов;

- порядок и сроки прекращения полномочий органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, действующих до принятия закона субъекта Российской Федерации о преобразовании.

Кроме того, не уточнялось, должен ли быть переходный период.

Тем не менее понимание неизбежности такого преобразования требовало принятия оперативных и скоординированных мер по подготовке и проведению выборов в новых условиях.

Среди доводов инициаторов предлагаемых изменений указывалось, что в крупных городах осуществление местного самоуправления только на общегородском уровне ведет зачастую к потере связи между населением и городской властью. В мегаполисах слабо контролируемая городским сообществом общегородская муниципальная власть, имеющая значительные материальные и финансовые ресурсы, отдалена от населения, поэтому нередко оказывается малоэффективной для обеспечения нужд населения, ее деятельность сопровождается коррупционными скандалами, имеют место случаи нецелевого использования бюджетных средств, сомнительной приватизации муниципального имущества и т.д. Иными словами, нужна новая форма территориального устройства, которая могла бы эти проблемы разрешить.

Обратимся к тому, что же произошло на практике.

В Челябинской области по инициативе руководства региона было запущено реформирование административного центра субъекта – г. Челябинска: в мае 2014 г. в Законодательное Собрание области был внесен законопроект «О статусе Челябинского городского округа и статусе и границах внутригородских районов в составе Челябинского городского округа», 6 июня состоялись публичные слушания, 10 июня он был принят [Закон Челябинской области № 706-ЗО 2014], и в конце июня избирательные

комиссии назначили выборы депутатов соответствующих районов на 14 сентября 2014 г. (в рамках предвыборной кампании было выдвинуто 1203 кандидата в депутаты, в итоге зарегистрированных оказалось 1059 человек).

14 сентября 2014 г. состоялись выборы депутатов представительных органов внутригородских районов, на которых были избраны 170 депутатов в 7 внутригородских районах г. Челябинска, далее от каждого района были избраны по 7 депутатов представительных органов внутригородских районов в Челябинскую городскую Думу.

После формирования представительных органов внутригородских районов и самого города были избраны из состава районных советов главы внутригородских районов. Оставались не решенными еще два жизненно важных вопроса: уставы внутригородских районов и бюджеты, которые тоже достаточно быстро были решены. Так, в частности, в ноябре 2014 г. состоялись публичные слушания по проектам уставов районов, а в декабре были приняты и сами уставы (практически все уставы районов очень похожи друг на друга, так как модельная версия принадлежала городу). После чего были приняты бюджеты внутригородских районов, хотя четкого понимания того, как они будут реализовываться, ни у кого не было.

Получилось так, что к началу 2015 г. в городе были окончательно образованы внутригородские районы, которым предстояло начать «полноценную» жизнь в новых условиях – и при значительном желании городской власти влиять на районные дела.

В иных территориях, где было принято решение внедрить новые виды муниципалитетов (внутригородские районы), ситуация развивалась несколько по другому сценарию; к счастью, было время все более взвешенно обдумать. Так, в г. Самаре решение о внесении изменений в Устав города было принято 7 мая 2015 г. (областной закон, предусматривающий такую возможность, был утвержден 30 марта 2015 г.), позднее, в октябре 2015 г. были приняты уже уставы внутригородских районов города. В Махачкале региональный закон был утвержден 30 апреля 2015 г., а уставы внутригородских районов города – в декабре 2015 г.

Если обратиться к зарубежному опыту организации местного самоуправления, то идентичную модель организации муниципалитетов по принципу «матрешки» со схожим разделением полномочий встретить трудно, хотя сама картина территориальной организации пестрит многообразием; впрочем, основным критерием, как правило, является количество проживающих в муниципалитетах жителей.

В США, например, нет единой системы местных органов. В конце 1990-х гг. здесь было свыше 80 тыс. местных единиц управления, в том числе более 19 тыс. муниципалитетов, около 17 тыс. тауншипов и таунов, около 15 тыс. школьных округов и почти 30 тыс. специальных округов плюс более 3 тыс. графств. В Индии муниципалитеты обычно создаются на территории, численность населения которой составляет не менее 5 тыс. человек, причем 3/4 не должны быть заняты в сельском хозяйстве. Плотность населения при этом, как правило, должна быть не менее 1 тыс. человек на 1 квадрат-

ную милю. Весьма разнообразен типовой состав местного самоуправления в Канаде, хотя независимо от органов местного самоуправления их принято называть муниципальными. В большинстве провинций существуют четыре типа: сити, тауншипы, вилиджи и муниципалитеты, причем основным критерием определения типа муниципальной территории является численность проживающего на ней населения. К примеру, для сити минимальная численность населения колеблется от 5 до 15 тыс. человек, а для таунов – 500 человек (провинция Саскачеван). В ФРГ действуют несколько типов конституций местного самоуправления: магистратная, бургомистерская, северогерманская и южногерманская. Такое разнообразие подходов связано с особенностями исторического развития федеральных земель. В Великобритании в городах функционируют муниципалитеты, а в сельской местности управление осуществляется через приходы (в Уэльсе и Шотландии – через общины). В настоящее время местное управление и самоуправление Англии представлено 32 районными советами Лондона, корпорацией лондонского сити, 39 советами графств, 36 городскими округами, разделяющими территорию 6 крупных агломераций, и 296 окружными советами. Основным низовым звеном местного самоуправления Франции являются коммуны, численность которых составляет около 37 тыс., при этом население более 32 тыс. коммун – менее 2 тыс. человек [Капустян 2008: 18-19].

С определенной долей условности российская территориальная организация местного самоуправления в городских округах с внутригородским делением напоминает именно французскую модель, где помимо существующих коммун в 1955 г. в целях обустройства территории был учрежден регион; позже, в 1982 г., он стал территориальным коллективом. К его собственной компетенции относятся вопросы обустройства территории, планирования профессиональной подготовки, экономического развития, материально-технического оснащения, а также строительства и финансирования лицеев. Создание регионов как административно-территориальных единиц было обусловлено тем, что прежнее деление на департаменты не отвечало современным принципам административной организации. Управление на уровне мелких департаментов, как и централизованное управление, было неэффективно, и для решения возникающих задач требовалось создание промежуточного уровня с необходимым набором полномочий органов, его представляющих. В этом отношении регионализация представляет собой структурную форму, направленную на разделение компетенции между уровнями управления, что свойственно и при делении полномочий между внутригородскими районами и городскими округами уже в российской практике.

Завершая краткий обзор зарубежных моделей территориальной организации местного самоуправления и оценивая период, прошедший с момента окончательного формирования внутригородских районов, можно выявить отдельные проблемы в их правовом статусе и взаимодействии с городским округом, которые мы постараемся рассмотреть.

Во-первых, это проблема ухода от прямых выборов при формировании органов местного самоуправления городского округа с внутригородским делением.

На этапе обсуждения проекта Федерального закона от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [Федеральный закон № 136-ФЗ, 2014] возможность введения в городских округах двухуровневой модели организации местного самоуправления рассматривалась многими экспертами в контексте других новелл Федерального закона № 136-ФЗ, прежде всего касающихся перераспределения предметов ведения и изменения подходов к порядку формирования органов местного самоуправления, и в этой связи оценивалась довольно негативно. Особые опасения вызывала потенциальная возможность ухода от прямых выборов в органы местного самоуправления общегородского уровня после принятия двухуровневой модели организации местного самоуправления.

Как показал последующий опыт, эти опасения были вполне обоснованными. Во всех трех случаях преобразования в городские округа с внутригородским делением (Челябинск, Махачкала и Самара) произошел переход к опосредованным формам замещения должности главы городского округа и формирования его представительного органа.

Сложившаяся практика отказа от непосредственного формирования населением органов местного самоуправления в городских округах с внутригородским делением, безусловно, вызывает серьезные сомнения с точки зрения ее соответствия требованиям и общему смыслу действующей Конституции Российской Федерации.

Во-вторых, это вопрос о достаточно скудном перечне вопросов местного значения и полномочий по их решению, закрепленных за внутригородскими районами.

В Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003] содержится тринадцать вопросов местного значения, относящихся к компетенции внутригородских районов, которые достаточно слабо могут характеризовать внутригородской район как самостоятельное муниципальное образование.

В Челябинске в конце 2014 г. и начале 2015 г. областной законодатель попытался разграничить полномочия по решению вопросов местного значения внутригородских районов между городом и районами, но этого оказалось недостаточно, и в марте 2015 г. был принят закон области [Закон Челябинской области № 138-ЗО, 2015], которым предусмотрены 11 новых вопросов местного значения, переданных в ведение внутригородских районов, чтобы как-то повысить их статус. В Самаре и Махачкале этот минимальный перечень вопросов местного значения также был расширен за счет перераспределения данных вопросов и полномочий по их решению с городскими округами и сделано это было более оперативно – видимо, челябинский опыт оказался полезным. Уместно в этом случае сказать, что вообще городской округ – это цельный экономико-хозяйственный организм,

разделение функций которого является губительным. При сохранении единства городского хозяйства все основные полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения должны быть сосредоточены на уровне города. У органов местного самоуправления внутригородских районов серьезных реальных полномочий нет и быть не может. Опыт организации местного самоуправления в городах федерального значения это очень наглядно показал [Шугрина 2015: 68-71].

Следует отметить, что изменения в распределении вопросов местного значения и полномочий по их решению между городом и внутригородскими районами сопровождались переводом ряда муниципальных служащих из одного муниципалитета в другой, что добавило работы кадровым подразделениям.

Представляется, что способом устранения проблемы разграничения вопросов местного значения и полномочий по их решению между городом и внутригородскими районами может служить заключение соглашений между ними о передаче осуществления части полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, но для этого необходимы дополнения в ст. 16.2 Федерального закона № 131-ФЗ (данная схема будет напоминать имеющуюся в ч. 4 ст. 15 модель взаимодействия муниципальных районов и входящих в их состав поселений).

Указанные соглашения должны заключаться на определенный срок, содержать положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий, а также предусматривать финансовые санкции за неисполнение соглашений. Порядок заключения соглашений должен определяться уставами данных муниципальных образований и (или) нормативными правовыми актами их представительных органов.

Для осуществления переданных в соответствии с указанными соглашениями полномочий органы местного самоуправления имеют право дополнительно использовать собственные материальные ресурсы и финансовые средства в случаях и порядке, предусмотренных решением представительного органа. Аналогичная норма установлена ст. 15 Федерального закона № 131-ФЗ для муниципальных районов и поселений, входящих в его состав.

В-третьих, в продолжение проблемы распределения полномочий между городом и внутригородскими районами остается пока нерешенной ситуация с перечнем имущества, которое по общему смыслу закона необходимо для решения вопросов местного значения, закрепленных за соответствующим муниципалитетом. По факту вопросы местного значения определены, а имущество остается в подвешенном состоянии, хотя попытки решить эту проблему делались неоднократно.

В-четвертых, необходимо обратить внимание на проблему низкого уровня бюджетной обеспеченности внутригородских районов. Здесь самая большая беда – это отсутствие у районов достаточного количества собственных доходных источников и нежелание города по объяснимым

причинам эту ситуацию исправлять за счет бюджета города. Вот некоторые цифры: суммарный объем бюджетов всех вместе взятых внутригородских районов г. Челябинска составляет: доходы – 561895,8 тыс. р., расходы – 214055,5 тыс. р.; бюджет городского округа с внутригородским делением (самого Челябинска): доходы – 23899813,9 тыс. р.; расходы – 25081432 тыс. р. [Коротина 2015: 109]. Иными словами, доля всех вместе взятых внутригородских районов в доходах города составляет 2,35%, а в расходах – всего 0,85%.

Получается, что финансовой самостоятельности районов на данный момент нет и они интегрированы в общегородскую схему. С одной стороны, это позволяет говорить о сохранении единства городского хозяйства, с другой – заставляет задуматься над тем, зачем же нужно было создание таких «зависимых» самостоятельных муниципальных образований в виде внутригородских районов.

Также не стоит упускать из виду тот факт, что с момента выборов в органы местного самоуправления и до формирования собственных бюджетов внутригородских районов неизбежно возникает вопрос об источниках финансирования вновь созданных органов местного самоуправления муниципального образования в переходный период. Здесь представляется возможным осуществлять финансирование вновь созданных органов местного самоуправления из вышестоящих бюджетов.

В-пятых, несколько неожиданные проблемы возникли с организацией территориального общественного самоуправления.

Так, например, в ст. 14 Устава г. Челябинска [Решение Челябинской городской Думы № 9/2, 2015] закреплено наличие территориального общественного самоуправления в городе. В дополнение к этому было принято новое положение о территориальном общественном самоуправлении в границах Челябинского городского округа с внутригородским делением [Решение Челябинской городской Думы № 15/24, 2015]. Согласно тексту этого документа, порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления определяется уставами внутригородских районов и (или) нормативными правовыми актами советов депутатов внутригородских районов, а также уставами территориального общественного самоуправления (п. 11), а необходимые средства выделяются из бюджетов внутригородских районов (п. 23). Таким образом, сложилась достаточная своеобразная ситуация, когда одна из форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления на уровне городского округа с внутригородским делением фактически не реализуется, так как все вопросы по правовой регламентации, организации и финансированию спущены на уровень внутригородских районов, которые только-только начинают проявлять активность в этом вопросе, хотя городские власти тоже должны быть заинтересованы в обновлении данной формы. Возникли также и отдельные проблемы переходного периода, поскольку комитеты территориального общественного самоуправления еще находятся на стадии разработки новых уставов, а легитимность действия (до принятия новых) предыдущих уставных документы отдельными представителями местной власти ставится под сомнение.

В-шестых, необходимо остановиться на вопросе о сроках (датах) проведения выборов в органы внутригородских районов.

В частности, при проведении выборов в местные Советы депутатов в сентябре (в единый день голосования) процедура назначения глав администраций внутригородских районов завершается только к марту следующего года, и это, в свою очередь, оборачивается нарушением ритмов бюджетного процесса, так как только глава администрации внутригородского района имеет право на формирование местной администрации, формирование местного бюджета, а также на внесение его проекта в представительный орган местного самоуправления для утверждения. Таким образом, начало формирования представительных органов внутригородских районов в сентябре делает затруднительной организацию бюджетного процесса в сроки, установленные Бюджетным кодексом.

В-седьмых, отдельно стоит упомянуть о процедуре отзыва выборных должностных лиц.

Так, в частности п. 1 ч. 4 и п. 1 ч. 5 ст. 35 Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрено, что представительный орган муниципального района, городского округа с внутригородским делением может формироваться из состава представительных органов поселений, внутригородских районов. Исходя из вышеуказанных норм, представительные органы внутригородских районов принимают решение об избрании депутатов в представительные органы городских округов с внутригородским делением. Вместе с тем Федеральный закон № 131-ФЗ не дает право представительным органам, принявшим это решение, досрочно прекратить полномочия данных депутатов в составе указанных представительных органов. С учетом этих посылов мы полагаем, что представительный орган внутригородского района, избравший депутатов представительного органа городского округа, должен иметь право на их переизбрание. Представляется, что данную проблему как на местном, так и на региональном уровне решить вряд ли удастся, поэтому потребуются внесение изменений в Федеральный закон № 131-ФЗ.

Вот только некоторые из правовых и вытекающих из них организационно-финансовых проблем, которые обнажил достаточно скромный период самостоятельной жизни внутригородских районов.

В завершение правового анализа статуса внутригородских районов и проблем их взаимодействия с городским округом хотелось бы выявить базисные точки, позволяющие выйти на более широкую перспективу целей и субъектов трансформации политико-административного устройства России, чтобы встроить этот локальный сюжет, применяемый пока лишь в трех регионах, в более широкий контекст закономерностей различных преобразований последних лет. Иначе возникает справедливый вопрос: зачем все эти реформы и изменения были нужны?

Но на данный момент сделать это вряд ли представляется возможным. Мы можем лишь с большой долей уверенности констатировать, что в ближайшее время не стоит ожидать резкого увеличения количества внутригородских районов из-за недостаточной законодательной урегулированности

особенностей осуществления местного самоуправления в городском округе с внутригородским делением, прежде всего в части разграничения между общегородским уровнем и внутригородскими районами полномочий, финансов и имущества, а также крайне сложной процедуры трансформации одноуровневой системы органов власти и управления городским округом в двухуровневую систему, тем более на фоне появления в законодательстве о местном самоуправлении альтернативных возможностей переустройства порядка управления муниципальными образованиями, не требующего изменений территориальных пределов осуществления местного самоуправления, и наличия при этом определенной настороженности руководства муниципалитетов и субъектов Федерации, так как понятных положительных аргументов и ощутимых результатов пока никто оценить и увидеть не смог.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабичев И.В. 2015. Городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы: новые юридические конструкции как возможный инструмент развития местного самоуправления на соответствующих территориях // Конституц. и муницип. право. № 3. С. 43-48.

Городецкая Н., Малых Я. 2014. Реформа МСУ пойдет через Волгоград // Коммерсант. 17 янв. С. 3.

Ильиных А.В. 2015. Реформа местного самоуправления в действии: от территориальных преобразований к изменению организационно-правовых основ // Социум и власть. № 2 (52). С. 62-67.

Капустян Л.А. 2008. Отечественный и зарубежный опыт территориальной организации местного самоуправления // Имуществ. отношения в Рос. Федерации. № 10 (85). С. 18-21.

Корогина Н.Ю. 2015. Особенности формирования бюджетов внутригородских районов в условиях реформы местного самоуправления // Социум и власть. № 5 (55). С. 105-110.

Шугрина Е.С. (ред.) 2015. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации / под ред. Е.С. Шугриной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект. 240 с.

Шугрина Е.С. 2015. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституц. и муницип. право. № 4. С. 68-71.

Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Федеральный закон от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 22. Ст. 2770.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года // Рос. газ. 2013. 13 дек.

Закон Республики Дагестан от 30 апреля 2015 года № 44 «О некоторых вопросах осуществления местного самоуправления в городском округе с внутригород-

ским делением «город Махачкала» и внутригородских муниципальных образований в его составе» // Дагестан. правда. 2015. 06 мая.

Закон Самарской области от 30 марта 2015 года № 23-ГД «Об осуществлении местного самоуправления на территории городского округа Самара Самарской области» // Волжская коммуна. 2015. 31 марта.

Закон Челябинской области от 10 июня 2014 года № 706-ЗО «О статусе Челябинского городского округа и статусе и границах внутригородских районов в составе Челябинского городского округа» // Южноурал. панорама. 2014. 14 июня.

Закон Челябинской области от 12 марта 2015 года № 138-ЗО «О закреплении за внутригородскими районами в составе Челябинского городского округа некоторых вопросов местного значения городского округа» // Южноурал. панорама. 2015. 28 марта.

Решение Челябинской городской Думы от 26 мая 2015 года № 9/2 «О принятии Устава города Челябинска» // Вечерний Челябинск. 2015. 05 июня.

Решение Челябинской городской Думы первого созыва от 24 ноября 2015 года № 15/24 «Об утверждении Положения о территориальном общественном самоуправлении в границах Челябинского городского округа с внутригородским делением» // Вечерний Челябинск. 2015. 02 июня.

A. Ilyinykh. Problemi opredeleniya pravovogo statusa vnutrigorodskih rayonov [Problems of definition of intracity areas' legal status] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 106-119. (in Russ.).

Alexey V. Ilyinykh, Candidate of Law, Associate Professor, Dean, the Faculty of Economics and Law, Deputy Head, Chair of State and Legal Disciplines, Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Chelyabinsk, Russia. E-mail: iav@chel.ranepa.ru.

Article recived 05.08.2016, accepted 02.10.2016, available online 01.04.2017.

PROBLEMS OF DEFINITION OF INTACITY AREAS' LEGAL STATUS

Abstract: The article is devoted to the legal analysis of changes in the territorial basis of local self-government in Russia connected with the establishment of a new municipality type – the intracity area. The article presents the characteristic features of the establishment and individual elements of this type of municipal unit. In the article, special attention is devoted to the experience of the implementation of new types of municipal units in Chelyabinsk where the process of implementation of this project hasn't stopped at a stage of legal regulation and has reached its «logical» end in formation of independent municipalities, unlike the other two cities (Samara and Makhachkala), where the opportunity of its formation was fixed on the legislative level. The article encompasses the issue of the necessity and reasonability of the implementation of new type of territorial unit through a prism of purposes declared by initiators and associated with overcoming distance between city municipal authorities and general population, which has a negative impact on people's livelihood. The article considers special aspects of intracity areas formation in detail, and draws attention to the existing gaps in the legislation regulating this procedure, in particular – the account of public opinion over

such transformations; the number of deputies; terms of work of the previously formed local self-governing authorities, and the lack of transitional period. As a result of the legal analysis, existing problems are identified: the ones associated with abandoning from the direct election of the formation of local self-government authorities of the city district and intracity areas; the delimitation of authority and property between city district and constituting intracity areas; the low level of budgetary provision of intracity areas; the status problems of bodies of the territorial public self-management, and order of recall of elected officials. The article formulates proposals to improve legislation concerning the strengthening of the status of intracity areas, and the resolving its problems in cooperation with the city district, in which they are included. In addition, potential legal problems requiring further solution are defined.

Keywords: territorial basis of local self-government; intracity area; city district with intracity areas; local government; issues of local value.

References

Babichev I.V. *Gorodskie okruga s vnutrigorodskim deleniem i vnutrigorodskie rayony: novye yuridicheskie konstruktsii kak vozmozhnyy instrument razvitiya mestnogo samoupravleniya na sootvetstvuyushchikh territoriyakh* [City districts with intracity division and intracity areas: new legal designs as the possible instrument of development of local government in the respective territories], *Konstituts. i munitsip. pravo*, 2015, no. 3, pp. 43-48. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 06 oktyabrya 2003 goda № 131-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» [The federal law of October 06, 2003 No. 131-FZ «About the general principles of the organization of local self-government in Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2003, no. 40, art. 3822. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 27 maya 2014 goda № 136-FZ «O vnesenii izmeneniy v stat'yu 26.3 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii" i Federal'nyy zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii"» [The federal law of May 27, 2014 No. 136-FZ «About introduction of amendments to article 26.3 of the Federal law "About the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of the Government of Subjects of Russian Federation" and the Federal law "About the General Principles of the Organization of Local Self-government in Russian Federation"»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2014, no. 22, art. 2770. (in Russ.).

Gorodetskaya N., Malykh Ya. *Reforma MSU poydet cherez Volgograd* [Reform of local government will go through Volgograd], *Kommersant*, 2014, Jan. 17, pp. 3. (in Russ.).

Il'inykh A.V. *Reforma mestnogo samoupravleniya v deystvii: ot territorial'nykh preobrazovaniy k izmeneniyu organizatsionno-pravovykh osnov* [Reform of local self-government in operation: from territorial transformations to change of organization-legal bases], *Sotsium i vlast'*, 2015, no. 2 (52), pp. 62-67. (in Russ.).

Kapustyan L.A. *Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya* [Domestic and foreign experience of the territorial organization of local government], *Imushchestv. otnosheniya v Ros. Federatsii*, 2008, no. 10 (85), pp. 18-21. (in Russ.).

Korotina N.Yu. *Osobennosti formirovaniya byudzhetrov vnutrigorodskikh rayonov v usloviyakh reformy mestnogo samoupravleniya* [Features of forming of budgets of intracity

areas in the conditions of reform of local self-government], *Sotsium i vlast'*, 2015, no. 5 (55), pp. 105-110. (in Russ.).

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 2013 goda [The message of the President of Russian Federation to Federal Assembly of Russian Federation of December 12, 2013], *Ros. gaz.*, 2013, Dec. 13. (in Russ.).

Reshenie Chelyabinskoy gorodskoy Dumy ot 26 maya 2015 goda № 9/2 «O prinyatii Ustava goroda Chelyabinska» [The decision of the Chelyabinsk City Council of May 26, 2015 No. 9/2 «About adoption of the Charter of the city of Chelyabinsk»], *Vecherniy Chelyabinsk*, 2015, June 05. (in Russ.).

Reshenie Chelyabinskoy gorodskoy Dumy pervogo sozyva ot 24 noyabrya 2015 goda № 15/24 «Ob utverzhdenii Polozheniya o territorial'nom obshchestvennom samoupravlenii v granitsakh Chelyabinskogo gorodskogo okruga s vnutrigorodskim deleniem» [The decision of the Chelyabinsk City Council of the first convocation of November 24, 2015 No. 15/24 «About the adoption of the Provision on territorial public self-government in borders of the Chelyabinsk city district with intracity division»], *Vecherniy Chelyabinsk*, 2015, June 02. (in Russ.).

Shugrina E.S. (ed.) *Doklad o sostoyanii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [The report on a condition of local government in Russian Federation], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Prospekt, 2015, 240 p. (in Russ.).

Shugrina E.S. *Novyy etap munitsipal'noy reformy ili kontrreformirovanie kontrreform?* [New stage of municipal reform or counterreforming of counterreforms?], *Konstituts. i munitsip. pravo*, 2015, no. 4, pp. 68-71. (in Russ.).

Zakon Chelyabinskoy oblasti ot 10 iyunya 2014 goda № 706-ZO «O statuse Chelyabinskogo gorodskogo okruga i statuse i granitsakh vnutrigorodskikh rayonov v sostave Chelyabinskogo gorodskogo okruga» [The law of Chelyabinsk region of June 10, 2014 No. 706-ZO «About the status of the Chelyabinsk city district and the status and borders of intracity areas as a part of the Chelyabinsk city district»], *Yuzhnoural. panorama*, 2014, June 14. (in Russ.).

Zakon Chelyabinskoy oblasti ot 12 marta 2015 goda № 138-ZO «O zakreplenii za vnutrigorodskimi rayonami v sostave Chelyabinskogo gorodskogo okruga nekotorykh voprosov mestnogo znacheniya gorodskogo okruga» [The law of Chelyabinsk region of March 12, 2015 No. 138-ZO «About fixing to intracity areas as a part of the Chelyabinsk city district of some questions of local value of the city district»], *Yuzhnoural. panorama*, 2015, March 28. (in Russ.).

Zakon Respubliki Dagestan ot 30 aprelya 2015 goda № 44 «O nekotorykh voprosakh osushchestvleniya mestnogo samoupravleniya v gorodskom okruge s vnutrigorodskim deleniem "gorod Makhachkala" i vnutrigorodskikh munitsipal'nykh obrazovaniyakh v ego sostave» [The law of the Republic of Dagestan of April 30, 2015 No. 44 «About some questions of implementation of local self-government in the city district with intracity division "city of Makhachkala" and intracity municipalities in its structure»], *Dagestan. pravda*, 2015, May 06. (in Russ.).

Zakon Samarskoy oblasti ot 30 marta 2015 goda № 23-GD «Ob osushchestvlenii mestnogo samoupravleniya na territorii gorodskogo okruga Samara Samarskoy oblasti» [The law of the Samara region of March 30, 2015 No. 23-GD «About implementation of local self-government in the territory of the city district Samara of the Samara region»], *Volzhskaya kommuna*, 2015, March 31. (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению, материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 30–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяются типографский вариант («»). Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в квадратных скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: [Булгаков 1994: 203-204].

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, – что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

Примечания, ссылки на Интернет, нормативно-правовые акты, статистические данные, газеты и иные данные публицистического характера оформляются в виде постраничных ссылок.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of education and science of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 30000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indentation, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in square brackets []. In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: [Jameson 2009: 167].

11. After-text bibliography includes the List of sources and References. the List of sources and references should correspond to the requirements of GOST 0.5–2008 «Bibliograficheskaja ssylka. Obshhie trebovanija i pravila sostavlenija».

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Notes, citations to the Internet sources, legal normative acts, statistical data and newspapers should be placed in the footnotes.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 17

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Эмих

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовский*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 25.04.2017 г. Формат 70х100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,3 Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134